
ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ЭСТОНСКИЕ НОВЕЛЛЫ И СТИХИ
БЕЗ ЖАЛОБНОЙ КНИГИ
СЕМЬ КАРТИН И. Н. КРАМСКОГО
Сергей Юткевич. ВСТРЕЧИ В ПАРИЖЕ
Copyrighted material

Кинознаменитость в творческой лаборатории. Четырехлетний участник Каннского фестиваля Габор Сабо.

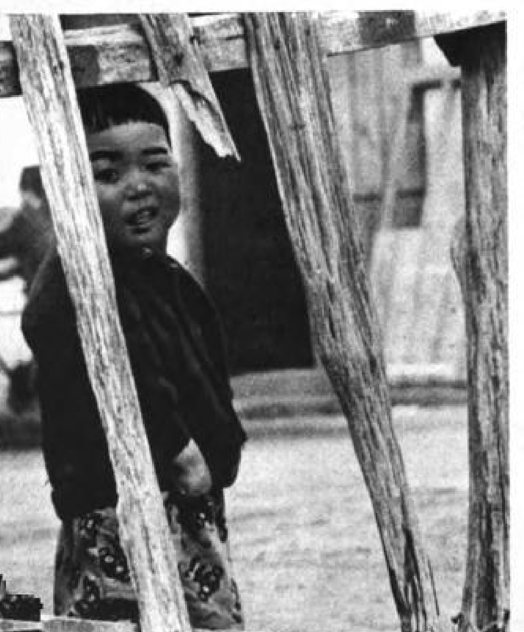

Трубят фанфары на открытии пионерского спортивного праздника. Обервизенталь (ГДР).

Париж: «Мир Алжиру! Верните с войны наших отцов!»

Юные читательницы библиотеки села Бодо (Румыния).

Голодное детство...

Катанга. Только что закончился кровопролитный бой, в котором участвовали отцы этих ребят. Пока империалисты провоцируют в Конго междоусобные войны, у этих детей нет детства.

«Мы с папой не хотим атомной бомбы!» Разгон демонстрантов в Южном Рюислип (Англия, графство Мидлсекс).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 23 (1824)

3 ИЮНЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ, ЮНЫЕ СОВРЕМЕННИКИ!

Если бы они вдруг оказались вместе в одной комнате, в саду, на лесной лужайке, они, несомненно, быстро познакомились бы, нашли какую-нибудь общую, самую интернациональнейшую игру, подружились. В конце концов им не помешали бы ни разность языков, ни разный цвет кожи и разрез глаз. Общее, что у них есть, куда важнее и дороже! Они дети. Братишки и сестренки одного десятилетия, нынешнего десятилетия нашего века. Дети разных народов, многих десятков и даже сотен народов, но равные от рождения в своем стремлении к добру и радости.

Коль скоро они появились на свет, равны их права на счастье — будь то мальчик из японского шахтерского городка или девочка из румынской деревни, черноглазый малыш из Катанги или светлоглазая крошка из графства Мидлсекс. Казалось, права должны быть равны. Но как непохоже детство катангских мальчуганов на детство пионеров Германской Демократической Республики! Разная судьба у английской девочки из графства Мидлсекс, которую вместе с отцом, демонстрировавшим за мир, схватили полицейские, и у венгерского мальчика Габора Сабо — самого юного участника прошлого Каннского кинофестиваля. Вглядитесь в лица девочек из румынского села Бодо и в лицо японского мальчика, голодное детство которого проходит в бараке на грязной улице, за прогнившим забором. Этот мальчик никогда не слышал слов «детский сад», «кружок юных авиамоделистов», «Дворец пионеров». У него нет игрушек, нет книг с веселыми картинками, часто нет даже горстки риса. Или эти французские мальчики у плаката. Нет, они не голодны и одеты совсем не плохо. Но кто поручится, что в следующий момент около них не взорвется пластиковая бомба? Так было во французских городах много раз...

Одно поколение, но разные судьбы. В этот день — Международный день защиты детей — мы, поколение отцов и старших братьев, должны поднять свой голос в защиту тех, кому вслед за нами предстоит строить будущее и жить в нем. Пусть это будущее станет для всех детей планеты мирным и счастливым!

ТЕПЕРЬ НАРОДЫ МИРА ВСЕ ЛУЧШЕ НАЧИНАЮТ ПОНИМАТЬ, ЧТО САМЫЙ ВЕРНЫЙ ПУТЬ К СЧАСТЬЮ И ПРОЦВЕТАНИЮ — ЭТО ПУТЬ СОЦИАЛИЗМА, КОММУНИЗМА.

Н. С. Хрущев. Из выступления по радио и телевидению 25 мая 1962 года.

25 мая 1962 года. Выступление Н. С. Хрущева по радио и телевидению «О поездке советской партийно-правительственной делегации в Народную Республику Болгарию».

Фото А. Ляпина.

«НОВАСИДЕР» В СОКОЛЬНИКАХ

60 итальянских фирм, которые входят в общество «Новасидер», представили свои изделия на выставку оборудования и промышленной продукции, открывшуюся в Московском парке «Сокольники».

Выражая признательность деловым кругам Италии за участие в этой выставке, Н. С. Хрущев сказал на церемонии открытия: «Торговля — это то, что нужно для улучшения взаимоотношений между странами, чего ждут люди».

На снимке: Руководители партии и правительства на выставке оборудования и промышленной продукции итальянских фирм.

Фото Е. УМНОВА.

ГОЛОС РАЗУМА И СОВЕСТИ

Широка и необъятна земля советская. Леса Карелии и степи Казахстана, хрустальные змейки горных рек Кавказа и могучее, степенное полноводие Енисея, бесконечные просторы таежных лесов, солнечная Молдавия и морозная Якутия... Отовсюду, со всех уголков нашей страны приехали сюда, в Колонный зал Дома союзов, посланцы миллионов людей. Конференция представителей советской общественности за всеобщее разоружение и мир от имени всего народа еще и еще раз заявила: «Нам нужен мир! Мы верим, что его можно отстоять!»

Борьбу за мир каждый советский человек считает своим долгом, своей обязанностью. Наш народ и наше правительство много делали и делают для того, чтобы с горизонта навсегда исчезли грозовые тучи военных конфликтов, чтобы человечество сбросило со своих плеч тяжкое бремя гонки вооружений и вступило на широкую дорогу дружбы и сотрудничества.

Голос разума и совести, голос доброй воли вновь прозвучал из Москвы. К этому голосу прислушиваются сегодня на всех континентах.

На снимках:

Слева — в Колонном зале Дома союзов.

Вверху — участники конференции: режиссер Р. Кармен, звеньевая колхоза имени Карла Маркса, Туркменской ССР, О. Уразгельдыева, слесарь завода «Красный пролетарий» Герой Социалистического Труда В. Ермилов и Герой Советского Союза А. Маресьев.

В центре — академик К. Скрябин, студентка Ашхабадского медицинского института М. Джуманиязова, бригадир комплексной бригады колхоза «XXII съезд КПСС» Н. Абдуллаева (Киргизская ССР).

Внизу — участники конференции Н. П. Хрущева и Маршал Советского Союза С. М. Буденный.

Фото Я. Рюмкина.

ВСТРЕЧА ЗА ОКЕАНОМ

Недавно советский космонавт Герман Степанович Титов вернулся из поездки в Соединенные Штаты Америки. Корреспондент журнала «Огонек» А. Голиков побывал у Германа Степановича и попросил его рассказать о впечатлениях от этой поездки.

— ПОЕЗДКУ в Вашингтон, — говорит Герман Степанович, — в какой-то степени можно считать моей второй встречей с Америкой. Пролетая на космическом корабле «Восток-2» над западным полушарием, я от имени советского народа передавал по радио приветствия американскому народу. А сейчас, когда наша делегация на «ИЛ-18» приземлилась в нью-йоркском аэропорту Айдлуайлд, мы услышали ответные приветствия американцев, ощутили тепло их рукопожатий. И, что особенно приятно, дружеское расположение мы встречали повсюду. Ходил в штатском, но на улицах сразу узнавали: «О'кэй, Титов, поздравляем с успехом!»

Американские печать, радио, телевидение уделяли много внимания советской делегации. Надо сказать, что все это делалось обычно в доброжелательном тоне, объективно. Правда, помнится, журнал «Миссайлз энд рокетс» старался уверить своих читателей, будто я выполнял космический полет в состоянии гипноза. Загипнотизировали меня два индийских йога, которых специально для этого пригласили в Советский Союз.

Очень интересны для меня были заседания Международного комитета по исследованию космического пространства. В США мы встречались с некоторыми известными конструкторами ракет и космических кораблей. В частности, с Вернером фон Брауном.

«Смогут ли в ближайшие годы мои ровесники полететь в космос?» — улыбаясь, спросил меня Вернер фон Браун.

«Это зависит от вас, конструкторов, — в тон ему ответил я. — Создавайте ракеты, которые при взлете давали бы малые перегрузки, — и отправляйтесь в путешествие».

Потом Вернер фон Браун высказал некоторые соображения о размерах будущих космических кораблей для дальних межзвездных рейсов. По его мнению, эти корабли должны быть очень большими — их нужно собирать на заводе-спутнике, выведенном на орбиту. И прямо оттуда они будут принимать старт к звездам.

— А какое впечатление произвел на вас американский космонавт Джон Гленн? — задал я следующий вопрос Титову.

— Наружность у Джона Гленна примечательная. Высокий, сухощавый, мускулистый. Глаза спокойные, внимательные. А когда Гленн улыбается, его лицо делается молодым и добрым. Он мне понравился.

Президент Международного комитета по исследованию космического пространства профессор ван де Хёльст подарил нам с Гленном голландские деревянные башмаки. По старинному обычаю, в его стране такой подарок преподносят уважаемым людям в знак сердечных пожеланий успеха и счастья. Профессор сказал при этом, что башмаки сделаны из одного дерева, и было бы хорошо, если бы они всегда ходили вместе. Джон Гленн взял правый башмак, а я — левый и шутя сказал своему американскому коллеге:

«Мы теперь два сапога пара».

Не знаю, как получилось это русское выражение в переводе на английский, но Гленн весело смеялся.

Нашей делегации задавали много вопросов об устройстве советского космического корабля, о ступенях ракеты-носителя. Сообщение о том, что суммарная тяга всех ступеней ракеты-носителя корабля «Восток-2» равнялась сотням тысяч килограммов, произвело большое впечатление.

После пресс-конференции мы поехали осматривать достопримечательности Вашингтона. В одну машину сели мы с Гленном, а в другую — наши жены. Жена Гленна — обаятельная женщина и любезная хозяйка.

Гленн привез нас к памятнику Джорджу Вашингтону — это остроконечный шпиль, вознесенный на 175 метров. Внутри шпиля — лифт. Когда мы поднимались, кто-то пошутил: «Чувствуете, перегрузки возрастают? Совместное американо-советское космическое путешествие началось».

— А всерьез на профессиональные темы вы беседовали с Джоном Гленном?

— Известно, что космические корабли на орбиты доставляют военные ракеты. Да и мы с Гленном — люди военные, офицеры, и потому избегали сугубо профессиональных тем, опасаясь нескромным вопросом поставить собеседника в неловкое положение. Зато о том, что мы видели и ощущали в полете, говорили подробно. В частности, о светящихся «мухах» — огненных точках, кото-

Всюду на советской земле, куда приезжал глава государства и председатель правительства Республики Мали Модибо Кейта, его встречали так, как встречают друга. Митинг в честь советско-малийской дружбы в Кремле, проходивший в среду, 30 мая, был яркой демонстрацией сердечной симпатии, которую питает советский народ к народу независимого Мали. Визит Модибо Кейта в нашу страну — новый вклад в крепнущую дружбу Советского Союза и Мали.

На снимке: во время митинга советско-малийской дружбы в Кремле.
Фото Е. УМНОВА.

НАРОД ИСПАНИИ ПОБЕДИТ

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

Один из моих друзей возвратился недавно из Испании. Он был в Бильбао, Барселоне, Сан-Себастьяне, Мадриде... Он ходил по улицам, разговаривал с рабочими, участвующими в борьбе. Он возвратился очень взволнованный. В его памяти навсегда остались люди, которые там, в Испании, бесстрашно бросили вызов диктатуре. Он рассказал:

— Я приехал в Сан-Себастьян поездом из Барселоны. У меня были весьма смутные представления о забастовке. Новости из Испании, особенно о забастовках, услышишь только по иностранному радио. И то чаще устаревшие, искаженные. Официальная испанская пресса вообще не сообщает ничего о забастовках. Все население многие годы лишено правдивой и свободной информации. И все-таки, как это ни удивительно, мне пришлось познакомиться с одним официальным сообщением. Оно позволяет понять многое из того, что сейчас происходит в Испании.

Это сообщение, подписанное представителем местной власти в провинции Сан-Себастьян, я нашел в маленькой газетке. В нем говорилось: если рабочие города Беасайн не прекратят забастовку, правительство немедленно и навсегда закроет завод. Я сразу же направился туда. Это в сорока пяти километрах от Сан-Себастьяна. Там оказался завод железнодорожного оборудования. Три тысячи рабочих. Многие из них — бывшие крестьяне, которые вечером после работы возвращаются домой пешком в свои маленькие деревеньки на холмах.

Завод закрыт. Перед парком стоят вооруженные полицейские (карабинерос). Я направляюсь к группе рабочих, говорю, что моя машина попала в аварию, прошу, чтобы мне помогли починить ее. Мне отвечают не слишком приветливо: «Здесь никто не работает», «Всеобщая забастовка». Они подумали, что я подослан властями, и, конечно, наотрез отказались помочь. Разговор продолжается в закусочной. Я говорю им, что я не испанец, а итальянец, коммунист. Тотчас же все меняется. Они начинают охотно рассказывать о своей жизни, о нищенской зарплате, о невыносимых, нечеловеческих условиях работы, о своей решимости покончить со всем этим.

Два месяца назад здесь начались большие волнения. Рабочие прекратили работу, женщины вышли на улицу и организовали демонстрацию. Тогда вмешалась полиция и арестовала десятки людей. Одновременно было обещано повышение заработной платы. Рабочие снова приступили к работе. Но власти не сдержали своего обещания. Рабочие не получили ничего, и снова началась забастовка.

Я спросил у рабочих: «Как же вы будете продолжать, ведь вам больше не платят?»

«Ну и что же,— ответили мне,— мы будем есть еще меньше. Мы ведь боремся за лучшую жизнь. Многие с надеждой смотрят на нашу борьбу. В случае необходимости они будут вместе с нами».

Официальная пресса заявляет, что Франко — это любящий отец испанского народа и что после «освобождения» (после прихода к власти фашизма) испанский народ благоденствует. Почему же рабочие бастуют? Напрасно вы стали бы искать ответ на этот вопрос в официальных газетах и журналах.

Ответ на этот вопрос нужно искать в другой прессе. В подпольной. В Барселоне восставшие студенты печатали маленькие газеты. В них рассказывалось обо всем происходящем во время забастовок, в частности в Астурии. С помощью этих газет студенты организовали среди населения сбор денег для поддержки бастующих шахтеров.

Тактика борьбы против существующего режима очень разнообразна и часто приносит хорошие результаты. Забастовка шахтеров, начатая в Астурии, не единственная. Все новые и новые массы трудящихся вступают в борьбу. Вспыхнувшая в одном городе забастовка, как пожар летом, перекидывается в новые и новые районы.

После Беасайна началась забастовка в Эль-Ферроле. Успеха добились рабочие «Энаса» — автомобильного завода Барселоны. Потом забастовка докатилась до фабрики мотоциклов. По мере распространения забастовок требования рабочих становятся все более решительными и определенными. Прежде всего увеличение зарплаты и свобода забастовок. Это — требование всех слоев Испании. Рабочие говорят открыто: они могут рассчитывать на поддержку всего народа, которая проявляется, несмотря на тысячи различных препятствий, несмотря на постоянную угрозу словом и действием со стороны правительственных властей. Если забастовка рабочих сомкнется с выступлением крестьян, режим Франко окажется в кризисном положении.

Самой волнующей в Испании была встреча с одним из подпольных руководителей забастовки. Я спросил его о многом. Приведу только один из его ответов, который мне показался наиболее значительным: «Чем бы ни кончилась наша борьба, на этот раз результаты уже достигнуты огромные. Мы доказали, что фашистский режим бессилен помешать рабочим сплотиться для борьбы. Во-вторых, было доказано, что фашистские профсоюзы не имеют никакого влияния на массы трудящихся. Как только началась забастовка, фашистские профсоюзные деятели улетучились, как призраки. На их месте появились новые, настоящие руководители масс. Такие профсоюзы пользуются авторитетом у трудящихся. Кроме того, была разоблачена так называемая политика «стабилизации», основанная на замораживании заработной платы. Теперь в Испании всеобщее повышение заработной платы становится неизбежным. Короче говоря, массовые забастовки в Испании ясно показали противоречия и слабость фашистского режима. Фашистский режим разложился, час его пробил.

Впереди, может быть, очень долгая и трудная борьба, но в конце концов кровавая диктатура Франко будет свергнута.

Народ победит».

Рим. По телефону.

рые мелькали перед иллюминатором Гленна. Я тоже в полете наблюдал подобные явления и высказал предположение, что это были остатки топлива, выброшенные наружу после продувки двигателей. Гленн не согласился с моим мнением.

Нам не стоило много толковать о технических вопросах, связанных с устройством космических кораблей. Ведь мы оба знали, что американские космонавты летают, если можно так выразиться, на менее надежной материальной части. Старт Гленна неоднократно откладывался из-за технических неполадок. Это — очень тяжелое испытание для выдержки и смелости космонавта. Я хорошо представляю, что при этом испытывал Гленн. Кстати, потом на международной выставке в Сиэтле мы видели капсулу, в которой совершал свой полет Алан Шепард. Она очень невелика. Космонавт в ней сидит в неудобной позе. Пролетать в такой позе целые сутки было бы довольно сложно.

После поездки по Вашингтону Джон Гленн пригласил меня с женой в гости. Мы с удовольствием приняли приглашение. Гленн живет в городке Вирджиния. Это километрах в 70 от Вашингтона. Его уютный дом стоит на холме. Хозяина мы застали на кухне. Повязавшись фартуком, он жарил мясо над пылающими угольями, а мадам Гленн накрывала на стол. Я снял пиджак, тоже повязал фартук и стал помогать своему американскому коллеге. Дело у нас шло быстро, однако не на высшем кулинарном уровне. Скоро все собрались в столовой. Это просторная, светлая комната с низким столом, низкими удобными креслами. У стены широкая тахта и книжная полка, на полке ваза с яркими цветами. Первый тост провозгласили за удачные полеты космонавтов, за благополучное их возвращение на родную планету.

Разговор шел за столом веселый, непринужденный. Включили магнитофон, и я с удовольствием слушал 7-й вальс Шопена. Видимо, в семье Гленнов любят и понимают музыку. Мы с женой пригласили к себе в гости Гленнов и Шепардов:

«Приезжайте к нам. У вас мы вместе жарили бифштексы, а у нас вместе будем делать сибирские пельмени».

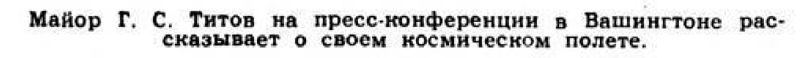
Знакомство с семьей Гленнов оставило у меня самые приятные воспоминания.

— Пришлось ли вам встречаться с американским космонавтом Скоттом Карпентером, который вслед за Гленном совершил орбитальный полет вокруг Земли?

— К сожалению, нет! Но мне хочется от души поздравить американского космонавта с успешным полетом!

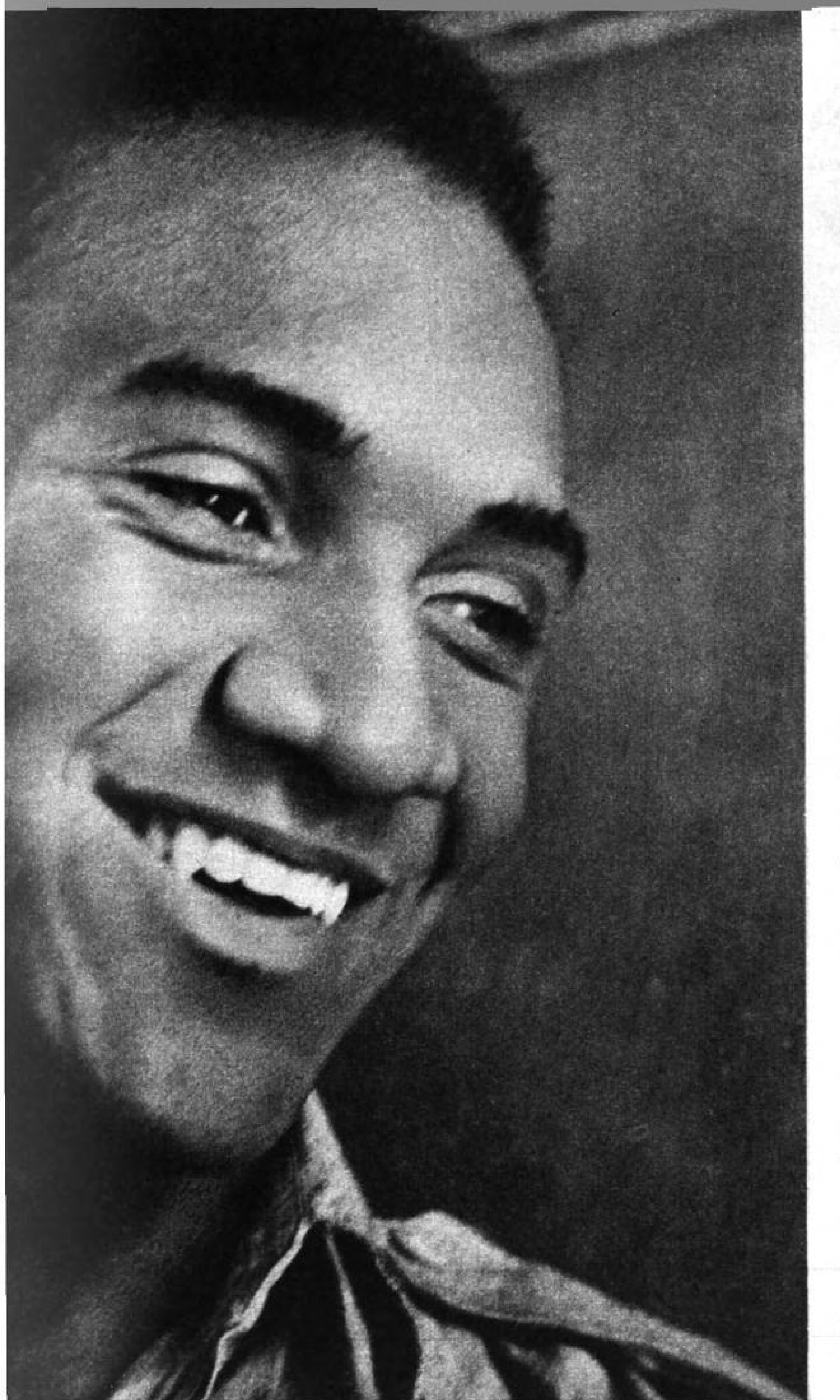

Дружеская беседа. Джон Гленн и Герман Титов.

Майор Г. С. Титов на пресс-конференции в Вашингтоне рассказывает о своем космическом полете.

Их тысяча. Тысяча кубинских парней, которых революция отправила в Советский Союз учиться на механизаторов. Они поклялись Родине, поклялись Фиделю, что станут хорошими специалистами. Они сдержали слово.

«Россия готовит солдат для Кастро»,— надрывались в свое время западные газеты, публикуя сообщения об этой тысяче. Да, эти парни называют себя солдатами. Солдатами революции. Но их оружие сегодня не автомат и не граната. Революции нужны умелые и грамотные люди для той мирной армии, которая ведет на зеленом острове свободы наступление против нищеты.

Молодые кубинцы учились на полях Украины и Кубани, Узбекистана и Грузии водить тракторы, пахать, сеять, выращивать высокие урожаи. Вот их «воинская» специальность!

Почти год провели они у нас. Позади учеба, позади производственная практика. Сегодня посланцев Кубы обнимает Москва. Скоро их обнимет Гавана.

Генрих ГУРКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

С отличными знаниями уезжает на родину Мартин Агиар.

СОЛДАТЫ РЕВО

«ПЕРФЕКТО» — ЭТО ЗНАЧИТ «ОТЛИЧНО»

Из-под новенького, поблескивающего хромированной отделкой «Москвича» торчат четыре ноги. До меня доносятся обрывки фраз. Разговор под машиной идет профессиональный: о каких-то причудах кардана.

Одна пара ног, конечно, принадлежит шоферу Сурику. Этот обаятельный парень с красивыми, чуть грустноватыми глазами — фанатик своего дела. Каждую свободную минуту Сурик ковыряется в машине. И «Москвич» у него, хоть и пробежал по грузинским дорогам много тысяч километров, ну прямо игрушка! Как будто только с завода.

А кто там с Суриком?

Вылезает из-под машины и вытирает руки тряпкой стройный крепыш с щеголеватыми усиками. Вчера меня познакомили с ним. Доминго Алонсо—весельчак, шутник, мастер на все руки. Знаете, как он поет «Сулино»? А как водит трактор?

Когда товарищ Блас Рока побывал здесь, в Дигомском училище механизации сельского хозяйства, ребята пригласили его на площадку, где стояли машины, и показали, чему научились.

Рычали моторы, тракторы послушно выполняли сложные операции. Сияли глаза ребят, гордо восседавших за штурвалом.

— Молодцы, молодцы!—взволнованно повторял гость.

А потом с Кубы доставили газеты. Там был опубликован отчет о пресс-конференции, которую устроила кубинская делегация, присутствовавшая в Москве на XXII съезде КПСС и совершившая поездку по Советскому Союзу. Из рук в руки переходил зачитанный до дыр номер «Нотисиас де Ой» с отчеркнутыми словами Блас Рока: «Я приехал в Тбилиси и увидел, как наши парни прекрасно водят тракторы, они настоящие виртуозы-водители; ребятам всего-навсего четырнадцать, шестнадцать и семнадцать лет, а они уже проделывают на тракторах всевозможные пируэты...».

Девять типов тракторов освоили Доминго и его друзья. Сухощавый, собранный, требовательный педагог Валериан Мосидзе знакомил их с устройством двигателя. Внимательный и заботливый «маэстро» Юра Джугели учил водить «Беларусь» и ДТ-54, легкий, подвижный КД-35 и мощный С-80. А потом с площадки училища ребята перебрались на поля Натахтарского, Окамского, Агаянского совхозов. И там держали экзамен. Не перед государственной комиссией — перед крестьянами, перед совхозными механизаторами.

Результаты?

— Перфекто, — говорит директор училища Александр Багратович Асланишвили. И, улыбаясь, переводит: — Это по-испански значит «отлично».

ТЕРРИТОРИЯ, СВОБОДНАЯ ОТ ЛЕНТЯЕВ

Первомайский выпуск стенгазеты. Она называется «Год просвещения». Рядом с заголовком — кубинский и советский флаги. Читаю заметку «Мы учимся», написанную на русском языке.

Вот ее полный текст. Я не изменяю в нем ни одного слова.

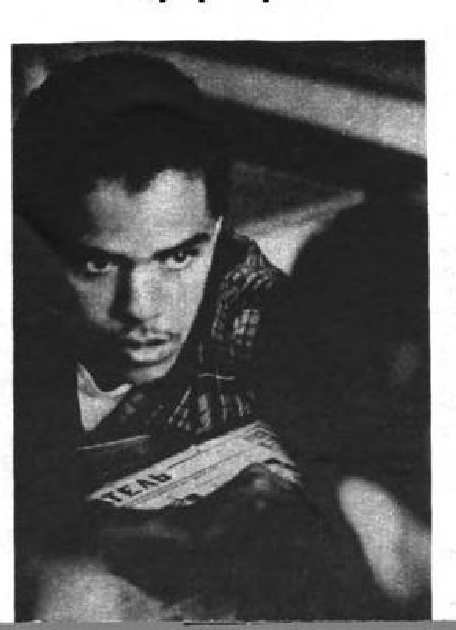
«Дорогие друзья, мы должны поговорить в этот день, как мы учимся, потому что мы приехали из

В читальном зале.

Колосья урожая, выращенного молодыми кубинцами на земле Грузии.

Трудный вопрос. Но товарищи помогут разобраться.

Кубы учиться здесь, в СССР. Да, сейчас мы учимся хорошо, но надо учиться еще лучше, потому что очень скоро мы уедем на Кубу. Что мы скажем нашему герою Фиделю Кастро? Например, если Фидель спрашивает: что вы знаете? Что мы отвечаем, если мы не будем знать ничего? Нет, дорогие друзья, надо учиться больше и лучше. Я думаю также, что, когда мы приехали сюда, мы не знали совсем ничего. Но сейчас мы знаем уже очень многое, потому что у нас здесь хорошие учителя. Фидель Кастро ждет, что мы будем хорошо знать технику в сельском хозяйстве, замечательные советские машины. Потому что Куба строит социализм. Когда мы вернемся на Кубу, будем находиться там и ничего не сможем делать, что будут говорить янки? Они могут сказать: смотрите, эти ребята-кубинцы, которые учились в СССР, не знают ничего... Я больше не буду говорить, но вы понимаете меня. И сейчас только одно хочу сказать: вперед к победе в нашей учебе. «Учиться, учиться и учиться». Как говорил Ленин.

Мигель Эрнандес».

...Слушаю ответы Мигеля на собеседовании по плодоовощеводству. Он говорит на русском языке. Почти не останавливаясь, чтобы подыскать нужное слово, свободно владея специальными терминами, рассказывает о том, как обрабатывается почва, сколько семян какой культуры высевается на гектар, какие существуют способы хранения овощей.

В углу комнаты, где проходит собеседование, алый флажок со словами: «Территория, свободная от неграмотности». Лозунг и действительность Кубы. «Неграмотность убивает народ, нужно убить неграмотность»,— говорил Хосе Марти. Революция привела в исполнение этот справедливый приговор!

...Отвечают ребята. Приземистый, чуть угловатый Ромео Амадор. Порывистый Рафаэль Гарсиа. Спокойный, сосредоточенный Роберто Вальдес — участник боев на Плайя-Хирон. На шее у него деревянный амулет с портретом матери.

Хорошо, очень хорошо отвечают! Да, училище в Дигоми, этот маленький кусочек Кубы на советской земле,— территория, безусловно, свободная от неграмотности. И от лентяев.

АНТОНИО ГОНСАЛЕС. ЧЕЛОВЕК С БУДУЩИМ

— Ломоносов родился на севере России, недалеко от города Архангельска. Отец его был крестьянином-рыбаком...

Задорный мальчишеский вихор, морщинки от напряжения залегли у переносицы, глаза чуть прищурены.

У доски — Антонио Гонсалес, самый младший из сорока пяти кубинцев, заканчивающих учебный год в Дигоми.

...Час назад мы сидели с ним на скамейке у входа в училище. Он показал на горы, зеленые спины которых подпирают небо.

— Как у нас, только пальм нет.

Потом, отвечая на мой вопрос:

— Ну, какая у меня биография? Я, так сказать, человек без прошлого, да?

И весело смеется, сверкая зубами.

Все-таки рассказывает. И о своей деревне Агуада де Мойя — это в провинции Лас Вильяс, неподалеку от Сьерра-Эскамбрай. И об отце — он крестьянин. Земли никогда раньше не имел, всей-всей землей владел Бенито Ремедьос. Он жил в поместье неподалеку, а землю отдавал в аренду. Дядя Антонио, брат отца, арендовал участок. Ну, а у отца денег не было. И он уходил на целые месяцы, по всей стране искал работу. А дома оставалась мать с детьми. Он, Антонио, самый старший. А еще — Тирсо, Базилио, Хосе, Мигель, близнецы Нанси и Нимина да совсем маленький Нельсон. Было очень трудно...

А потом пришла революция. Вся деревня ликовала. Создали кооператив, большинство семей в него вступило. Враги пытались поджечь птицеферму, сахарный тростник. Народ поднялся, схватили поджигателей. Узнали, что посылал их Бенито Ремедьос. Трибунал приговорил его к смерти.

Антонио лезет в карман, достает несколько конвертов. Красно-синяя каемка авиапочты, яркие марки.

— Из дому. Отец пишет. Он в правлении кооператива, руководит орошением. Урожай хороший получили. Очень помогли советские специалисты. Наши крестьяне их очень уважают.

Антонио рассказывает, как год назад его вызвали на собрание Ассоциации молодых повстанцев. Сказали: мы решили послать тебя учиться в Советский Союз. Без памяти от радости бежал через всю деревню, чтобы поделиться новостью с отцом, с матерью. Ну, а дальше Гавана, проводы... И незабываемая встреча в Одессе. А потом учеба.

— Где будешь работать, когда вернешься домой?

Твердый ответ:

— Там, куда пошлет революция.

И как-то сразу повзрослел этот совсем еще юный солдат революции, «человек без прошлого», человек с большим будущим.

— ...Ломоносов в своих произведениях выражал веру в простой народ и призывал служить ему...

Антонио Гонсалес дочитывает отрывок. Потом спрягает:

— Я учусь в СССР. Ты учишься в СССР. Он учится... Мы учимся...

Отвечает на вопросы по грамматике. Подлежащее, сказуемое. Глагол, повелительное наклонение.

Повелительное наклонение... Оно еще недавно было очень распространено на Кубе. Казалось, что английский язык не знает других наклонений и других оттенков. Теперь империалистам Америки, чтобы разговаривать с Республикой Кубой, навсегда придется позабыть старую грамматику — грамматику канонерок и пушек, грамматику интервенций и насилия.

Твори, выдумывай, пробуй!

Вот оно, повелительное наклонение сегодняшней Кубы.

Правда, Антонио?

ЛЮЦИИ

По полям Кубы поведут тракторы Орландо Эрнандес и Рафаэль Аркос.

Уверенно отвечает Ромео Амадор.

СТОЛЕТНИЙ ПЕРЕСМЕШНИК

Павел ПАНЧЕНКО

Сабиру сто лет. Советские люди чествуют великого азербайджанского сатирика, автора классической «Хоп-Хоп-намэ» — «Книги Удода», а он, вечно молодой пересмешник, идет по земле, и все, у кого рыльце в пушку, шарахаются в сторону.

Но вот он замечает друзей и весело подмигивает им. И они знают: псевдоним Сабир — Терпеливый — это издевка, понимать надо наоборот, потому что каждое его слово — сгусток непримиримой ненависти к старому миру, готовому истребить все живое во имя своей мошны, своего чрева.

Поэт подходит к родному городу. Здесь, на окраине, была Шихминазская улица, на которой он жил. Где она? Землетрясение разрушило, а время смело ее начисто. Он садится на придорожный камень, опускает веки, вспоминает.

Нескладно жил он здесь когда-то, все выходило как-то не так, наоборот. Начать хотя бы с первого дня. Хотел родиться в Тегеране, во дворце шаха, чтобы, взойдя на престол, не распродавать свою страну, а раздать ее угодья по справедливости всем труженикам, но довелось родиться в Шемахе, в невысоком глинобитном домике, в семье мелкого торговца Мешади-Зейналабдина. Подрос, хотел научиться чему-нибудь хорошему, а попал в науку к молле, который вдалбливал в головы ребятишек премудрость корана, обучал фарсидскому и арабскому языкам. Хотел складывать в строчки приятные, певучие слова, а молла осыпал его за это «цветами», то есть избивал палкой, каждый удар которой, по мусульманским преданиям, якобы выращивал цветы на теле...

О, какое это было счастье, когда благороднейший поэт Сеид Азим Ширвани открыл в Шемахе школу нового типа, которая давала общее образование и где изучался не только родной язык, но и русский и французский! Набожный Мешади-Зейналабдин не устоял перед неотступными просьбами двенадцатилетнего Мирзы Алекпера и отдал его в сомнительную школу, где священному творению Мухаммеда предпочтут стихи его собственного сына. Однако совсем недолго — всего два года — юный поэт жил, как в раю. Учитель так расхваливал сына, что отец решил применить его способности там, где они будут полезней,— в торговой лавке.

Дело все же не развивалось, товары шли плохо. Почему? Оказывается, сын сидел в лавке и что-то выводил в записной книжке, а приходившим покупателям бормотал, как спросонок: «Ничего не продается». И снова погружался в свое странное занятие. Отец рвет записную книжку в клочья и запускает ими в лицо незадачливому своему помощнику.

Верблюжьей поступью приходят и уходят годы, мелькают дни, как лица покупателей. Наконец Мешади-Зейналабдин благословляет двадцатитрехлетнего сына в дорогу. Поэт идет. Куда? В города своих мечтаний — в Хамадан, Нишапур, Самарканд, Бухару, Ашхабад, Мерв. Он знал о них понаслышке, а теперь видит воочию и сказочные богатства их и неописуемую нищету. Мерв полюбился ему больше других городов, и почему бы не остаться здесь навсегда? Но... весть о смерти отца расстраивает его планы. Он торопится в Шемаху, чтобы утешить мать, оставшуюся с большой семьей, и помогать ей. Старея и слабея с каждым годом, она уговаривает сына жениться. Ему не до этого, но в доме действительно не хватает женских рук, и он приводит в дом хозяйку.

Увы, закон жизни неумолим: положение не улучшилось, а ухудшилось, потому что к одной семье стала прибавляться другая.

Но вот начинается новый век — двадцатый. Что он принес одинокому бедствующему поэту? Прежде всего прекрасного друга: из Тегерана на родину вернулся поэт Аббас Сиххат. Он моложе, но отлично знает и восточную и западную литературу, много переводит с французского и русского. С ним легче дышится. Он умеет собирать около себя людей, влюбленных в поэзию и думающих о судьбах своего народа.

Душная мгла придавила горы, леса, поля, весь белый свет. И вдруг от края до края гроза. Небывалая гроза, необычайная — человеческая! Не молнии полыхают, а красные знамена. Революция! 1905 год. Перепуганный насмерть русский царь, отводя удары от себя, сталкивает народы. В Баку потекла кровь армян и азербайджанцев. Сабир встает между теми и другими со страстным призывом: «Армяне — братья мусульман! Зачем же встал на брата брат?» А через год его голос уже звучит со страниц сатирического журнала «Молла Насреддин». Его основатель и редактор — писатель Мамедкули-заде — не нарадуется, получая от неизвестного шемахинца великолепные стихи. Всем достается от него: и бекам, и ханам, и моллам, и скрягам, и персидскому шаху, и турецкому султану, и жадному бакинскому капиталисту, и правоверному ханже, и продажному писаке — всем без исключения тунеядцам, исконным врагам трудового люда. И лишь однажды пришла в редакцию ода — ода вождю иранских революционеров:

Мирза Алекпер Сабир (1862—1911).

Ты человечеству служил, не
 только миру мусульман!
Тебе, тебе моя хвала,
 неутомимый Саттар-хан!

Редактор доволен поэтом, поэт — редактором. Но, конечно, прототипы, узнающие себя в сабировских портретах, платят поэту черной ненавистью. Его предают анафеме, его обходят, отплевываясь. В открытую Сабиром школу детей не пускают. В родном городе он, как на чужбине. Поэт уходит в Баку. На большой город у него большие надежды. Но и здесь Сабир наталкивается на все то же «наоборот». Истощенный недоеданием, он сдает наконец экзамен на учителя и получает место в школе рабочего поселка Балаханы, а заодно поступает ночным корректором в редакцию газеты.

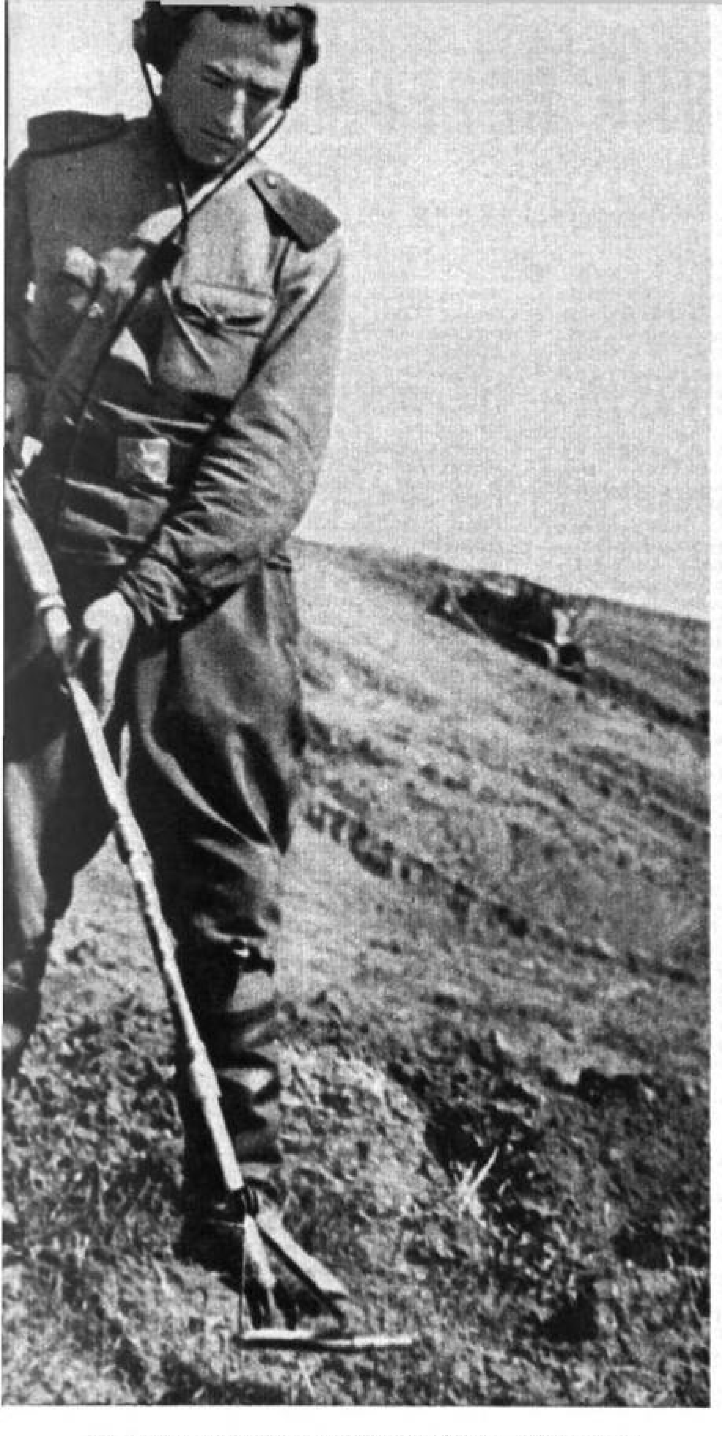
Поэт повеселел: живет среди рабочих — поближе к революции! Беседует с ними при случае, пишет книгу стихов для детей, посылает деньги семье, но... что с печенью? Назойливая, сосущая днем и ночью боль невыносима.

12 (25) июля 1911 года поэт умирает.

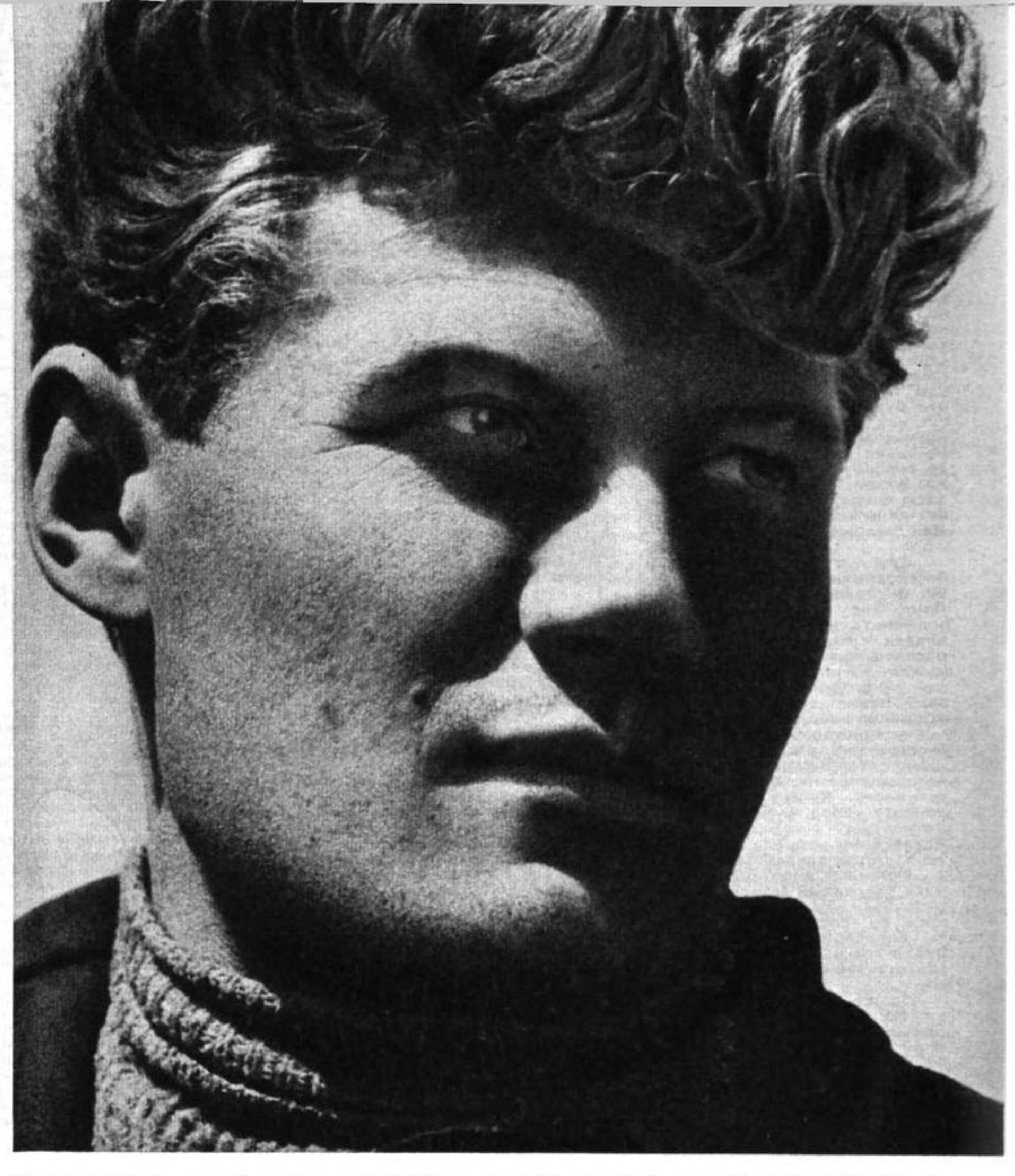
И все же заветное желание Сабира исполнилось:

Когда я уйду — ты, что пела
 в крови,
Свобода, разлейся, как пламя
 зари!
Свобода великая, вечно гори!
Свобода-красавица, вечно живи!

Нет глинобитного домика на Шихминазской улице в Шемахе, но жива свобода, и она бережно хранит сердце поэта, бьющееся для всего человечества.

Делу мира служит солдат Джуберш Худжадзе.

Слава Казаченко, отслужив на Северном флоте, приехал на канал по комсомольской путевке.

Бой идет за Перекопом. Земля, сухая, белесая под полуденным солнцем, разворочена бульдозерами. В воздухе пахнет разгоряченными моторами, гарью отработанной солярки. Грохот тяжелых машин и лязг съеденных трудным грунтом гусениц тонет, глохнет в тишине безбрежного степного простора.

Бой идет за Перекопом. Мирный бой на трассе рождающегося в немалых муках Северо-Крымского канала. Он очень нужен крымчанам; они ждут его, строят. Канал даст влагу, в которой такая нужда в степи, заполоненной плантациями пшеницы и кукурузы, виноградниками и садами.

Степь просит пить. Будет вода — тогда на многих десятках тысяч гектаров крымчане возьмут по два урожая ценнейших культур! И тысячи дополнительных тонн винограда! Уже сейчас в области столько виноградников, что они могут дать по килограмму солнечных гроздей каждому советскому человеку — младенцу и старцу. А будет вода — каждый человек в стране получит винограда вчетверо больше! Но задача еще и в том, чтобы получить виноград дешевый.

Говорят, Крымский полуостров «стоит» на воде. Замечено было, что рыбу из Днепра находят в глубоких колодцах Южного Крыма... Но это малая вода. Большую днепровскую воду даст он, Северо-Крымский канал, который пересечет старый Турецкий вал и дойдет до Керчи, до Азовского моря самотеком, по гигантской, тщательно отнивелированной наклонной. Протяженность трассы — 425 километров. Работа огромная.

Мы приехали на участок, что возле самого Красного Перекопа. Взору открылось готовое русло канала — сухой котлован с отделанными берегами. Ширина по низу — 22 метра, верхнее сечение — 80 метров! Глубина канала — до 9 метров.

А вот участок у Турецкого вала. Здесь земляные работы в самом разгаре. Людей не видно, одни бульдозеры ползают по склонам уходящего в степной зной гигантского желоба, по которому побежит вода от Каховки.

Работу ведет СМУ-4 треста «Крымводстрой». Начальник треста Пархоменко меньше всего говорил о радужных перспективах в развитии сельского хозяйства после прихода большой воды. В его словах — большая тревога за судьбу строительства. Медленно строится канал. Виновны не те, кто в зной и слякоть не выпускает рычагов бульдозеров, экскаваторов, грейдеров. Плохо с финансированием. «Укргипроводхоз» задерживает документацию. А задерживает потому, что на ходу меняются уже утвержденные проек-

Н. БЫКОВ, Б. КУЗЬМИН

НА РУБЕЖАХ СЕ

СТЕПЬ ПРОСИТ

От мастерства Гали Норик и Тани Зайченко зависит настроение бульдозеристов.

ты. Земляные работы трест ведет на свой страх и риск. Но возводить инженерные сооружения — мостовые переходы и прочее — без денег и без чертежей нельзя. Областные организации помогают каналу чем могут, но без поддержки Госплана республики вести строительство полным ходом очень трудно.

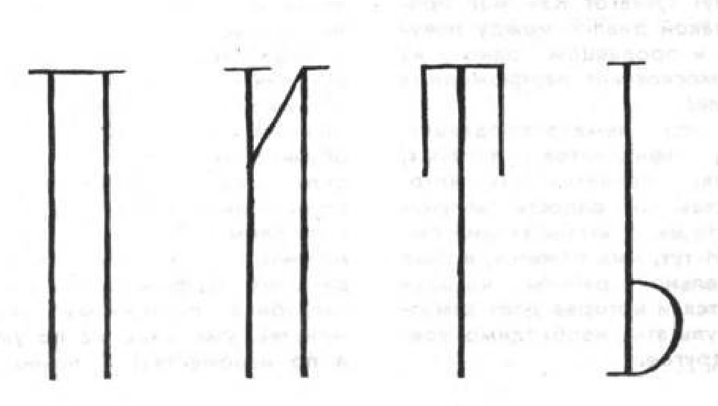
...Мы стоим на старом Турецком валу, и нам открывается вся панорама стройки. По земле, набитой рваным металлом многих сражений, до сих пор таящей сотни вражеских мин, бомб, снарядов, первыми идут солдаты мира — саперы. Туда, где прошли саперы, устремляются бульдозеры, самосвалы, экскаваторы. Параллельно со строительством канала ведутся мелиоративные работы, сооружается поливная сеть под будущий рис. Придет большая вода, и тогда только в одном Красно-Перекопском районе будут политы десять тысяч гектаров!

Ветер горчит: внизу, у вала, курчавится полынь. Вон заяц удивленно смотрит на вынырнувшую откуда-то из-под земли машину бульдозера. Стайка куропаток разбежалась, не торопясь, буквально из-под колес самосвала — пришел бетон.

Русло пока порожнего канала уходит все дальше в степь. Скорой воды вам, крымчане!

На участке бригады Владимира Нартова.

М И Л Е Т К И

Без жалобной книги

Новая Программа КПСС — воплощение в жизнь лозунга партии «Все во имя человека, для блага человека».

После XXII съезда партийные организации стали уделять еще больше внимания улучшению торговли, общественного питания, повышению культуры обслуживания населения.

Что уже сделано, что еще нужно сделать для того, чтобы служба быта действовала отлично? Наш корреспондент обратился к секретарю Московского городского комитета партии Раисе Федоровне Дементьевой с просьбой высказать свои соображения по этим вопросам.

Р. Ф. ДЕМЕНТЬЕВА,
Секретарь Московского городского комитета КПСС

Стоит ли объяснять, что такое жалобная книга? К сожалению, она настолько прочно вошла в практику, что книги эти печатаются типографским способом огромными тиражами. «Почему «к сожалению»?» — спросите вы. А потому, что в жалобной книге, даже если она приносит пользу, есть нечто унизительное и для тех, кто прибегает к ее помощи, и для тех, кто ее боится. Жалобная книга все еще остается орудием устрашения. А хочется, чтобы все без исключения наши учреждения и предприятия, призванные обслуживать население, работали не за страх, а за совесть. Я этим вовсе не хочу утверждать, что у нас нет или мало хороших фабрик и магазинов, ателье и столовых, но ведь надо (именно такая задача поставлена Программой КПСС), чтобы прекрасно работали все. И как вы считаете: сохранится ли тогда нужда в жалобных книгах?

На это могут возразить, что в жалобные книги заносят не только претензии, но и благодарности. Но разве простое спасибо, высказанное в устной форме, с сердечной искренностью, нуждается в письменном подтверждении?

Московский городской комитет КПСС много занимается тем, чтобы товары широкого потребления делались лучше и более разнообразными, чтобы торговля шла бойче, не вызывая нареканий покупателей, чтобы в столовых и кафе кормили вкусно и людей встречали приветливо, чтобы были довольны клиенты ателье и комбинатов бытового обслуживания.

Проделана тут немалая работа. И есть здесь свои маяки. Возьмите такие магазины, как № 53 «Мособувьторга», № 45 торга «Мосодежда», «Кондитерский» торга «Гастроном», булочную № 152, столовые завода «Станколит» и № 27 в Октябрьском районе... Всех нельзя перечислить, хотя очень хотелось бы, чтобы о них знали.

Появилось много новых предприятий. Например, по плану в 1961 году должно было быть открыто 365 новых магазинов, а открыли 400. Предполагалось ввести в строй 250 столовых и ресторанов, а ввели 318.

И все же успехи, как они ни приятны, не должны притуплять нашего внимания к недостаткам службы быта. Сказать по правде, нам подчас очень трудно добиться желаемых результатов. Но бывает и так, что одними своими силами нам вообще не справиться. Трудности и неполадки, о которых пойдет речь, занимают не только москвичей. О них я и хочу поговорить.

Мы вводим немало новых форм обслуживания населения. Торговля без продавцов, торговля по образцам, торговля с открытой выкладкой. Модернизируем витрины. И от этого выигрывает не только магазин, который начинает больше продавать товаров, долго считавшихся «неходовыми», но и покупатель как бы «прозревает», увидев товар в новом свете.

Вот простой пример. На улице Горького сравнительно недавно открылся магазин ювелирных товаров «Березка». Торгует он теми же изделиями, что и другие магазины «Ювелирторга». Но там годами лежат товары, которые в «Березке» идут, что называется, «нарасхват». Еще пример. В летнее время в Лужниках мы открываем ярмарку. Торгует она теми же товарами, что и другие московские магазины, но куда более бойко. Значит, мало получить с базы хороший товар. Надо уметь и продать его.

Советские люди отлично понимают, что наша промышленность и сельское хозяйство еще не производят всего в той мере, в какой нам хотелось бы. Но уж если этот товар имеется в изобилии, а до потребителя все-таки не доходит — это из рук вон плохо.

Дальше. В Москве все еще много случаев, когда население жалуется на грубость продавцов, официантов, портных и других работников предприятий быта.

Был такой случай. Заходит покупатель в парфюмерный магазин.

— Девушка, у жены день рождения, хочу сделать ей приятный подарок.

— Ну и на здоровье.

— Что вы мне посоветуете?

— С женой и советуйтесь!

— Мне хотелось бы с вами.

— Пока еще я не ваша жена.

— Но вы продавец!

— Потому и не мешайте работать.

Почему? Отчего? Как мог произойти такой диалог между покупателем и продавцом одного из лучших московских парфюмерных магазинов?

У нас есть немало продавцов, поваров, официантов, портных, мастерство, приветливость которых доставляют радость тысячам людей. Но надо, чтобы такими были все. И тут, мне кажется, кроме воспитательной работы, которая проводится и которая дает заметные результаты, необходимо коечто и другое.

Известно, что принцип материальной заинтересованности широко применяется у нас и в промышленности и в сельском хозяйстве. В торговле же в этом отношении имеется немало недостатков. Здесь, например, нет еще такой системы, при которой продавец, добившийся высокой культуры обслуживания покупателей, получал бы соответствующее материальное поощрение; чтобы продавец был заинтересован «не упустить» ни одного покупателя, так встретить и обслужить его, чтобы тот впредь всегда заходил именно в этот магазин; чтобы продавец стал для него не безразличным посредником между ним и фабрикой, заводом, но доверенным советчиком. Я думаю, если каждый работник торговли, от директора универмага до рядового продавца, будет лично материально заинтересован в продаже каждой булавки, ленты, платья, книги, радиоприемника, флакона духов, продавец не скажет покупателю: «С женой и советуйтесь!»

Кто может решить этот вопрос? По-видимому, Госкомитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и Министерство торговли.

Наши специальные учебные заведения — средние, высшие, курсы, школы и так далее,— подготавливая работников торговли, обучают их мастерству торгового дела, всем тонкостям профессии, кроме одной: как вести себя с покупателем. Допускаете вы возможность, что молоденькая продавщица парфюмерного магазина нагрубила почтенному отцу семейства, уже деду, не по умыслу, а по невежеству? Я лично допу-

скаю это. Не может хорошо воспитанный продавец отвечать на замечания покупателей: «Вас много, а я один».

Кто должен исправить это положение? Конечно, тут сыграют и уже играют свою роль общественность, партийные и профсоюзные организации. Но не пора ли ввести в программу специальных учебных заведений изучение правил хорошего тона, правил, естественно вытекающих из требований морального кодекса строителя коммунизма? Кто это должен сделать? По-видимому, Министерство торговли и ведомства, которым подчинены учебные заведения.

И тут мы подошли к одному из важнейших вопросов: кадры. Кадрами и партийные и советские местные органы занимаются очень много. Это и понятно: главная наша работа — работа с людьми. Надо постоянно заботиться об их воспитании, повышении мастерства. Все больше становится школ, курсов по повышению квалификации. Право занимать ответственную должность в службе быта и торговле ставится все в большую зависимость и от личных качеств, и от производственного опыта, и от образования. Введено обязательное утверждение вновь назначаемых директоров магазинов, столовых и других предприятий службы быта местными органами власти. Это позволяет успешнее бороться с нарушениями ленинских принципов подбора кадров.

За последние годы в торговых учреждениях Москвы выросло много хороших организаторов и новаторов, которые со знанием дела, с любовью относятся к работе. В торговлю все больше приходит людей с высшим и средним специальным образованием, юношей и девушек с производства или окончивших средние школы. В Москве имеется более 80 комсомольско-молодежных магазинов, в которых работают юноши и девушки с фабрик и заводов.

Когда я была секретарем райкома, мне часто приходилось направлять на работу в торговлю демобилизованных из армии военнослужащих. В нашем районе испытывали тогда острый недостаток в завмагах, продавцах. И вот я рекомендовала бывшим кадровым офицерам пойти в торговлю. Освоить эту гражданскую профессию не так уж сложно, а оплачивается такой труд довольно высоко. И любопытно, что многие бывшие военнослужащие отвергали мое предложение.

— Я, солдат,— в торгаши?

Я думаю, что в советской торговле, как и в любой другой области народного хозяйства, работает ничуть не меньше честных людей. Отчего же так широко распространено мнение, будто в торговле находят себе пристанище нечестные люди?

Чтобы прояснить этот вопрос, я должна сказать, что все наши неприятности в торговле, как правило, связаны с «деятельностью» людей, которых уже не раз судили за злоупотребление, воровство, взяточничество. Почему же мы этих щук, если не сказать акул, пожирающих народное добро, не вытаскиваем на сушу, а частенько снова бросаем в воду? Почему, если водителя автомобиля застают в нетрезвом виде за рулем, его можно лишить права вождения машины, а жулика-продавца нельзя лишить права работы в торговле? Либеральничаем! Наши законы гуманны. Но нельзя же бесконечно, как говорится, перегонять козла из одного огорода в другой. Даже если мы не будем спускать с него глаз, мы все равно останемся без капусты.

Я думаю, что пора поставить этот вопрос так: совершил хоть раз злоупотребление, проворовался,— значит, нельзя тебе доверить работу в торговле. И это не новый вопрос. Не пора ли нам принять соответствующий закон?

Нельзя не сказать еще об одном зле, довольно широко распространенном,— о чаевых. Как это унижает, оскорбляет человеческое достоинство, причем в одинаковой степени и тех, кто берет, и тех, кто дает. Мы не добьемся подлинно высокой культуры нашей торговли, общественного питания, бытового обслуживания, пока не покончим с этим позорным явлением. И одних призывов здесь мало. Нужно поднять всю общественность на борьбу с чаевыми.

И последнее (не по значимости), что заметно влияет на размах торговли и на качество обслуживания: неудовлетворительная работа предприятий, выпускающих товары широкого потребления. Об этом резко говорил на XXII съезде КПСС товарищ Н. С. Хрущев: «Пришло время острее поставить задачу резкого улучшения качества всех товаров. Часто в магазинах нет широкого выбора, между тем склады бывают забиты так называемым «неходовым товаром». Что это за товар? Это продукция низкого качества, от которой отворачивается покупатель».

Вопрос следует ставить только так: ни одно предприятие не должно выпускать товара, от которого отворачивается покупатель!

Много говорилось и писалось о том, что некоторые наши предприятия мало заботятся о качестве выпускаемых ими товаров только потому, что этот критерий не всегда принимается в расчет при составлении планов, при выплате заработной платы, премий и так далее. О недостатках в планировании и, в частности, о «вале» сказано столько, что, какие бы примеры я ни привела, какие бы критические мысли ни высказала, это было бы повторением давно и много раз сказанного.

Что же делать? Очевидно, Госплану, министерствам и совнархозам целесообразно пересмотреть здесь систему планирования. О том, что дело это возможное, говорит хотя бы такой факт: швейной промышленности разрешено планирование по стоимости обработки изделий. А что это значит? Фабрике теперь безразлично: шить костюмы из ткани по 50 рублей метр или по 15 рублей метр. На заработке, премиях это не отразится. Какая ткань больше нравится покупателю, из той и будут шить костюмы.

Одними призывами к сознательности руководителей предприятий делу тут не поможешь. Нужна система материальной заинтересованности.

Когда мы решим эти и многие другие задачи, думаю, будут довольны все, кто пользуется услугами службы быта, а о жалобных книгах тогда, наверное, вообще забудут.

Мастер-повар Утепкалий Альжанов.

КАК ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ?

НЕ КАШЕЙ ЕДИНОЙ

К. БАКШИ

Фото М. Начинкина.

Профессию повара принято считать «неосновной», «неведущей», «непрофилирующей». Повар не составляет программы для счетно-решающих машин, не врубается в угольный пласт, не поднимает целину. На первый взгляд его удел — раскладка, вся его премудрость в поваренной книге. Как это пишется: «Обмытое, очищенное от сухожилий мясо провернуть через мясорубку». Провернуть, добавить, промыть...

Где же гурьевская каша!

Провожая меня в командировку, знакомые говорили:

— Едешь в Гурьев? Да еще к повару. Эх, и поешь же ты там гурьевской каши!

Я полез в книгу «Кулинария» и посмотрел, что это такое. Обыкновенная манная каша на молоке. Сладкая, с изюмом и фруктами. А почему «гурьевская»? Этого там не было сказано.

Может быть, это одно из имеющихся в нашем языке устойчивых словосочетаний? Таких, как, скажем, тульский самовар, курский соловей или сибирские пельмени?

Я понимаю, что не самоварами славится современная Тула, не пельменями — Сибирь, не соловьями — Курск, и Гурьев — старинный город в устье реки Урал, город нефтяников, геологов, машиностроителей, химиков, рыбаков — славится не сладкой кашей.

Но в Курске соловьи весной щелкают. В Туле самовары производятся, в Саратове звучит гармошка с колокольчиками. А вот в Гурьеве гурьевской каши нет, и все удивляются, какое отношение она имеет к городу.

И вот выясняется: зря, оказывается, я допытываюсь в Гурьеве про гурьевскую кашу. Никакого отношения она к городу не имеет и названа так в давние времена по фамилии одного большого любителя этого блюда.

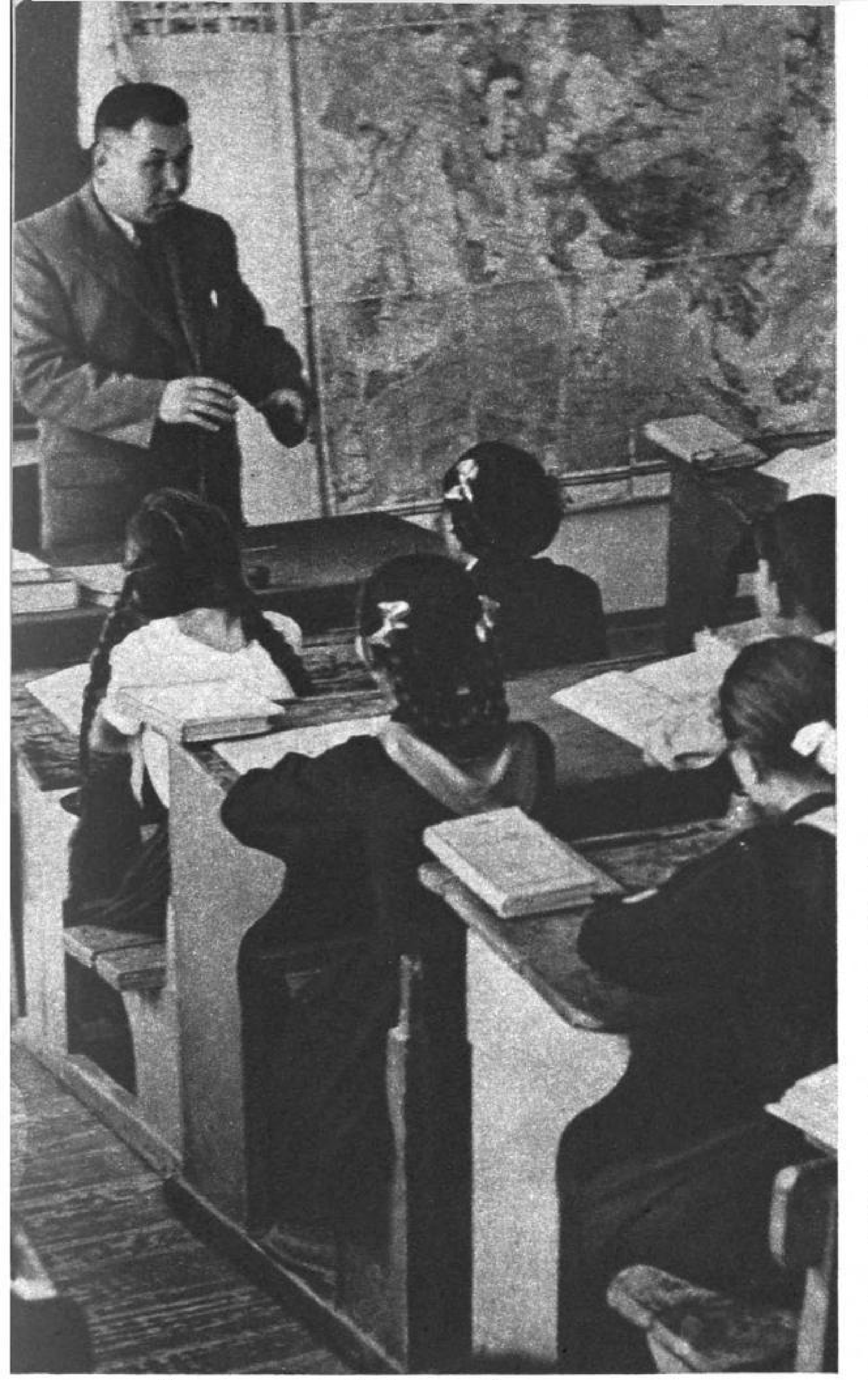
И повар Утепкалий Альжанов решительно заявляет:

— Мы ее не готовим. Конечно, для вас можно сделать, но у нас в Гурьеве фирменные блюда— мясные и рыбные. Рыба-то у нас за окном плавает, в реке Урал. А манная крупа, может, за сотни километров. Значит, наше, гурьевское, не каша, а рыба. Балык по-казахски. Что можно делать из нашей рыбы? Все! Неделю буду готовить, и каждый день разное. Ты бешбармак из севрюги ел? Значит, нет? А пельмени из судака? Нет? А рыбный рулет? А наш рыбный пирог? Нет? Значит, ты не знаешь наших любимых кушаний.

Утепкалий по-русски говорит бойко, но с сильным казахским акцентом, отчего его любимое словечко «значит» звучит как «знащт».

— Значит, сначала поешь колбасу из судака. Мягкую, ароматную, самую вкусную в мире. Потом сорпа. Густая, как сливки, жгучая, как перец. В народе говорят: «Ет етке, сорпа, бетке» — «Сорпа делает человека красивым». Примерно так по-русски. Потом на второе, значит...

Я слушаю Альжанова и вспоми-

Депутат горсовета У. Альжанов беседует со школьниками.

наю спор с Шумейкиным, с директором ресторана «Волга» в Астрахани. Все началось опять-таки с Альжанова.

В прошлом году Утепкалий приезжал в Астрахань, был в ресторане, готовил гурьевские фирменные блюда, в том числе рыбный пирог.

— Вкусно, всем понравилось. Только у нас вообще такие блюда не очень популярны,— говорит директор.— Домашние хозяйки варят рыбу не хуже повара. Тут у нас большая конкуренция, и с этим ничего нельзя поделать.

Вот вам два соседних города. И две разных точки зрения на то, что̀ и как надо готовить.

Кстати, о домашних хозяйках. Для Альжанова это едва ли не самый важный вопрос. Однажды он делал трехчасовой доклад в гурьевском клубе нефтяников для молодых хозяек. На кафедру Утепкалий взошел, держа в руках вместо конспекта поварской инструмент. Речь шла не об отвлеченных материях, не о пользе вкусной и здоровой пищи вообще, а о том, как покупать мясо и рыбу, как готовить манты и шашлык. Аудитория была завоевана.

Но мало дать молодой хозяйке несколько полезных советов, гораздо важнее подумать, как вообще освободить ее от кухни. Этот вопрос больной для Альжанова. Об этом Альжанов думает очень много. Он убежден, что в его ресторане кормят вкуснее, чем дома. Но домашние хозяйки к нему в «Урал» почти не ходят.

А раз гора не идет к Магомету... Одним словом, нужно, чтобы ресторан сам чаще приходил к домашним хозяйкам. Чтобы это был центр, откуда по всему городу распространялось кулинарное искусство. Нужно больше готовить для специального магазина на продажу. Такие встречи, как в клубе нефтяников, устраивать регулярно и на всех предприятиях. Может быть, открыть даже на общественных началах кулинарную школу.

Но беседы беседами, а самое главное — практический показ. Хорошо бы молодым хозяйкам зайти на кухню ресторана. Тут будет возможность попробовать кушанья, сравнить, где вкуснее — дома или в ресторане.

Самым основным, самым важным Утепкалий считает вопрос — у кого вкуснее? И не только для своего ресторана, но и для любой столовой, чайханы или закусочной. «Побить» конкуренцию домашней хозяйки он предлагает разнообразием блюд, недоступных «мелкому», «немеханизированному» хозяйству. Ну, и, конечно, своими, особенными, фирменными кушаньями.

Кумарчик — чудесное растение

В первый день нашего знакомства Альжанов провел меня по своим обширным кухонным владениям, познакомил с ударниками коммунистического труда — Сапаш Симбеевой, Талшин Кошкамбаевой, Таисией Астраханкиной, с помощником повара Мурпугой Калиевой и другими.

Вторая встреча была неофициальной. Мы сидели у Утепкалия дома и пили густой казахский чай с молоком и сливочным маслом.

Тогда-то Альжанов и рассказал мне про кумарчик:

— Когда я был маленький, мать говорила: «Льет дождик шумный,— значит, будет кумарчик высокий». Желтый песок, на нем зеленый пух — кустики кумарчика. Все лето гоняли отары, ветер посвистывал на гребне барханов, покачивал безкамбак, сапрыгыш, кумарчик. А осенью мы набирали несколько мешков семян, мололи муку. Жарили лепешки. Масла не требовалось. Кумарчик сам давал масло. Лепешки были сытные, ароматные.

Прошло много лет, я уехал из села, стал сначала кочегаром, потом поваром, потом воевал, вернулся, стал работать в ресторане «Урал», и снова я съездил, не поленился, чтобы, значит, попробовать кумарчик. Очень вкусно. Жирность приблизительно двадцать процентов. Сейчас казахи покупают муку, кумарчик не собирают. Но я думаю так: зря мы его забыли. Пшеница на бархане не растет, а кумарчик растет. Ему никакого ухода не надо. А из него и хлеб, и каша, и пиво на верблюжьем молоке. Зачем отказываться от того, что есть вокруг, что растет под ногами, что можно взять — только руку протяни! Я был в Москве, зашел в ресторан «Пекин», ел китайские блюда, учился. У китайцев есть пословица: «Нет несъедобного, есть плохие повара». А мы съедобное ногами топчем, все ждем, пока, значит, манна небесная для гурьевской каши на нас посыплется.

Мне захотелось посмотреть на этот самый кумарчик. Альжанов охотно вызвался поехать вместе со мной. Он сказал, что эта поездка совпадает с его планами.

Мы выехали рано. Путь не близкий — сто пятьдесят километров от Гурьева. Грунтовая дорога, охристая от песка, разрезает гладкую, как стол, равнину. На горизонте показалась черная полоска. При ближнем рассмотрении она оборачивается отарой овец, пересекающей дорогу. Два чабана на верблюдах, безмолвно стоящие у дороги, кажутся огромными статуями.

Сидящий рядом Альжанов замечает: двугорбый верблюд дает молока больше, чем корова, только доить надо чаще. У одногорбого молоко вкуснее, жирнее.

Как-то мы говорили с ним о том, сколь красива степь весной. Я спросил: что, кроме тюльпанов, растет в окрестностях Гурьева? Утепкалий улыбнулся и ответил:

— Что растет? Картофель, капуста, огурцы, лук.— Подумал и прибавил: — Кумарчик. Самое лучшее растение, никакого ухода не надо.

...Мы подъезжали к большому селу Новобогатинское. Впереди еще километров семьдесят. Но Утепкалий просит остановиться. Заходим в один из домов. К гостю спешит хозяйка — немолодая казашка и что-то быстро и радостно говорит. Альжанов отвечает. Он, видимо, также взволнован встречей.

Я прошу Теригена, нашего шофера, перевести, о чем идет речь. Териген пожимает плечами.

— Это местный повар Шакуза Сакипова. Они говорят о столовой... Она училась у него в ресторане. Просит Альжанова достать ей электрическую мясорубку. Альжанов говорит: «Когда будешь в Гурьеве, тогда зайди ко мне...»

Перевод ничего не объясняет, из разговора выпадает что-то главное. Пока я расспрашиваю Теригена, Альжанов начинает размахивать руками. Я понимаю: происходит что-то неладное и прошу снова переводить.

— Альжанов ругает Шакузу за то, что она не сделала при своей столовой ледник,— объясняет Териген.— Между прочим, это его самый любимый разговор. Он у всех спрашивает: есть ледник? Я с ним ездил однажды тоже к повару. И Альжанов тоже ругался.

Хотя мы уже давно в пути, но Альжанов все никак не может успокоиться.

— Посетил любимую ученицу! Собирался два месяца. Любимая ученица была. ...Эх! — Утепкалий машет рукой.— Ледники я всем советую делать, особенно на целинных землях. В каждой тракторной бригаде — кухня, в каждой должен быть и ледник.

В тот день мы долго бродили по барханам, трогали сухие, колючие, словно сплетенные из проволоки, кустики кумарчика. Набрали горсть рассеянных ветром семян. И всю обратную дорогу Утепкалий говорил об этом растении.

Я подумал: дело не в кумарчике. Может быть, в нем и нет тех чудесных свойств, о которых восторженно говорил Альжанов. Дело в отношении к кумарчику, к рыбе, к национальной кухне, ко всему своему, фирменному.

Мне рассказали, как Альжанов в счет отпуска ездил в Ялту и работал там в ресторане «Интурист». Готовил казахские национальные блюда. Учил местных поваров и сам учился, как готовить по-европейски. Он мечтает поехать за границу и там показать свои фирменные кушанья. Он было приобрел путевку в Венгрию, собрал свой поварской инструмент, жена накрахмалила высокую шапочку и передник, но его вызвали в Москву, где он опять-таки работал в нескольких ресторанах, объяснял, показывал, учился и учил.

Это его жизнь, его труд. Радостная потребность.

Инструктор горкома надевает халат

Через несколько дней Альжанов пригласил меня поехать с ним к рыбакам, которые ведут под-

ледный лов на Каспии, недалеко от устья реки Урал.

Мы снова с Утепкалием сидим рядом, только перед нами дорога не желтая, а зелено-голубая, потому что под нами не песок, а лед.

Машина шла руслом реки мимо вмерзших рыбачьих парусников прямо в открытое море.

— Несколько часов мы ездили по морю, как по суху, от одной рыболовецкой бригады к другой. И каждый раз Утепкалий выскакивал из машины еще на ходу и прямо без предисловий заводил один и тот же разговор с рыбаками: какую рыбу ловят, сколько ловят, кто повар, что варят, как колхозы снабжают продуктами свои бригады, ведущие лов в море... Повар, как правило, один из рыбаков, самый младший и неопытный. Начинается инструктаж на ходу.

Чтобы было понятно, почему Альжанов поехал к рыбакам, стоит рассказать одну историю.

Некоторое время тому назад Утепкалий принес в горком партии заявление. Были там такие слова: «Решения XXII съезда партии я понимаю так: обращаюсь к вам с просьбой направить меня на самый отстающий участок предприятий общественного питания. Как опытный повар, как коммунист обязуюсь исправить там положение».

Альжанова направили в чайхану на базаре.

Когда Утепкалий в первый раз явился в чайхану, он увидел грустную картину: в пустом зале валялись окурки, пустые бутылки изпод «Арака». Очаг был холоден.

Утепкалий разжег огонь. Повернул в руках длинный с пятнами ржавчины нож. Отложил в сторону. Достал свой. Начал разделывать мясо.

Когда в восемь часов стал собираться многочисленный штат чайханы—официантки, уборщицы, буфетчица, повара,— они изумились. На плите жарилось мясо. Глыбился аккуратно нарезанный лук, в котлах варилась сорпа. Кипел чай. Все сделал один человек.

Утепкалий подал повару нож.

— Когда за конем не ухаживаешь — худой будет, когда за ножом не ухаживаешь — тупой будет. Наточи, отчисть и становись рядом.

И прикрикнул на официантку:

— Открывай скорей чайхану, люди ждут! Сегодня у нас на завтрак пять мясных блюд.

Прошло полчаса. Утепкалий с тоской смотрел на дверь. Зал был пуст. От этой чайханы давно никто добра не ждал. О ней в народе шла дурная слава. Если бы они знали, что сегодня на завтрак пять мясных блюд!

Когда пришел первый посетитель, Утепкалий, торжественный, в белоснежном колпаке, вышел ему навстречу.

— Хош келдиныз! (Добро пожаловать!) — улыбнулся Альжанов.

Посетитель, немолодой казах в мохнатой шапке, молча вынул из кармана бутылку «Арака» и поставил ее на стол. Утепкалий и глазом не моргнул. Он пошел на кухню и через минуту вернулся, неся на подносе бешбармак, куырдак, сорпу, баурсак, чай — все, что было. Окаменевший казах только таращил глаза и поднимал брови. Он ел и бормотал: «Джаксы, джаксы»...

К вечеру в чайхане яблоку упасть было негде. Через неделю Утепкалий сократил штат чайханы вдвое, ввел самообслуживание. А еще через месяц, когда работа была налажена, он пожал на прощание руку повару Кадыру Мирманову и сказал ему:

— Еда вкусна тем, как ее приготовят, и хороша тем, как ее подадут.

После чайханы Альжанов работал на Гурьевском мясокомбинате. Он там наладил выпуск казахских национальных кушаний: казы, шужик, карты, жал.

Утепкалия Альжанова утвердили внештатным инструктором горкома партии. Следить за тем, чтобы люди ели здоровую, вкусную пищу, стало его партийным делом.

...Когда мы вернулись в поселок и вошли в домик, где живут рыбаки колхоза имени Ракуша, там уже толпились шумные, докрасна загорелые люди.

Оказывается, это Альжанов пригласил «на уху» поваров, с которыми беседовал в море. Это похоже на Утепкалия. Он не терпит отвлеченных объяснений.

В низкой плоской печке, куда вмазан большой котел, гудит огонь, и пожилая казашка Пахат Мукушева подкладывает в топку связки сухого камыша. На столе бьют хвостами гвардейского роста сазан и судак, рядом в корзине — горка только что привезенной с моря воблы.

Утепкалий не спеша надевает халат, колпак, берет в руки длинный, блестящий нож.

— Сестренка,— говорит он Пахат Мукушевой,— приступим.

По красоте и точности движений это напоминает операцию знаменитого хирурга. Утепкалий действует быстро и беспощадно. Пахат ему бесшумно «ассистирует».

Через полчаса готова жареная рыба, вареная рыба под красным соусом и, самое главное,— настоящая густая рыбацкая «двойная» уха, пахнущая лавровым листом и черным перцем.

— Скорей, скорей, нужно пробовать, пока не остыла!

Все садятся на ковер перед расстеленным дастарханом — специальной клеенкой для рыбы. Утепкалию предлагают голову сазана — знак особого уважения, но он из скромности отказывается. Тогда один из рыбаков, сидящих напротив, произносит что-то торжественное.

Я тихонько спрашиваю Альжанова, что он говорит. Утепкалий мнется, потом шепчет:

— Это макал, пословица. Значит: «В жажду и простая вода покажется кумысом».

— Не так он перевел тебе,— шепчет мой сосед справа.— Человек от самого сердца сказал: «За один день такого угощения надо благодарить сорок дней».

x x x

Повар Утепкалий Альжанов — человек «неведущей» профессии. Он не гоняет отары по степи, не стоит в штормовке на палубе рыбацкого парусника, не укрощает гнутую резиновую струю нефти, ударившую из скважины. Он варит, жарит, парит. Будничный, незаметный труд. Но от его труда лучше живется людям. Тем, кто строит, штурмует и укрощает.

КАК ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ?

Е. КОРШУНОВ

Фото А. УЗЛЯНА.

МОДЫ ВКУСЫ МНЕНИЯ

Художественный совет, о котором пойдет речь в нашем репортаже,— особого рода. Он создан при Львовском совнархозе, и его цель — преградить путь безвкусице, к сожалению, еще далеко не изжитой в нашей легкой промышленности.

Сто тысяч «почему» встало перед нами. Почему во львовских магазинах мало красивой одежды, обуви, мебели, посуды?

Почему товары не всегда отличаются тщательностью отделки?

Почему, почему, почему?..

До заседания художественного совета оставалось несколько дней. Это время мы решили использовать для того, чтобы ответить хотя бы на несколько «почему».

На стекольном заводе нас встретил главный инженер Анатолий Владимирович Иванов. Без лишних слов он провел нас в небольшую комнату, оборудованную для показа образцов.

Мы остановились у большого черного стола, уставленного красивой, изящной и в то же время очень простой посудой. Здесь было тонкое стекло без лишней резьбы и никому не нужной позолоты.

— Где это можно купить? — спросили мы.

— Кое-что вам удастся «поймать» в магазинах, но большинство образцов остается лишь образцами.

— Почему?

— Слишком дешевая продукция! Хрусталем заниматься выгоднее: он дорогой, и завод выполняет план, что называется, по валу. Мы спорим, доказываем, но пока изменить ничего не удается.

Следующее «почему» мы адресовали инженеру совнархоза Павлу Анисимовичу Букрееву. Он «руководит» мебелью, и его мы застали на мебельном комбинате. Вместе с конструктором Иваном Афанасьевичем Бабчуком он изучал образцы, присланные из Ленинграда. Нельзя сказать, чтобы эти образцы были последним словом в конструировании мебели, но

Бэмби.

1.

2.

все же современны, довольно удобны и дешевы.

— Почему в магазинах города нет малогабаритной мебели? — спросили мы.

— Потому, что во Львове она не выпускается. То есть выпускалась, но ее не покупали. Вот наши образцы... Они уже сняты с производства... Посмотрите.

Мы посмотрели. Да, они действительно малы по размерам, но столь же мало в них от современных, простых, красивых и легких линий и форм. Покупатели, пожалуй, были правы, «голосуя против» рублем.

— Но сейчас положение выправляется! Через несколько месяцев в городских магазинах современная мебель появится,— поспешил добавить Букреев.

Побывали мы и в экспериментальном цехе головного предприятия обувной фирмы «Прогресс».

В темноватой, тесной комнатке над столами, заваленными моделями, склонились художники-модельеры. В углу груда коробок с образцами. На каждой ярлычок: «Отлично», «Принято», «Отвергнуто».

— Что это?

— Эти образцы обсуждались художественным советом совнархоза,— объяснила нам художник Ярослава Лотоцкая.— То, что принято, запускаем в массовое производство.

— Чем же вы руководствуетесь, конструируя новые модели?

— Модой, конечно. Но обычно отстаем, не поспеваем.

— Почему?

— Слишком сложно перестроиться. Вернее, слишком много времени уходило на «путешествие» моделей от стола художника до конвейера. Сейчас после организации фирмы «Прогресс» все это упрощается.

На швейной фабрике № 1 мы разговаривали с начальником экспериментального цеха Марией Павловной Лавреневой.

— Дома моделей предлагают фасоны, рассчитанные на новые, современные ткани. Именно эти ткани нас и «режут»: их слишком мало! Текстильные фабрики продолжают поставлять нам свою давно устаревшую продукцию угрюмых расцветок. Вот и совмещаем моду с безвкусицей. А что делать?

Итак, вкус и желание. Большинство сотрудников экспериментальных цехов, с которыми мы познакомились, обладают и тем и другим. И все же продукция львовских фабрик оставляет желать много лучшего.

Может быть, все дело в художественном совете?

И вот мы в просторном зале Львовского Дома моделей. Внизу, на первом этаже, выставка образцов, которые сегодня будут обсуждаться. Члены художественного совета, осмотрев выставку, поднимаются в зал. Их около семидесяти. Семьдесят человек — семьдесят вкусов, семьдесят мнений.

Тамара Ивановна Боровикова, секретарь совета, вынула из су-

1. Женский костюм для работы показывает Львовский Дом моделей.

2. — Вам нравится? — спросил нас Анатолий Владимирович Иванов, главный инженер стекольного завода.

3. — Прежде чем эта мебель появится во львовских магазинах, мебельщики Иван Афанасьевич Бабчук и Павел Анисимович Букреев еще и еще раз уточняют ее конструкцию.

4. Здесь работают над созданием красивой обуви для детей.
— Вот она, ошибка в расчете! — замечает опытный модельер Аркадий Маркович Батeльман.

5. Особое мнение.

6. Художница Дома моделей Ирина Владимировна Елизарова:
— Без поиска нельзя!

7. О современной одежде спорили модельеры швейной фабрики № 1.

4.

5.

3

мочки три печати. Их оттиски мы уже видели на обувной фабрике.

Открывает заседание Борис Семенович Науменко, главный инженер управления легкой промышленности совнархоза. По традиции начинается демонстрация фасонов, предлагаемых фабрикам Домом моделей. Затем выступают производственники, художники, представители торговли, модельеры...

Вопросы задаются конкретные, деловые:

— Сколько будет стоить это платье?

— А наши фабрики обеспечены необходимой для него тканью?

Пока все хорошо. Художники разрабатывают новые модели, художественный совет отбирает лучшие и рекомендует к производству. А дальше?

— В работе над ассортиментом товаров народного потребления,— говорили нам в Львовском совнархозе, — мы ищем свои, новые пути. Правда, до сих пор в области не было настоящего, хорошо организованного центра, занимающегося ассортиментом товаров народного потребления. Сейчас мы создаем такой центр. Он объединит усилия лучших мастеров экспериментальных цехов наших предприятий.

Очень мешало и другое — разработка новых моделей велась довольно разобщенно. Вы сами это видели. Чего греха таить, это не всегда приводит к добру. Вот, например, как-то одна из наших обувных фабрик представила художественному совету розовые мужские сандалеты. «Вы что? — спрашиваем мы. — Серьезно?» «Конечно,— отвечают.— А почему бы нет? Сам Иван Иваныч нам такие заказал и носит. А Иван Иваныч — большое начальство!»

Что ж, бывает и так!

Но дело-то, конечно, не в этом. И мы задаем Борису Семеновичу Науменко все тот же вопрос:

— Почему того, что мы видели на совете, почти нет в магазинах? Ведь такое положение сводит на нет всю работу художественного совета!

— Промышленность — вот в чем загвоздка. Сейчас настало время новых тканей, новых красок, в конце концов новых отношений между фабриками и магазинами. Почему бы не возвращать из магазина прямо на фабрику «неходовую» продукцию? Почему не разрешить магазинам самим договариваться с фабриками о поставках интересующих их товаров? Кое-где это уже применяется. Но пока еще не очень широко... Надо бить рублем по тем производственникам, которые уродуют красивые фасоны и модели... А в магазинах Львова вы видели коечто из изделий, утвержденных нашим советом. К сожалению, они сильно изменились на пути от нашего совета до цеха. Словом, трудностей у нас еще хватает.

Да, трудностей предостаточно. Работы у художественного совета Львовского совнархоза будет прибавляться и прибавляться. Предстоит еще большая война с безвкусицей.

6.

7.

ГУМАНИЗМ И

Сергей ЮТКЕВИЧ,
народный артист СССР

Так случилось, что в этот город я приезжал всегда в роковые для него минуты.

Первый раз это было весной 1934 года, когда парижские мостовые обагрились кровью рабочих, преградивших путь фашиствующим «королевским молодчикам».

Через четверть века я вновь стал свидетелем сплоченности французского народа, готового защищать свою столицу от десанта парашютистов, стремившихся закрепить начавшийся в Алжире генеральский путч.

Авантюра сорвалась, но фашистская реакция ушла в подполье, и сегодняшний Париж 1962 года, чьи стены расчерчены тремя зловещими буквами «ОАС», содрогается по ночам от взрывов «пластик» — так странно называют здесь самодельные бомбы, изготовленные террористами из подпольной армии генерала Салана.

В том далеком 1934 году я приехал по приглашению Ассоциации революционных писателей и художников. В нее входили лучшие представители французской интеллигенции, всегда объединявшиеся вокруг Коммунистической партии Франции. Это была пора революционной романтики. Ассоциация ставила в рабочих клубах Парижа «Бронепоезд» Всеволода Иванова, устраивала показы советских кинофильмов.

Но страх перед нарастающим движением Народного фронта усилил репрессии властей, поэтому ассоциация, организуя мой доклад о советском кино, была вынуждена искать убежища в тесном зале окраинной танцульки, еле вместившем несколько сот зрителей. Помещение было окружено плотным кольцом полицейских.

Еще бы! Надо было зорко следить за тем, чтобы ограничить тлетворную пропаганду заезжего большевистского «агитатора», осмелившегося не только рассказывать в течение полутора часов о достижениях социалистической культуры, но и демонстрировать на экране отрывки из советских фильмов, запрещенных цензурой.

Доклад мой опубликовал лишь один журнал, выходивший под редакцией Анри Барбюса, «Клартэ», что значит «Ясность».

В декабре 1961 года я приехал в Париж по приглашению журнала, который носит то же название. Уже нет в живых Анри Барбюса, но дело его подхватили молодые горячие руки энтузиастов из Союза студентов-коммунистов.

Редакция «Клартэ» вместе с Научным центром марксистской мысли, возникшим в 1960 году по инициативе Мориса Тореза, организовала в эти тревожные для Франции дни смотр всех прогрессивных сил, готовых дать отпор фашизму.

Несколько месяцев подряд молодые организаторы из «Клартэ» призывали всех студентов Латинского квартала принять участие в «Неделе марксистской мысли», которая проводилась с 7 по 14 декабря 1961 года в одном из самых обширных залов Парижа — «Мютюалитэ», что неподалеку от бульвара Сен-Мишель, главной артерии студенческого муравейника, где жизнь кипит круглосуточно.

Ночью я был разбужен глухим взрывом бомбы. «Ультра» подрывали какого-то адвоката, выступавшего на суде с обвинением взбунтовавшихся генералов.

Вот почему с понятным чувством тревоги подъезжал я на следующий день к залу «Мютюалитэ», где должно было состояться открытие «Недели марксистской мысли». И вряд ли могли меня успокоить черные ящики полицейских машин, окруживших подступы к залу. Ведь «флики» (так называют здесь полицейских) по странной случайности всегда находятся вблизи от террористических актов, но почему-то не спешат помочь потерпевшим и арестовать нарушителей порядка. Зато они проявляют проворство, когда нужно расправиться с демонстрантами, на чьих плакатах значится: «Фашизм не пройдет!», «ОАС — убийцы!», «Мир Алжиру!».

У здания «Мютюалитэ» за кордоном полицейских машин тысячные толпы молодежи, стремящейся попасть в зал. Он вмещает всего лишь две с половиной тысячи слушателей, а здесь на улице не меньше шести тысяч. И все они рвутся на серьезную философскую дискуссию, тема которой озаглавлена так: «Является ли диалектика законом мысли или законом природы?».

От марксистов выступают сегодня видный писатель и теоретик Роже Гароди — его пьеса «Прометей 1848 года» вышла у нас в переводе на русский язык — и молодой ученый-физик Вижье, от экзистенциалистов — Жан Поль Сартр и профессор Ипполит.

Пробравшись с трудом в зал с бокового входа, тщательно охраняемого ребятами из «Клартэ», я попал в атмосферу, живо напомнившую мне знаменитые московские дискуссии 20-х годов в аудитории Политехнического музея, где нарком А. В. Луначарский сражался с представителями «живой церкви», а Маяковский громил имажинистов и «ничевоков». Заполнен был не только обширный балкон, но молодежь стояла, лежала, сидела в проходах, в оркестровой яме и в двух верхних фойе, откуда уже ничего не было видно и которые пришлось срочно радиофицировать. Добавочный репродуктор вынесли на улицу, чтобы оставшиеся там несчастливцы также могли прослушать дискуссию.

Четыре часа длились серьезные и страстные дебаты. Затаив дыхание, следила молодежь за всеми перипетиями этого острого поединка мыслей.

Неудивительно, что назначенный через четыре дня вечер, посвященный теме «Гуманизм и кино», собрал не меньшую аудиторию.

На сей раз за столом президиума, кроме членов политбюро Французской компартии, философов и писателей, объединились кинематографисты различных поколений: академик Рене Клер, ученый, он же автор талантливых фильмов «Человеческая пирамида» и «Хроника одного лета» Жан Руш, режиссеры-коммунисты Луи Дакэн и Ле Шануа, представители «новой волны» режиссеры Клод Шаброль и Арман Гатти и мы, советские гости, как бы делегаты двух поколений советской кинорежиссуры — Григорий Чухрай и автор этих строк.

Председательствующий наш друг Жорж Садуль открыл дискуссию. У меня нет возможности воспроизвести ее. Могу сказать лишь одно: дискуссия была содержательной, темпераментной, и мы, советские кинематографисты, впервые имели возможность изложить в такой аудитории наше отношение к животрепещущим проблемам современного киноискусства.

Мне бы хотелось воспроизвести ход моих мыслей так, как я их представил на суд собравшихся в тот вечер.

В моем недавнем споре с редакторами «Кайе дю синема», опубликованном в ноябрьском номере этого журнала, меня очень удивили мои оппоненты Луи Маркорелль и Эрик Роммер, когда они заявили, что считают Брехта и Эйзенштейна «более чем марксистами». Я не понял этой формулировки. Она прозвучала очень эмоционально, но совершенно не научно. Из нее я усвоил только то, что моим оппонентам не нравится марксизм. Я же считаю марксизм единственным научным мировоззрением, овладение которым необходимо для каждого художника, стремящегося не только познать жизнь, но и изменить ее.

В наших руках оружие огромной силы. Это — киноискусство, адресующееся ежевечерне к сотням миллионов людей. Впрочем, здесь уже начинается спор.

Еще слишком живучи предрассудки, владеющие умами многих даже очень талантливых западных кинематографистов, о том, что именно эта массовость седьмого искусства и является его главным недостатком.

Совсем недавно я прочел во французской газете «Ар» упреки по адресу Рене Клера, осмелившегося утверждать, что кинофильм предназначен для миллионов зрителей, а не для избранной «элиты».

Как ни странно, именно в кино, казалось бы, самом передовом искусстве XX века, еще существуют обветшалые, декадентские теории, позаимствованные у д'Эзессента, героя романа Гюисманса «Наоборот».

Под предлогом теории о том, что массовый зритель не в состоянии оценить авангардистские поиски новаторов, на экранах Запада все чаще появляются эстетические безделушки, претендующие на создание новой эстетики кино. Однако претензии эти неосновательны.

Эстетику любого вида искусства, а кино в особенности, можно рассматривать только в неразрывной связи с тем, о чем говорит это искусство и к кому оно адресуется.

Художник не может и не должен уходить от своего времени.

Он не может и не должен уклоняться от той ответственности, которую несет он перед своей эпохой, перед народом и историей.

От оружия можно отказаться, когда направлено оно к насилию или порабощению.

Но художник ведет справедливую войну за человеческие сердца и умы.

Он ведет битву за человека и не стыдиться, а гордиться должен этой борьбой.

В пьесе Ионеску «Носороги» люди превращаются в животных, и как стон отчаяния звучит финальная реплика Беранже о том, что он будет драться за то, чтобы остаться человеком.

Так же в слепом отчаянии, как смертельно раненный зверь, тоскует по утерянной человечности Дзампано в финале фильма Феллини «Дорога».

Вдруг воет по-собачьи несравненная кинодива в «Сладкой жизни» того же Феллини.

Криком одиночества пронизан и весь фильм Антониони «Крик».

И бесконечно томительная «Ночь» того же Антониони заканчивается кадром из двух тел, сплетенных в любовном объятии без любви, людей, соединенных похотью и разъединенных навсегда одиночеством.

Эти талантливые произведения продиктованы чувством страха, безысходности, неверием художника в то, что есть силы, способные преодолеть звериную тоску одиночества.

В этом смысле они правдиво отражают какую-то частицу жизни капиталистического мира и одичание людей в нем.

Но они не отвечают на главный

вопрос: где причины этого процесса?

Впрочем, они и не хотят отвечать.

Вождь «нового романа» Роб-Грийе и режиссер Ален Ренэ заявили перед демонстрацией их фильма «В прошлом году в Мариенбаде», что главную работу они предоставляют воображению зрителя.

На первый взгляд эти доводы могут показаться убедительными.

Действительно, надо уважать зрителя. Можно и должно обращаться к его интеллекту и эмоциям.

Но не кроется ли за этой спасительной формулой тоже чувство страха перед окончательными выводами, перед правдой жизни?

Художник не желает быть ни прокурором, ни защитником, он занимает позицию свидетеля. Но не принимают ли его показания при этом характер двусмысленности, которая вообще никогда не свойственна большому и честному искусству?

Двусмысленность — прибежище трусливых.

Двусмысленность отнюдь не помогает в истолковании подлинных противоречий природы человека.

КИНО

Сложность и глубина человеческого характера — таким хотим мы видеть человека на экране — может быть правдивой в полной мере только тогда, когда мы покажем его в труде, в борьбе, во всех конкретных связях со своим обществом, со своим временем, со своей эпохой.

Двусмысленность приводит к тому, что некоторые буржуазные истолкователи пьесы Ионеску (а может быть, и сам автор) трактуют превращение человека в зверя как неизбежное следствие всякой унификации, всяческого «тоталитаризма» и осмеливаются здесь ставить знак равенства между фашизмом и коммунизмом.

Только чудовищное невежество и желание оклеветать любой ценой социалистические идеалы могли привести к подобным умозаключениям.

Звериное в человеке возникает только там, где господствует основной закон капиталистического общества — человек человеку — волк.

Коммунизм же борется за переустройство мира в целях раскрепощения человеческого в человеке.

Все для человека — вот главный лозунг коммунистического общества. В новой Программе Коммунистической партии СССР недаром так много места отведено моральному кодексу строителя нового мира.

Вот почему мы убеждены, что наше искусство, и в первую очередь кино, должно защищать простые нормы нравственности и справедливости, вот почему исполнено оно непоколебимой веры в достоинство человека.

Страху и отчаянию, неверию и скепсису противопоставляем мы надежду и веру в лучшие свойства человеческой натуры.

Да, эти свойства иногда бывает трудно разглядеть.

И, может быть, еще труднее рассказать о них языком искусства. Опасности штампа и шаблона, всяческого конформизма, фальшивого оптимизма подстерегают на каждом шагу художника, вступившего на этот трудный, но единственно правильный путь.

И мы, советские кинематографисты, в поисках правдивого отображения героя нашего времени часто оступаемся и не находим на палитре наших выразительных средств тех красок, которые способны передать многообразие, сложность и яркость окружающей нас действительности.

Но мы знаем, почему это происходит. Здесь против нас выступает буржуазная эстетика во всем своем всеоружии.

Об этом хорошо сказал наш великий режиссер Александр Довженко: «Художнику гораздо труднее сказать «да» настоящему и будущему, чем «нет» уходящему и прошлому».

И это верно — ведь веками накапливались в арсенале эстетики средства, которыми честный художник мог выразить свое неприятие жизни.

Эстетика прошлого (я не говорю о далеком прошлом, например, об античности или Возрождении, но о более близких временах) — это эстетика отрицания.

Эстетика **утверждения** — эстетика социалистического реализма, возникшая с исторической необходимостью в эпоху, когда идеи социализма победили на одной трети нашей планеты,— лишь сейчас начинает набирать силу.

Эту силу вынуждены признать сегодня даже те, которые избрали высокооплачиваемую профессию могильщиков всего нового, что принесло с собой искусство стран социализма.

Одно из свидетельств этой силы — триумфальное шествие по экранам мира фильмов Григория Чухрая. Я говорю о них не только потому, что лично являюсь поклонником неистощимого таланта молодого режиссера, но потому, что «случай Чухрая» кажется мне показательным.

Качество успеха фильма бывает различным: иногда это громкий успех скандала, иногда эфемерный успех, раздутый кучкой единомышленников, иногда успех моды, редко—успех запоздалый и справедливый, как это случилось с фильмами Эйзенштейна на Западе.

Но подлинная слава приходит только тогда, когда фильм проникает напролом в сердца миллионов зрителей, сокрушая все преграды, все различия языков, нравов и традиций. Так произошло с «Балладой о солдате».

В этом скромном фильме нет ни хитроумной фабулы, ни ошеломляющих монтажных или съемочных изысков, в нем играют никому не известные актеры — студенты нашего киноинститута, а действие разворачивается во время войны, которую знатоки от кинокоммерции давно объявили самой неподходящей средой для фильма, претендующего на кассовый успех.

Однако именно этот фильм и одержал победу.

А секрет этой победы ясен и прост.

Зрителю нет дела до кухни нашего киноремесла, он ищет прежде всего на экране героя, с которым он может отождествить себя, в котором видит он воплощение своих чаяний, надежд и устремлений, героя, с которого он может взять пример.

И он не находит его среди той тоскливой вереницы неудачников и импотентов, бездельников и гомосексуалистов, бизнесменов и ковбоев, одинаково раздираемых различными «комплексами», среди гангстеров и «суперменов», убийц без причины, любовников без любви, романтиков без мечты — словом, среди всех тех, кто дефилирует перед ним каждодневно на экране.

Тогда начинаются лихорадочные поиски героя, способного снова завлечь зрителя в кинозалы. Уже мобилизован весь мифологический Олимп, скачут на подмогу рыцари с большой дороги и разбойники без страха и упрека, а из Америки приближается мощный вал библейской тематики, который вскоре и затопит все экраны заблудшей Европы.

Но вот, как Давид против Голиафа, возникает простой советский парень, он не совершает героических поступков, его судьба трагична, он сгорает в горниле войны, но вооружен он пращой человечности.

Вспомните фильм: ведь главное в нем—это то, что герой движим не только ненавистью к войне, к врагу, не только любовью к ближним — к матери, которую успел он повидать лишь на короткий миг, не только к девушке, которую он больше никогда не встретит,— но не может он оставаться равнодушным к другим, часто совсем незнакомым людям, не может пройти мимо чужой беды, не может не вмешиваться в чужие судьбы, если чувствует, что словом или делом, осуждением или дружбой поможет он человеку оставаться человеком.

В том-то и заключаются сила и своеобразие образа, показанного Чухраем, что качества эти — отзывчивость и сочувствие, чуткость и доброта, скромность и мужество — не отвлеченные моральные категории или биологические свойства натуры, а результат воспитания человека в конкретных условиях социалистического общества, борющегося за утверждение нового гуманизма.

Вот почему именно такому герою отдает свои симпатии зритель, он чувствует в нем своего современника, видит лучшие свои черты и верит, что и сам в трагический час испытания тоже может стать таким, должен быть таким, станет таким.

Но нам могут возразить, что показ такого героя возможен лишь в той стране, где киноискусство свободно от коммерческой конкуренции, от цензурных запретов, от пресса капиталистической пропаганды.

Вот и на этой дискуссии в Париже Клод Шаброль, парируя упреки в том, что фильмы его пессимистичны и безысходны, утверждал, что он лишь правдиво отражает жизнь современного общества, а поскольку это общество отвратительно, то и произведения его населены столь непривлекательными персонажами.

Да, конечно, искаженный судорогой отчаяния, страха и неверия лик современного буржуазного общества честно воспроизведен в фильмах Шаброля, но наш спор с ним начинается тогда, когда выдвигает он теорию «антигероя», утверждая, что в современном обществе нет прообраза, который можно было бы опоэтизировать языком кино.

А ведь он же в одном из своих самых «черных» фильмов, «Кузены», нашел такую убедительную человеческую интонацию для обрисовки героя, когда застенчивый провинциал беззвучно читает стихи приглянувшейся ему девушке.

Я привел этот пример только для того, чтобы подчеркнуть, как понимаем мы, советские кинематографисты, трудности, стоящие перед художниками, работающими в невыносимо тяжелых условиях. Поэтому радуемся мы тем редким моментам веры в человека, которые кратко, но иногда так ярко вспыхивают во мраке фильмов, исполненных боли и отчаяния.

Вот почему дорога нам и улыбка Джульетты Мазина в финале фильма Феллини «Ночи Кабирии», и песня заключенных в концлагере из «Загона» Армана Гатти, и поэма о труде японца Кането Синдо в «Голом острове», и неистребимый оптимизм Рене Клера, чей путь уже увенчан лаврами академика. Его фильмы о простых людях Франции по-прежнему остаются близкими советским зрителям, которым нет дела до капризов части французской прессы, объявляющей «устарелым» того или иного режиссера, не желающего изменять своим принципам ради моды.

Вот почему не только гневный фильм Висконти «Рокко и его братья», но и многие другие произведения итальянского неореализма, неоднократно похороненного буржуазной снобистской критикой, продолжают оставаться близкими нам, несмотря на различие во взглядах на цели и средства киноискусства.

Недавно газета «Ар», на которую я уже ссылался, опубликовала отчет о проведенной ею анкете среди французской молодежи. Обозреватель утверждает, что подавляющее большинство озабочено лишь двумя вопросами: как сделать карьеру и раздобыть деньги, чтобы преуспеть в жизни.

Я не верю этой анкете.

Присутствие в зале тысячей юношей и девушек Латинского квартала и то внимание, с которым слушали они в течение всей «Недели марксистской мысли» наши споры,— неоспоримое свидетельство, что молодежь Франции отнюдь не состоит целиком из циников, будущих бизнесменов и скептиков.

Нет, ей свойственна напряженная духовная жизнь, жажда узнать правду о путях, ведущих не только к карьере, но о больших дорогах подлинной жизни, исполненной борьбы за свободу и достоинство человека.

И я не сомневаюсь, что эта неделя убедила большинство из них, что единственно верным проводником, выводящим с извилистых тропинок на эти просторные дороги жизни, могут служить лишь идеи научного марксизма, которые взяла на вооружение Коммунистическая партия Франции, верный наследник и продолжатель революционных традиций великого французского народа.

Правда Крамского

В. ВОРОНОВ

Достоин ты национального монумента, русский гражданин-художник!
И. Репин.

Самым хорошим днем в жизни Ивана Николаевича Крамского, о котором он всегда вспоминал с искренней радостью, был день 9 ноября 1863 года. Четырнадцать выпускников Петербургской Академии художеств отказались в тот день писать конкурсную картину на заданную тему и потребовали свободы в выборе сюжета. Каждый участник конкурса вручил академии заявление, сочиненное накануне Крамским. Правда, в последний момент один из протестантов, Заболоцкий, предал товарищей...

«Академический бунт» кончился тем, что тринадцать художников ушли из академии. В газетах об этом не писали ввиду запрета; внешне все осталось по-прежнему, только тринадцать юношей оказались на улице, без мастерских и теплого академического крова.

Как-то само собой получилось, что уволенные академисты собирались на квартире Крамского и вместе писали, рисовали, читали об искусстве. Там и возникла мысль о художественной артели.

На Семнадцатой линии Васильевского острова сняли квартиру, и артель заработала. С ненавистной академией покончено. Долой эти опротивевшие сочные планчики, академическую условную подкладку, избитые колеры! Да здравствует жизнь! В летние месяцы артельщики разъезжались по родным местам и привозили из самой российской глуши небольшие картинки с натуры. Бедные деревеньки, захолустные городки, русские мужики — настоящие, непохожие на академических натурщиков — глядели с холстов и картонов. Тогда наступал в артели праздник: разглядывали и обсуждали каждый этюд, до хрипоты спорили... И снова слышался негромкий голос Крамского:

«Русскому пора, наконец, становиться на собственные ноги в искусстве; пора бросить эти иностранные пеленки; слава богу, у нас уже борода отросла, а мы все еще на итальянских помочах ходим».

Худой, скуластый, с темными прямыми волосами и жидкой бородкой, Крамской даже внешне являл собой характерный тип демократа-разночинца. Воспитанный на статьях Белинского, Чернышевского и Добролюбова, он был истинным сыном шестидесятых годов. Ради дорогих ему принципов он не побоялся оставить артель, когда один из художников пошел на поклон в академию. И потом, в течение пятнадцати лет возглавляя Товарищество передвижных художественных выставок, Крамской больше всего заботился о чистоте идейных основ нового русского искусства.

Крамской многого добился при жизни: славы, благоговейного уважения современников, и, главное, ему посчастливилось видеть торжество дела, которому он посвятил жизнь.

Портреты Крамского поражают силой мысли, проникшей в тайное тайных человеческого характера. Многие художники писали Льва Толстого — среди них первоклассные портретисты Репин и Нестеров. Но портрет работы Крамского 1873 года так и остался непревзойденным. А портреты скульптора М. Антокольского, художника А. Литовченко, актера В. Самойлова, издателя А. Суворина — без них будут неполны Русский музей и Третьяковская галерея!

Мыслитель в нем не уступал художнику. Бывший волостной писарь в Острогожске, а потом ретушер у бродячего фотографа путем упорного самообразования поднялся до вершин эстетической мысли своего времени. Его статьи и письма составляют несколько томов и по богатству оригинальных идей, глубине и точности оценок встают в один ряд с литературным наследием Леонардо, Дюрера, Пуссена, Делакруа.

Часто говорил Крамской своим друзьям вещи неприятные, слова резкие и правдивые. Наверное, он видел дальше других и больше других.

Его раздумья об идейной эволюции передвижничества — пример исторического мышления художника.

Казалось, в 1873 году Товарищество находилось в расцвете сил: народ валом валил на выставки передвижников; финансовые дела обстояли отлично. И вдруг Крамской забил тревогу: Товариществу предложено объединиться с академическими выставками. «Товарищество едва ли останется живо»,— пишет Крамской Репину, думая о слиянии (оно, кстати, так и не осуществилось). Позднее, в восьмидесятых годах, академия организует свои передвижные выставки. Художник увидел здесь новую угрозу Товариществу. Он считал, что если академия действительно начнет передвигать свои выставки, Товариществу придет конец. Вот почему «необходимо тому духу, который живил русское искусство, бросить негодную форму и переродиться в новое».

Соратники не поняли опасений Крамского. Репин называл их мыслями «больного человека». Стасов был уверен, что это — «ужасающее падение» руководителя передвижников. Среди товарищей прополз слух о ренегатстве художника.

Кто же был прав?

В письме от 21 июля 1886 года содержится очень важная мысль Крамского: «Итак, Товарищество (как форма) обязано позаботиться об идеях, если оно хочет и если оно желает играть какую-либо роль в истории искусства. Оно не должно оставаться с этим уставом...»

О каких идеях, жизненно необходимых Товариществу, говорил Крамской в последних письмах?

Если бы он знал...

Устав Товарищества провозглашал основной его задачей распространение гуманных идей и любви к искусству. Но как мало этого было в конце восьмидесятых годов, когда в рабочих кружках России уже изучали «Коммунистический манифест» и «Капитал»!

В 70-е годы демократический запал многих картин перехлестывал благонамеренные уставные параграфы. Позже зрители стали встречать на передвижных выставках неожиданные картины: «Вдали от мира» и «Алкоголик» Мясоедова; на семнадцатой выставке Репин был представлен тремя портретами и большим полотном — «Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных». Жанры Вл. Маковского во многом теряют социальную злободневность, превращаясь в простые картинки из народного быта («Партия в карты», «Купающиеся дети», «Не пущу!»). Постепенно происходит и организационное ослабление Товарищества: его покидают Куинджи, Саврасов, В. Васнецов, К. Маковский, Перов. Новое поколение художников — В. Серов, С. Иванов, М. Нестеров, А. Васнецов — отходит от передвижных выставок. Попытался однажды уйти из Товарищества даже Крамской.

Не только он — тяжело ощущали атмосферу «ужасного времени» 80-х годов Щедрин, Короленко, Чехов.

Крамской, может быть, единственный из руководителей Товарищества понимал, что для его укрепления нужны новые идеи, новые объединяющие принципы, новый огонь. Художник знал, что движение за передовое искусство России, начавшееся в 60-е годы, необратимо. «За все русское искусство я спокоен,— говорил Крамской,— и знаю, что оно себе, рано или поздно, а завоюет уважение, и уважение широкое... Искусство национальное (какое только и имеет настоящую цену) должно быть уважено и должно пользоваться подобающей честью...» Художник мечтал об идеале, во имя которого искусство будет совершать подвиги.

Только в девяностых годах художники, и прежде всего Репин, поняли правоту Крамского.

Вопрос об идейной основе Товарищества тогда опять возник в споре между Стасовым и Мясоедовым. Отвечая на статью Стасова «Двадцатилетие передвижников», Мясоедов писал: «...В Вашей статье Вы делаете намек, что не передвижение важно в Товариществе, а что-то другое. Что же это, позвольте спросить? Исеев, например (конференц-секретарь Академии художеств.— **В. В.**), утверждал, что передвижники — замаскированные социалисты. Мещерский печатал, что у нас в картинах динамит и прочая ерунда. Вы что же предполагаете?.. Допросите каждого из передвижников, что находит он стóящего в деле Товарищества, и каждый Вам ответит — исполнение §1 устава, т. е. развитие любви к искусству и улучшение положения художника... Это главное дело, из которого все вытекает...»

В словах раздраженного Мясоедова, инициатора Товарищества, на всю жизнь затаившего обиду на Крамского, вождя передвижников, есть своя доля истины. Спрашивается: куда же девался идейный багаж Товарищества, который обеспечил в прошлом громадные творческие победы?

Ответ прост: идеи остались те же, а время ушло вперед. Первый, кто понял это, был Крамской. Позднее это станет очевидно всем. Для 80-х годов высказывания Крамского были **предвидением** эволюции передвижников. Мысль Крамского на два-три десятилетия обгоняла время.

И не только в оценке Товарищества, но и в оценке всего русского искусства, его судеб.

В годы триумфальных побед передвижников Крамской задумывается о труднейших вопросах теории: о классическом наследии, о соотношении формы и содержания. «Надо любить искусство слишком головой и теоретически,— писал он Стасову,— чтобы прощать художнику небрежное исполнение — ради идеи. Потом, идеи интересны, пока они новы, но раз им прошло одно-два поколения, они теряют свою остроту и интерес, и если в холсте, кроме идей, не окажется чисто живописных качеств, картина отправляется на чердак». Крамской убежден был в том, что «история помнит не того, кто нашел, но не умел, но того, кто сумел... Ведь Перуд-

И. Крамской. КРЕСТЬЯНИН С УЗДЕЧКОЙ. 1883.

Киевский государственный музей русского искусства.

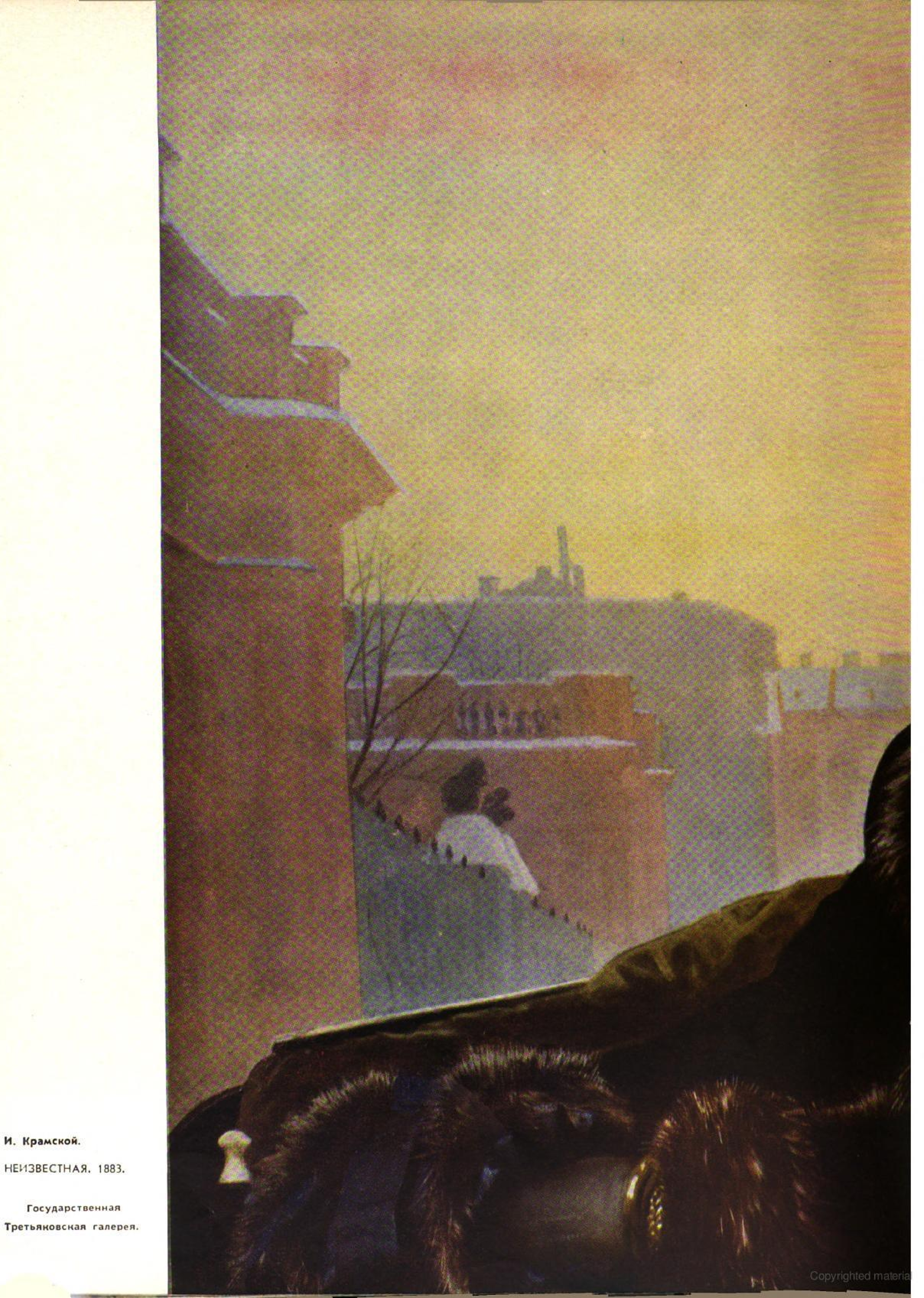

И. Крамской. ДЕВУШКА С РАСПУЩЕННОЙ КОСОЙ. 1873. Государственная Третьяковская галерея.

И. Крамской. БУКЕТ ЦВЕТОВ. ФЛОКСЫ. 1884.

Государственная Третьяковская галерея.

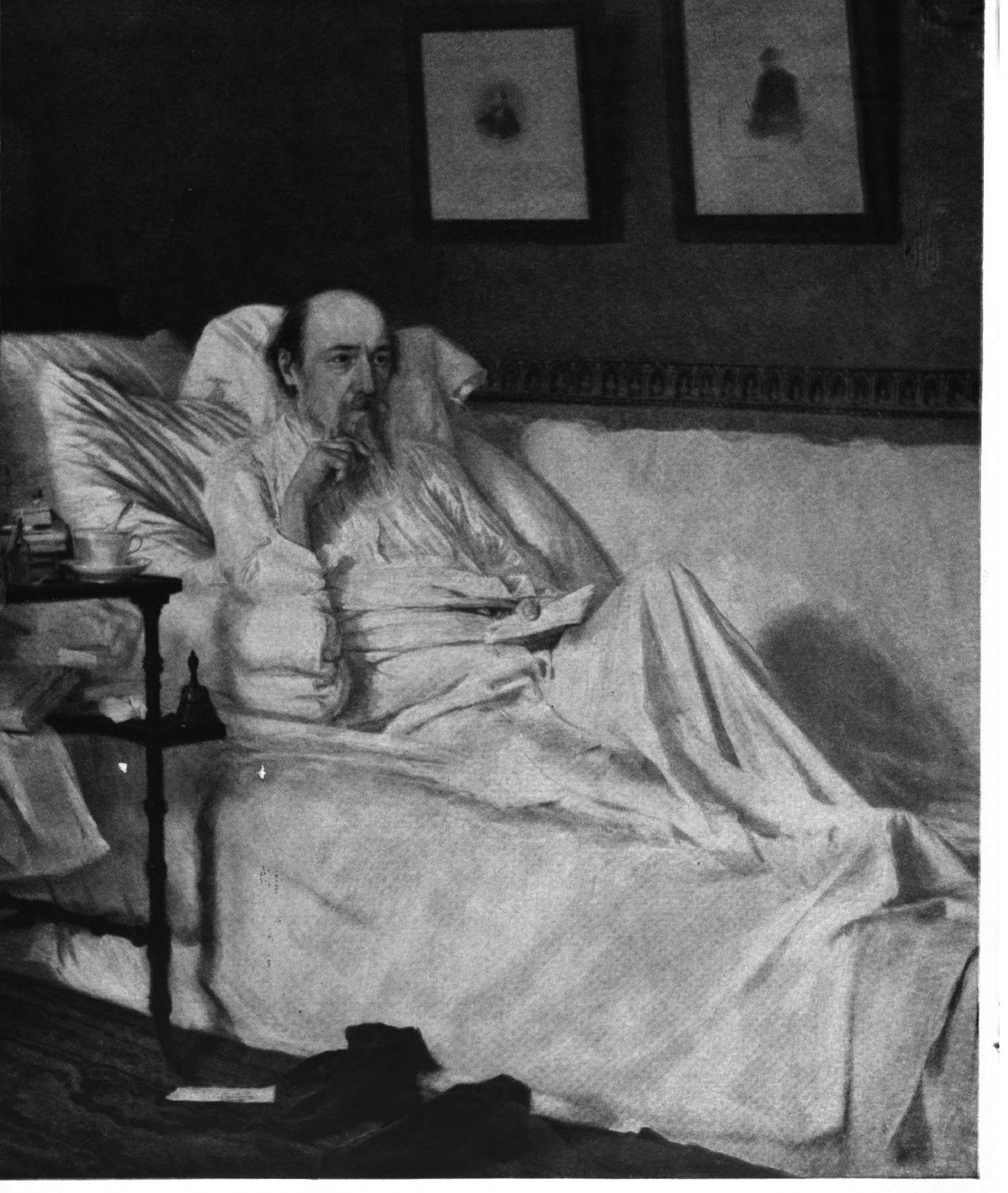

И. Крамской.

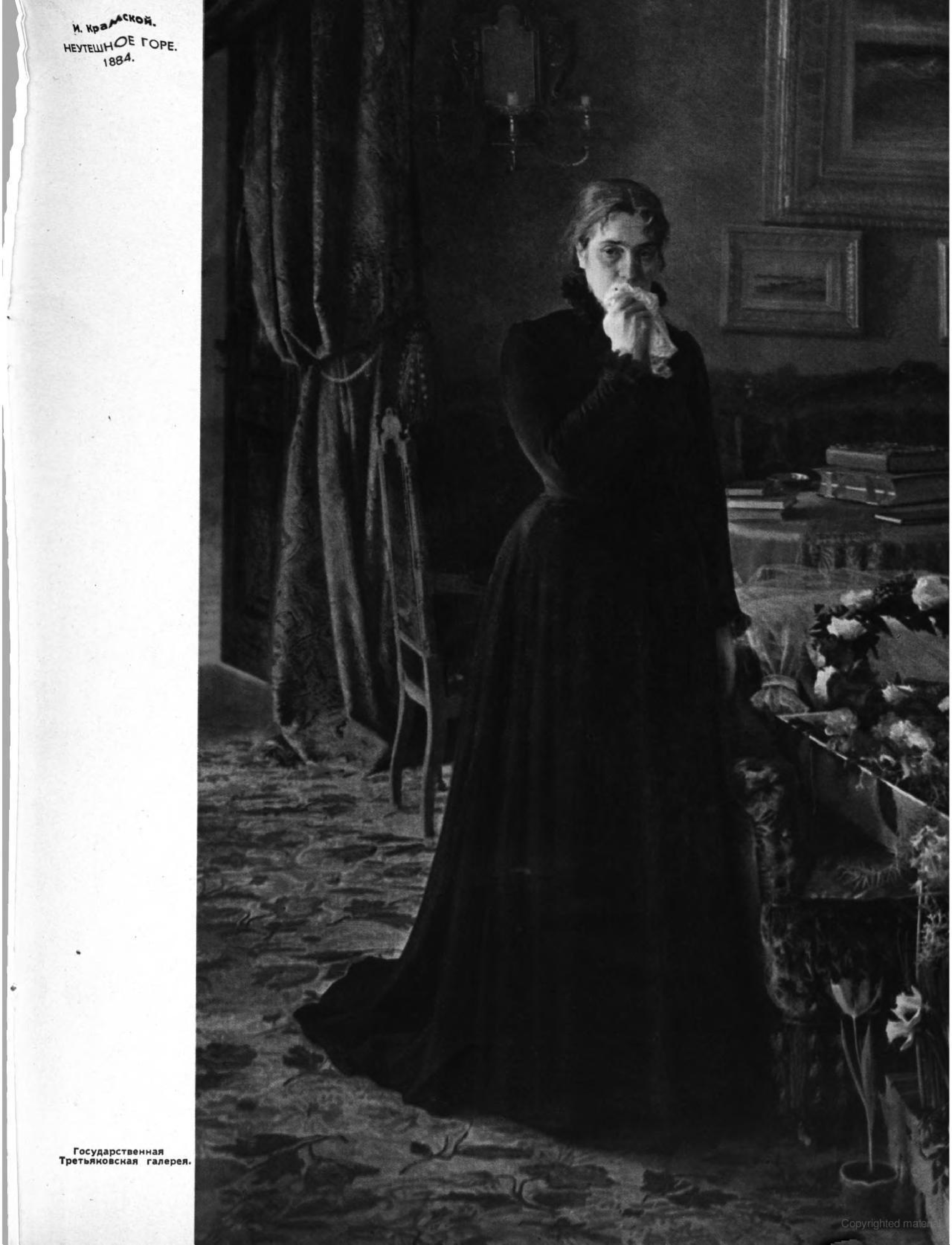
НЕИЗВЕСТНАЯ. 1883.

Государственная Третьяковская галерея.

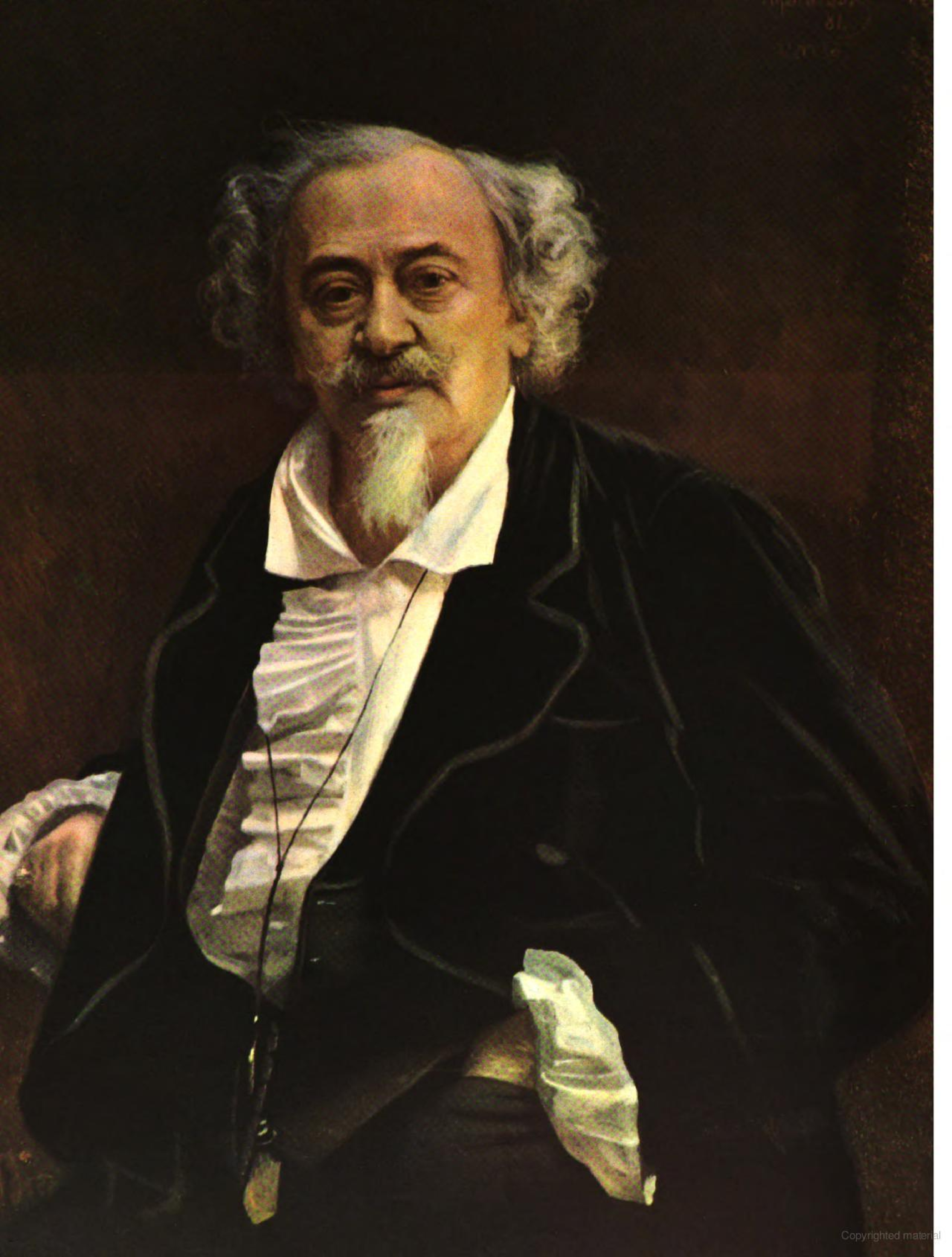

И. Крамской. НЕКРАСОВ В ПЕРИОД «ПОСЛЕДНИХ ПЕСЕН». 1877. Государственная Третьяковская галерея.

И. Крамской.
НЕУТЕШНОЕ ГОРЕ.
1884.

Государственная
Третьяковская галерея.

жино нашел все то, что дало славу Рафаэлю? И однако ж!»

Можно без конца цитировать письма и статьи Крамского, так много в них мыслей, верных и сегодня, спустя почти сто лет.

«Настоящее время — строгое время,— говорил он...— Теперь трудно быть художником! Если бы Вы знали, как трудно! Теперь даже мало таланта, как бы он ни был велик! Еще так недавно его было достаточно».

И в заключение—об одном заблуждении Крамского, стоившем ему почти пятнадцати лет труда,— о картине «Хохот». Как ни странно, могучая мысль художника, так безукоризненно точно судившая об искусстве, ошибалась в оценке творчества самого Крамского. Прирожденный портретист, он всю жизнь мечтал освободиться от портретов, чтобы заняться сочинением больших композиций. Они ему удавались: «Христос в пустыне», «Майская ночь», «Русалки», «Неутешное горе». Но в портретах он был сильнее. Еще в начале семидесятых годов художник задумал огромную картину «Хохот» — о надругательстве синедриона над Христом. Проходили годы. Крамского опять «отвлекали» портреты, но снова и снова он возвращался к картине. «А я вот уж который год слышу всюду этот хохот, куда ни пойду, непременно его услышу. Я должен это сделать...» Он готов был признать всю свою жизнь неудавшейся... И писал один за другим превосходные портреты. Все острее становилось социальное зрение художника, все свободнее живопись. Вспомните портреты философа В. Соловьева, астронома О. Струве, Неизвестной, которой так восхищался Репин. В восьмидесятых годах Крамской создает блестящую серию крестьянских портретов — Мины Моисеева, «Крестьянина с уздечкой»,— где подчеркивает силу и благородство народных характеров.

А «Хохот» так и остался незаконченным. Свою мысль о современности Крамской хотел выразить в религиозной форме. Последний раз это пытался сделать в своем «Мессии» Александр Иванов. Молодой Крамской (ему шел тогда 21-й год), увидев картину Иванова, так писал о ее значении, о трагической судьбе автора: «Хотя и жаль и грустно расставаться с образами древних, но художник должен пожертвовать своею любовью для любви к людям». А в 80-х годах уже нельзя было повторять гениальную попытку Иванова. Такова была дилемма времени: традиции Иванова требовали отказа от религиозной формы. Эти традиции воспринял Суриков — в исторической живописи.

И, может быть, как раз незаконченный «Хохот» доказывает громадную силу реалистического ума Крамского. Художник понял правду времени и сумел отказаться от любви к образам древних ради большой любви к людям.

И. Крамской. ПОРТРЕТ АКТЕРА В. В. САМОЙЛОВА. 1881.

Государственная Третьяковская галерея.

К НЕДЕЛЕ ЭСТОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РСФСР

Айн **КААЛЕП**

ЕСЛИ СТРОИШЬ ДОМ

Выруби окна большие
в доме, который строишь.
Ставни забудь навесить:
пусть солнце входит свободно.

Люди с житейским опытом
скажут, что непрактично.
Не слушай их, позабывших
о добром солнце и ветре.

Выруби окна большие
в доме, который строишь,
чтоб не отгородиться
от улиц глухой стеной;

чтобы, когда стемнеет,
на улицы эти глядя,
думать о новых окнах,
которые ты прорубишь,
об окнах больших, как небо,
открытых солнцу и ветру,
чтобы душа не размякла
в комнате, как в теплице.

В доме, который строишь,
выруби окна большие,
такие большие окна,
какие ты только сможешь.

Перевел Ю. ГОРДИЕНКО.

Уно **ЛАХТ**

ПОТОЛКИ И ЦЫПКИ

Племянники Гагарина
Орут среди двора:
Им новая подарена
Игра,
Игра,
Игра!

А двор в весенней сырости
По-детски бестолков:
Мальцы успели вырасти
Из тесных кительков.

Мне по душе галдеж их,
Я взрослый и молчу.
Сто узеньких одежек
Весне не по плечу.

Искусства и науки
(А, значит, им видней!)
Ждут этих красноруких,
Обветренных парней.

Спит будущее в зыбке,
Играют пареньки.
У каждой эпохи
Новые цыпки
И новые потолки.

Перевел Александр ГОЛЕМБА.

Иоханнес **СЕМПЕР**

В ЭКСПРЕССЕ

В темном окне
Вверх и вниз,
Вверх и вниз,
От вокзала к вокзалу,
Минуя в пути города,
Бегут провода.

Курьер электрический по
проводам
Мчится с охапкою телеграмм
Взад-вперед,
Сколько событий с собой он
несет!
Правду и грех,
Слезы и смех.

Но для чего ж,
Для чего ты нужна еще,
Бесконечная нить проводов
На костылях телеграфных столбов,
Если мы можем без этой опоры
Вырваться
В космические просторы?

Пережитки,
Пережитки —
Человечества пожитки.

Все же я должен
Простить вас,
Прежде чем вы пойдете
В утиль.

Куда же иначе,
Чем на длинную нить проводов,
В полете на юг
Уселись бы в ряд
Стаи ласточек длиннохвостых
И жирных дроздов —
Эти нотные знаки,
По которым упорно
Учится сердце
На осеннем пороге
Спеть песню мечтаний...

Перевел М. СВЕТЛОВ.

Ральф **ПАРВЕ**

РОДИНА

Синего летнего неба
безбрежность,
запах смолистый лесной тишины,
звонкая птица, над рожью
взлетевшая,
сорванный с края канавы цветок,
гравий тропы, под ногою
хрустящий,—
все это Родина.

Руки любимой, что держишь
в ладонях,
локон, щекочущий щеку тебе,
губ ее трепетных прикосновенье,
и безграничная радость единства
бьющихся в ритме едином
сердец,—
все это Родина.

Мордочка сына, порой не умытая,
коленки его в ушибах и ссадинах,
хохолок, что, ей-ей, не грешно
потрепать,
страсть его к мене мальчишеских
ценностей,
грусть, если с двойкой вернулся
из школы,
и заразительный, радостный
смех,—
все это Родина.

Солнцем каленный строитель
дороги,
игра его мышц, когда бьет он
булыжник,
чтобы нам было ровнее проехать;
сеятель, взглядом
благословляющий
борозды, прежде чем зерна
рассеять;
руки шершавые тех, кто
работает,—
все это Родина.

Лица прохожих, спешащих
навстречу,—
словно знакомые лица друзей,
где ты, как в книге открытой,
читаешь
строки стихов, что еще
не написаны;
звуки, что скоро музыкой станут,
формы, что в камне резец
воплотит,—
все это Родина.

Сердце твое, беспокойное сердце
в желтом кругу под настольною
лампой
на белеющем чистом бумажном
листе
превращается в слово, горячее
яркое слово
обо всем, для чего ты на свете
живешь,
с чем ты накрепко связан, чем
дышишь,—
это Родина.

Перевел Георгий ГЕРАСИМОВ.

Романтика

Арво ВАЛТОН

Рассказ

Тракторист сошел с машины и присел на обочине дороги подышать свежим воздухом. В росе купалось восходящее солнце — еще сонное и чистое, как девушка, разбуженная ото сна, похожего на грезы.

Старик работал в ночной смене и теперь использовал время, принадлежащее колхозу и машинам, чтобы насладиться солнцем, запахом трав и песнями жаворонка.

Во время восхода солнца не спал и молодой инженер с карьера. Он совершал утренний осмотр. Инженер тоже был в ночной смене, и ему нравилось шагать в одиночестве. В карьере экскаваторы железными зубами грызли землю, и реву бульдозера отвечало ворчание трактора.

Тракторист и инженер были знакомы. Они уже и раньше обменивались приветствиями. Оба знали, что каждый из них по утрам мечтает, и это рождало чувство взаимной симпатии.

Обычно инженер молча проходил мимо сидящего тракториста. Он не считал себя опытным собеседником. Но сегодня он подошел к нему. Может быть, в мечтаниях наступил кризис — захотелось поговорить.

— Пар над полем. Пашете?— спросил он застенчиво.

— Да, немного пашем,— подтвердил тракторист.

— А сон не одолевает, когда за рулем?

— Иногда одолевает.

— Запах сгорающей нефти усыпляет.

Они разглядывали синеватые, полные жизни комья земли, отвалившиеся от плуга. Тракторист сказал:

— Спать хочется иногда и без этого.

— Конечно, и без запаха нефти спать хочется,— согласился инженер.

— Когда пашешь, всегда хочется спать.

— И тогда, когда пахали на лошадях?

— И тогда за плугом одолевал сон.

— А ночной смены тогда не было.

— В те времена вообще не было смен. Когда лошади уставали, и был конец смены.

— А сам не уставал?

Инженер взял в руку комок земли. Пропуская землю сквозь пальцы, он следил удивленным взглядом, как комок на ладони становился все меньше. Тракторист внимательно разглядывал светлые брюки инженера, аккуратно выглаженные и заправленные в резиновые сапоги. Когда вся земля с ладони высыпалась, инженер посмотрел на свою руку, мгновение раздумывал и затем вытер ее о брюки.

— Раньше было больше романтики? — спросил он.

— Приходилось работать, но трактор лучше,— отвечал старик.

— Запахи, наверное, были приятные, не такие резкие, как запах нефти?

— Дизельные моторы сильные.

— Вставали на рассвете и пахали до заката, а ночью еще ходили на гулянки? Что же, совсем не было усталости?

— Так и удовольствия никакого.

— Что, сон одолевал или?.. Когда гуляли?

— Так гуляли-то редко. Не всякий раз хотелось идти. И без этого клонило ко сну.

Инженер встал и поправил на ногах свои резиновые сапоги.

Тракторист добавил через некоторое время:

— Если и хорошо отдохнешь, все равно за плугом спать захочешь, потому что солнце греет затылок и все борозды одинаковые... Вдруг чувствуешь, что плуг не в земле или лошадь остановилась. Тогда просыпаешься и тащишь плуг обратно... Мученье одно.

Инженер спросил на всякий случай снова:

— С лошадьми было все-таки романтичнее, чем с трактором, верно?

— Трактор лучше... С лошадьми борозды были длинные, как день, а трактором забираешь... во!

Инженер проворчал с сомнением:

— Я думал, с лошадьми романтичнее,— и протянул трактористу руку на прощание.

Тракторист посмотрел на свою руку, измазанную в масле, и с сожалением глянул на светлые брюки инженера. Тот сделал нетерпеливое движение, и тракторист пожал протянутую ему руку. И сказал еще:

— Совсем была бы эта романтика, если бы прислали трактор, управляемый по радио.

— Что ж, в лошадях совсем нет романтики?

— Да, видно, нет.

За это время солнце поднялось выше и выпило всю росу. Тракторист снова был во власти колхозного времени и машины, а инженер пошел дальше. Испачканную руку он неловко держал на отлете.

Ранним летним утром, наблюдая восход солнца, люди ищут романтику.

Да почему бы и нет...

Перевел с эстонского
Геннадий МУРАВИН.

Первые лыжи

Эйнар МААЗИК

Рассказ

1

Вот они, мои первые лыжи! Длинные, упругие, легкие... Сверху лакированные, снизу просмоленные дочерна. А как пахнут! Будто сосновый бор в знойный летний день, когда по горячим стволам сочится янтарная смола. Как они заскользят по первой, нетронутой пороше! Как запружинят на сугробах, как полетят через канавы, мои новенькие клееные лыжи!

Я слоняюсь по комнате, а взгляд мой невольно снова и снова останавливается на них, и мне кажется, что я уже мчусь наперегонки с ветром по равнинам, сквозь белый заснеженный лес, в гору и снова вниз... Уже который раз я подхожу к ним, осторожно дотрагиваюсь рукой и еще раз убеждаюсь: это действительно мои лыжи, и как только мороз скует реки и накроет поля снежной пеленой, я пойду в свой первый лыжный поход. И сбудется моя мечта...

Мечта... Она родилась давно-давно, еще в детстве. Только у одного мальчишки с нашей улицы были лыжи. У Антса-коротышки. Их смастерил ему старший брат, Лембит. Он не был мастером и сделал их, как умел: обстругал старые доски, прибил посредине ремень, чтобы было куда сунуть носок валенка, и все. Такими-то вот и были эти знаменитые на всю улицу лыжи, вокруг которых мы постоянно толпились, ожидая своей очереди прокатиться. И хотя эти доски двигались под гору так медленно, что о свисте ветра в ушах нечего было и мечтать, хотя под горой лыжник обязательно зарывался носом в снег, все же это ни в какое сравнение не шло со спуском на ранце или на своем собственном заду. Ведь то были лыжи!

Бывало, когда отец сумерничал, я забирался к нему на кровать и рассказывал о лыжах, о финских креплениях, о том, как взрослые парни вихрем съезжают с городского вала.

— Ничего, сынок, будут и у нас лыжи...— утешал меня отец.

И были бы, если бы не война... Весной отец получил место на фабрике и обещал осенью, в день моего рождения, подарить настоящие лыжи. Но летом началась война, и отец вместе с другими ушел на фронт.

А потом пришли немцы. Дым и зарево пожаров стояли перед глазами днем и ночью. До лыж ли тогда было! А вскоре немцы и вовсе выгнали нас из города. В одну руку мама взяла какой-то узел с одеждой, в другую — мою руку; так мы ушли из дому. Все осталось там. Даже каша в кастрюле на плите.

Мы поселились в деревне, у дяди. До школы было семь километров, и дорога шла через широкое болото и глухой лес. Я брел по ней, увязая в снегу, и к концу совершенно выбивался из сил. Как-то вечером мы с дядей поднялись на чердак, и он вытащил из-за стропил старые лыжи. Это были настоящие лыжи, с загнутыми носами и желобком снизу. Только они стерлись добела и стали совсем плоскими.

— Бери, парень,— сказал дядя.— Это лыжи Пеэтера. Но сын бог знает где, за тридевять земель, да все равно они ему не годятся. Ему теперь нужны вдвое длиннее. А тебе все же легче будет добираться до школы.

Добрый старый дядя! Знал бы он, каким окажется его «легче», наверное, оставил бы лыжи на чердаке. Каждый раз по пути в школу с ними что-нибудь да случалось. То обрывался ремень, то ломалась пряжка, и мне приходилось идти пешком, да еще и лыжи тащить на себе. Я стал частенько опаздывать. Учителя меня поругивали, а потом послали домой записку. Как я ни пытался объяснить, что виноват совсем не я, а лыжи, дядя меня не понимал. «Чего же ты их с собой тащил, раз они поломались? Сунул бы в кусты, а на обратном пути забрал». В следующий раз я так и сделал. А на обратном пути их уже и след простыл...

Так я и остался без лыж. И хотя от них были одни неприятности, я все же долго переживал утрату. А дядя вздохнул с облегчением: он, видно, все время боялся, что его опять потянут в школу.

Мне часто снилось, что я стремительно не-

АРАУКАРИЯ

Из цикла «Крымские миниатюры»

Лилли ПРОМЕТ

Впереди море, позади Ай-Петри, а между ними чудесный сад. В этом саду цветы и запахи, яркий свет солнца и тени на дорожках. Олеандры, лавры и кусты бирючины. Эвкалипты, кедры и оливы. И еще два зеленых пруда: в одном плавает белый лебедь, в другом — черный. В природе все находится в равновесии.

Но среди этого чудесного сада есть хаос обломков диорита и кусков застывшей лавы. Будто неразумный черт раскидал их так причудливо. Или этот хаос казался ему правильным и необходимым? Кто теперь, миллионы лет спустя, может сказать, в чьих интересах это было сделано и кому принесло пользу?

Впереди синяя спина моря, позади Ай-Петри, а между ними чудесный сад. На одном из деревьев табличка — «Араукария». Дерево само небольшое, это еще дерево-подросток. И хотя его редкие ветви покрыты чешуей хвои, оно не похоже ни на кедр, ни на сосну, ни на ель.

Много людей останавливается и рассматривает его.

— Какое милое! — говорит женщина.— Оно растет, как веселый, здоровый ребенок.

— А мне не нравится,— отвечает мужчина.

— Интересно, почему?

Мужчина кривит рот.

— Я такого никогда не видел.

По синей спине моря пробегают холодные мурашки ряби.

Перевел с эстонского Геннадий МУРАВИН.

Дебора ВААРАНДИ

КОГДА РЫБАК ТАНЦУЕТ

Когда рыбак танцует так,
что гул на всю округу?
Летним вечером рыбак
в круг ведет подругу.

Он пляшет, быстрый, молодой,
со стройною девчонкой
над прибрежною волной,
под березкой тонкой.

А там и свадебка, глядишь.
Он пляшет ради свадьбы.
Родился в семье малыш —
в самый раз сплясать бы.

Старинный вальс рыбак ведет,
он не устал нисколько.
Кончен вальс. Тебе черед,
огневая полька!

А каблуки стучат, да так,
что искры выбивают.
Вторит музыке рыбак,
громко подпевает.

Когда еще наш рыболов
не устоит на месте,
пусть он сед, сутул, суров —
спляшет честь по чести?

В косматой шапке меховой,
закутанный в овчину,
на прибрежном льду зимой,
в прорубь снасть закинув,
он пляшет на ветру морском
так, словно не был старым.
Лед гудит под каблуком,
старец пляшет с жаром.

Перевел Александр РЕВИЧ.

Эллен НИЙТ

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Два сверкающих фрегата —
Мчат два облака куда-то,
Обдавая белизной.

Две березы — к ветке ветка,
Потому что жестче ветра
Одиночество весной.

Две граненых ели в чаще,
Две черемухи горчащих,
По две птицы у сосны.

Вечно двое, двое, двое.
Даже море, как живое,
Гонит рядом две волны.

После этого ли странно,
Что чиста, как грань стакана,
Нас приблизила весна,

Что теперь, как все живое,
Мы идем по свету двое,
И сияет тишина.

Перевела Юнна МОРИЦ.

сусь по глухой лесной тропе, так что снег вихрем взлетает над головой. Во сне лыжи были послушными и скользили легко, словно по воздуху... Этот сон всегда кончался тем, что я взбирался на высокую-высокую гору и мчался с нее так быстро, что ветер забивался в рот, в уши, а под сердцем становилось холодно-холодно. Но я всегда просыпался раньше, чем съезжал с горы, и мне никогда не удавалось узнать, зарывался ли я носом в снег, как когда-то на нашем городском валу.

Кончилась война, но отец не вернулся домой. Он погиб в бою. Теперь я стал главой семьи — единственный мужчина в доме. Вскоре я окончил школу. Когда начал работать, снова стал подумывать о лыжах.

...И вот они наконец здесь! Я подолгу разглядываю их, глажу лакированную поверхность, радуюсь их гибкости. Скоро, скоро мы пойдем на заснеженные лесные тропки, на крутые горы и там-то уж покажем, на что способны! Кто быстрее нас промчится, рассекая морозный воздух, кто проложит лыжню прямее нашей и кто испытает такой восторг, как мы!

2

Наконец наступил этот торжественный день. Снег валил несколько дней подряд, сравнял бугры и канавы. Сосновые ветви гнулись под тяжестью снежных шапок, в каждом кристаллике снега искрилось и переливалось солнце.

Я стою в автобусе, обняв лыжи,— я еду в горы. Рядом со всеми этими дядями и тетями в шубах и в валенках, которые разглядывают меня из-под своих ушанок и платков, я чувствую себя настоящим спортсменом. Они, конечно, поражаются, как это я в легком свитере осмеливаюсь тягаться с февральским морозом.

...И вот у меня на ногах упругие лыжи, а впереди снежный простор. Я бы не сказал, что это было похоже на полет. Снег был мягкий, лыжи проваливались, и я ковылял, как по трясине. «Не беда,— думал я.— Вот доберемся до горы Арби, там-то мы себя покажем!» Но прежде чем я добрался до обдуваемой ветрами вершины Арби, я успел раз десять побывать в сугробе. Я падал то на один бок, то на другой, то садился в снег, то зарывался в него головой... Когда я наконец поднялся на вершину, мне казалось, что у этих лыж не так уж много общего с лыжами моей мечты. Птицей они должны были пронести меня по полям и горам, а оказались коварными и ненадежными, как лошадь цыгана.

И все-таки с Арби я съеду!

С замирающим сердцем я ринулся с самого крутого склона. Потом уже, лежа в сугробе, я понял, что примерно с середины горы я кубарем катился вниз. Лыжи спокойно покачивались на ветвях молодой елочки. Я доковылял до них, закинул за спину и снова полез в гору.

Там стоял мальчуган и во все глаза глядел на меня. Я подумал: наверное, посмеивается. Но, когда подошел ближе, меня встретил тот же тоскующий взгляд, каким и я еще совсем недавно смотрел на лыжников.

— Мальчик, поди сюда,— окликнул я его. И когда он подошел: — Хочешь прокатиться?

— Хочу...

— А ты умеешь?

— Еще бы! Только вот лыжи сломались так, что и не починить.

— А новых в продаже нет?

— Есть, даже такие, как у вас... Только отец говорит, что на такие пустяки жаль денег.

— А ну попробуй! — Я протянул ему лыжи. — Только осторожно, они с норовом.

Мы подтянули крепления, и я вместе с мальчиком подошел к склону.

И — о чудо! — словно на крыльях, мальчуган домчался до самого крутого обрыва, ястребом ринулся с него, скрылся за откосом, но тут же снова появился и ласточкой заскользил вниз, в долину.

И тут до меня дошла простая истина: ходьбе на лыжах надо учиться. Только мечта не делает человека мастером. Даже вот эти самые обыкновенные лыжи слушаются только мастера, и потому моя мечта так и не осуществилась.

И когда я понял это, то повернулся и поплелся к остановке автобуса.

Скоро меня догнал мальчик на лыжах — щеки красные, как клюква, глаза блестят от восторга.

— Лыжи! Вы забыли лыжи! — кричал он.

— Ах да, лыжи!..

Я остановился.

Вот она, моя мечта, мои лыжи, сверху лакированные, снизу просмоленные дочерна.

— Знаешь, оставь их себе.

— Себе? Но... Они ведь ваши!..— воскликнул он растерянно.

— Ты же видишь, у меня не получается.— Я показал на свою поврежденную ногу.— Если я оставлю их себе, то опять приду на эту проклятую гору и опять полечу вверх тормашками. И просто чудо, если я в конце концов не сломаю себе шею!

Нерешительно, словно против воли, мальчуган повернул обратно. Еще раз остановился, оглянулся, словно спрашивая: правда ли все это?

«Беги, беги быстрее ветра!» — помахал я ему вслед.

И лыжи заскользили по лыжне все быстрее, и казалось, что они уже не касаются земли, а летят быстрыми ласточками вниз, в долину.

Перевела с эстонского Вера РУБЕР.

Еще один гусь

Глаза Шмидта прежде всего обшарили стол. Бутылка с коньяком на месте, блюда с гусем нет. Стало быть, этот негодяй Хайн вопреки своему обычаю не солгал.

— Как ваше здоровье? — обратился Шмидт к командующему.

— Так себе. Неважно.

Генерал-полковник отлично знал, что Шмидту глубоко безразлично его физическое состояние. Он недолюбливал начальника штаба, недолюбливал, сам не зная почему, хотя и высоко ставил его оперативные способности. Разумеется, он понятия не имел, что Шмидт, как о том шептались вокруг,— тайный агент гестапо, приставленный к нему несколько месяцев назад. Эти разговоры еще не дошли до командующего, а если бы и дошли, он вряд ли бы поверил им. Шмидт — гестаповец и, значит, член партии наци? Вздор!

Солдат и политика — вещи несовместимые, говорил фюрер, и так привык думать и говорить генерал-полковник, обманывая или стараясь обмануть себя, разглагольствуя при каждом удобном случае, что он только солдат, только солдат, слышите? «Политика не наше дело. Мы должны воевать и сломить сопротивление врагов фюрера, нации, каждой немецкой семьи, потому что враги только и думают, как бы уничтожить германский народ».

И хотя генерал-полковник в душе сознавал, что никто не помышляет об уничтожении огромной нации, он усердно вколачивал эту мысль в головы своих подчиненных, а его армия уничтожала тех, кто якобы мечтал уничтожить всех немцев.

— Какие новости? — спросил он и, предложив Шмидту стул, присел на узенькую койку, стоявшую у стены напротив окна.— Садитесь.

— Радиограмма из ставки на вашу просьбу.

— Да? — Генерал-полковник поднял брови.

— Сражаться до конца — таков ответ фюрера.

— Таков ответ фюрера...— машинально повторил генерал-полковник.

— Таков ответ нашего верховного вождя,— подтвердил Шмидт.

Очень долгое молчание.

— Скажите, он здоров?

— Кто?

— Фюрер,— раздраженно сказал генерал-полковник.

— К чему этот вопрос?

— Просто так.

Генерал-полковник положил голову на жесткую подушку и хотел вытянуть ноги, но, вспомнив, что койка коротка ему, оставил ноги на полу. Ему было совершенно все равно, что ответил фюрер на телеграмму. Он заранее знал его ответ, а Шмидта спросил просто ради того, чтобы спросить хоть что-нибудь.

— Надеюсь, он здоров.— Шмидт пожал плечами.

— Дай бог. Здесь он мог бы легко простудиться. Я рад, что он и рейхсмаршал Геринг не навестили нас. Глава государства, главнокомандующий и его ближайший друг, советник и второй по значению человек в рейхе, должны заботиться о своей безопасности больше, чем мы, Шмидт. Какое горе могло бы постичь германскую нацию и нашу победоносную армию, если бы вдруг с фюрером и рейхсмаршалом Герингом случилась какая-нибудь неприятность! Нация и армия были бы убиты горем. Вы не находите?

— Шмидт находил, что генерал-полковника не понять: то ли он иронизирует, то ли говорит всерьез. В последнее время этот непонятный тон начал тревожить Шмидта, но пока для соответствующего доноса веского материала не было.

— Вы боготворите нашего фюрера, я вижу? — начал он для затравки.

— Мы особенно высоко ценим в нем гений полководца,— заговорил Адам,— а превыше всего его отеческую заботу о величии и благополучии германской нации. Эта война, господин генерал, принесет неисчислимые радости нашей родине, даже если мы с вами, а с нами тысячи и тысячи солдат и офицеров сложат головы в этом городе, на берегу этой реки. Я верю, что тысячи и тысячи жен, отцов и детей не упрекнут фюрера за то, что он послал сюда их сыновей, мужей и отцов помирать или замерзать.

— И я уверен в этом,— согласился Шмидт.

Этот разговор то и дело прерывался. Офицеры приносили сводки, приказы и другие бумаги. Генерал-полковник, вооружившись очками, просматривал и подписывал их, после чего передавал Шмидту. Тот, скрепив своей подписью подпись командующего, выпроваживал ординарцев и вестовых. Ему хотелось уйти и часок-другой поспать, но генерал-полковник в этот день был разговорчив, что случалось с ним довольно редко. Шмидт сидел, выуживал из пространных словоизлияний шефа и его адъютанта то, что ему могло пригодиться в будущем.

Прикрыв дверь за последним офицером, Адам вернулся к своей теме:

— Я преклоняюсь также перед высокой честностью и правдивостью рейхсмаршала Геринга, не говоря уже о его исключительной храбрости, которую он проявил, скажем, при поджоге рейхстага.

— То есть? — попросил уточнения Шмидт.

— Вспомните, как мужественно он вел себя на знаменитом процессе в Лейпциге, когда судили Димитрова. Кажется, так звали того коммуниста? Бог мой, с какой отвагой рейхсмаршал бросался на него и как искусно отводил лживые обвинения большевиков в том, что рейхстаг поджег он сам!

— Да, да, как же, как же, конечно, помню! — живо откликнулся Шмидт.— Правда, он немного нервничал тогда.

— Помилуйте, господин генерал,— весело возразил Адам,— да он рычал, как тигр, приходил в бешенство час от часу и грозил виселицей Димитрову, но ведь клевета может вывести из себя кого угодно.

— Разумеется!

— И не забудьте его чудесной откровенности. В моих ушах до сих пор звучат его слова. Вы, вероятно, тоже помните их: «Каждая пуля, вылетевшая из дула пистолета полицейского, подчиненного мне,— моя пуля. Если кто называет это убийством, значит, что я убил... Я приказал это, и я принимаю на себя ответственность за это...» Какая могучая сила в этих словах, какой вызов прогнившему обществу и разным слюнтяям!

— Да, но примите и то во внимание, что каждая пуля, выпущенная из автомата солдата, подчиненного нам,— это наша пуля.

— Правильно, совершенно верно! Различие, оно, конечно, вздорное, в том, что по нашему приказу убивают вооруженных людей, которые сами убивают нас. В кого стрелял рейхсмаршал, вы не можете вспомнить? В те времена, когда были произнесены эти слова, рейхсмаршал был начальником полиции Пруссии. Я не ошибаюсь?

— Нет.

Разговор все больше и больше не нравился Шмидту.

— Да, да, он был верховным начальником прусской полиции. Враг в те времена не стоял у ворот Берлина и не стрелял в немцев.

— Были внутренние враги,— буркнул Шмидт.

— Простите, я забыл о них,— чистосердечно признался Адам.— Марксисты, евреи, социал-демократы и прочая несогласная с фюрером чернь. Да, он хорошо управился с ней. Отличная была работа! Разумеется, ему помогло гестапо вылавливать этих чудовищных преступников. Кажется, он сам и создал гестапо... Прекрасное учреждение, господин генерал, вы не находите?

Шмидт всполошился. Неужели слухи о его причастности к гестапо дошли до адъютанта командующего?

— Я не знаком с этим учреждением,— пробормотал он.— Очевидно, это тайная полиция, которая существует везде.

— Разумеется! — подхватил Адам.— Но рейхсмаршал Геринг и его преемник рейхсфюрер СС Гиммлер поставили ее высоко над всеми подобными учреждениями. Они привили ее сотрудникам исключительную гуманность, вселили в них дух самоотверженности и внутреннего благородства. Мне припоминается дело Рема... Как идеально чисто была проведена та оздоровительная кампания!

Как купленный отплатил покупателю

Генерал-полковник, усмехаясь про себя, слушал этот разговор, хотя лицо его хранило полную непроницаемость. Да, он тоже помнил то дело. Не только помнил, но и отлично знал истинную подоплеку «путча», которого, как утверждали потом историки, вовсе не было.

Просто Рем, тот самый Рем, который подкармливал своего шпиона Адольфа Гитлера, а потом ставший большой шишкой в империи фюрера и главой штурмовых отрядов СА (а в них было ни мало, ни много — три миллиона человек), видно, возмечтал конкурировать с рейхсвером и сделаться шишкой несравненно более видной.

Это не пришлось по вкусу генералам, по-

Продолжение. См. «Огонек» № 22.

ставившим Гитлера к кормилу власти. Помилуйте, какой-то проходимец хочет, видите ли, стать единоличным хозяином всей армии, СА и СС! Разумеется, Бломберг и К° не прочь были бы поживиться пушечным мясом из отрядов СА; там что ни человек, то отъявленный головорез — клад для будущей грандиозной армии фюрера. Но, имея виды на пушечное мясо, генералы вовсе не думали делиться властью в армии с Ремом и его камарильей, его собутыльниками и гомосексуалистами. Тем более Бломбергу, Браухичу, Рейхенау и прочим было очень хорошо известно, как косо посматривают на вожаков штурмовых отрядов магнаты капитала и на их пропаганду каких-то там демагогических идей, смахивающих на социализм.

Рейхсвер намеками и прямо заявил фюреру, что дальше такое положение терпеть невозможно: либо штурмовики, либо хорошо сколоченная армия. Не то мы подумаем, не посадить ли вместо вас кого-нибудь другого, кто бы не шатался между Ремом и рейхсвером...

Рема пристрелили, быть может, еще и для того, чтобы фюрер мог отделаться от свидетеля своего довольно-таки гнусного прошлого.

Николай ВИРТА

Повесть

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Штурмовики отныне не омрачали господ генералов: с ними было покончено. «Свой человек рейхсвера» доказал на деле, что он «всегда будет нашим».

Три пощечины

— Нет, господин генерал,— сказал Адам и тем вывел генерал-полковника из задумчивости.— Вы должны согласиться со мной: рейхсмаршал Геринг — великий человек.

— О да! — Шмидт все еще не мог постичь, где в словах самого близкого и доверенного человека командующего армией искренность и где преступное осуждение.

— И как он выручил нас! Он делал все возможное, чтобы помочь нам. Мы не забудем этого никогда. Пусть не забудет и Германия.

Адам замолчал. Молчал и Шмидт. На миг перед мысленным взором генерал-полковника возник теплый сентябрьский день, комната где-то в лесу под Винницей, стол, заваленный картами, страстно жестикулирующий человек с усами, в форме СС, дергающиеся губы, дико вращающиеся глаза.

«Мой фюрер, я бы просил вас принять во внимание то обстоятельство, что готовящееся наступление на большую излучину Дона не совсем обеспечено».

«То есть?» — был надменный вопрос.

«Я говорю, мой фюрер, о все более удлиняющемся и слабо защищенном северном фланге. С другой стороны, имею в виду не очень высокую боеспособность войск на направлении главного удара вследствие отвлечения сил для обеспечения флангов».

«Короче! Короче и ясней!»

«Мой фюрер, совсем недавно на Дон прибыли союзные войска. Их боевой опыт низок. Наступление совсем небольших русских сил в конце августа привело к тому, что итальянцы отступили сразу на двадцать километров».

«Трусы! Дальше?»

«Я смею указать на слабость фронта у Волги, мой фюрер, и на опасность, повторяю, создавшуюся на флангах».

«Вы паникер!»

«Мой фюрер...»

«Что вам надо в конце концов?»

«Для взятия этого города на Волге, мой фюрер, мне нужны три свежие пехотные дивизии».

«Мы подумаем».

«Мой фюрер, я хотел бы знать ответ теперь».

«Вы получите его через командующего группой армии «Б» барона фон Вейхса. Возвращайтесь в армию. Этот город должен быть взят. Я ожидаю от вас, что при напряжении последних сил будет достигнут берег Волги на всем протяжении города и тем самым будет создана предпосылка для обороны этого бастиона.— Резкий взмах руки вверх.— Все!».

«Хайль Гитлер!»

В октябре генерал-полковнику доносят о безусловной подготовке русских к грандиозному наступлению. Он сообщает об этом верховному главнокомандованию сухопутных войск. Оттуда приходит ответ, подписанный начальником штаба сухопутных войск Цейтцлером: «Русские уже не располагают сколько-нибудь значительными оперативными резервами и больше не способны провести наступление крупного масштаба. Из этого мнения следует исходить при любой оценке противника...»

И это в октябре! В том ужасном октябре, в дни кровавых боев, когда армия берет приступом каждый цех, каждый квартал, каждый дом!

...Тикают часы. Адам и Шмидт молчат и курят. Все шагают по двору солдаты и офицеры, редкая стрельба нарушает молчание дня.

Генерал-полковник, вспоминая часы, проведенные в Виннице, усмехается. Он думает о бесплодных мечтаниях верховного командования взять этот город на Волге — мирный промышленный город, вовсе не похожий ни на крепость, ни на бастион да и не готовившийся стать крепостью, но где каждый закоулок, каждая комната, подвал, чердак и даже лестничная клетка — почти несокрушимые крепости. Ему припоминаются слова фюрера на том знаменитом мартовском совещании в год начала войны, когда решалась дата вторжения в Россию. Фюрер сказал тогда, что идеологические узы недостаточно прочно связывают русский народ... Недостаточно прочно!

Но в этом городе, черт побери, русский солдат так прочно защищает эти самые узы, как генерал-полковнику еще не доводилось видеть. Он стреляет до тех пор, пока не кончаются патроны. Но и тогда он не сдается, он идет в штыки. Уже умирая, он все еще продолжает сопротивляться. Его не отодрать от этой земли, он как бы примерзает к ней. Он остается лежать на ней, но не уходит!

Генерал-полковника пробирает дрожь, нервная дрожь человека, столкнувшегося с чем-то невероятным, что может присниться лишь в кошмарном сне. «Господи, да разве все эти последние недели не были сплошным кошмарным сном? — думает он.— Фюрер не хотел принимать во внимание опасность на флангах, и вот теперь никакого фланга нет, он смят, сломлен, разгромлен русскими, и мы в котле!»

Он начинает сомневаться в благоразумии верховного главного командования, он трепещет при мысли, что военная, стратегическая мысль русских несравненно более широкая и глубокая, что она основана на пристальном изучении обстановки в целом, что вопреки мнению фюрера она покоится на сознании прочности идеологических уз, что русские мыслят здраво, а не химерами величия и надменности, которые властвуют там, в ставке верховного...

Теперь ему кажутся такими наивными все попытки воздействовать на благоразумие фюрера. Чего он добился? Только одного: фюрер имени его слышать не может без потока ругани. Он не доверяет ему, он приказывает передать под единое командование генерал-артиллерии фон Зейдлитца-Курцбаха северный и восточный участки фронта армии и за свои действия Зейдлитц-Курцбах несет ответственность непосредственно перед фюрером. Пилюля позолочена: это, мол, не затрагивает ответственности командующего за общее руководство армией...

Здоровенная пощечина, что и говорить! Но и с ней смиряется генерал-полковник. Он смиряется еще с одной: не его, а командира танкового корпуса Хубе вызывают в ставку для личного доклада фюреру о положении в армии. Наконец, он получает третью пощечину, на этот раз от личного адъютанта фюрера Шмундта, прилетевшего для инспекции. Шмундт, этот обер-лакей фюрера, не стесняя себя вежливостью, ибо она не принята в штабе фюрера, заявляет генерал-полковнику, что тот в ближайшее время получит новое назначение, а командующим армией будет Зейдлитц-Курцбах, к которому фюрер вдруг воспылал особенным доверием...

И эта пощечина не оставляет заметного следа. Генерал-полковник еще верит, будто он и в самом деле понесет какую-то там ответственность перед верховным главнокомандованием и немецким народом, если не прикажет своим солдатам держаться, держаться и держаться в этом проклятом городе, ибо в противном случае это угрожало бы развалом южного участка и всего Восточного фронта вообще. Кому же охота принимать на себя такую ответственность, помилуйте!

В этой мрачной обстановке, когда все летит к чертям, когда петля уже чувствуется на шее, когда никто наверху не верит генерал-полковнику и, словно нарочно, его оставляют в армии подыхать вместе со всеми, одно его радует, радует зло: тот самый Зейдлитц-Курцбах, в котором фюрер видит человека, способного сотворить чудо, этот Зейдлитц-Курцбах вовсе не польщен особым доверием, оказанным ему. «Ха-ха! — посмеивается про себя генерал-полковник.— Не Зейдлитц ли постоянно натравливает меня на высшее командование, не он ли три, пять, двадцать раз советовал мне поступать, как велит моя совесть, даже вопреки приказам фюрера? Он говорил это в ноябре, после окружения, он твердил это потом, говорил, что надо пробиваться, пробиваться из котла во что бы то ни стало... Ха-ха! Вот так особо доверенное лицо! Воистину, когда бог наказывает человека, он лишает его разума!

Неужто все они там потеряли разум? Но, бог мой, а мой-то разум при мне ли? Так же он ясен, как некогда? Что мне ждать? На что рассчитывать?»

Прошел ноябрь, наступил декабрь, деблокирование окруженной армии провалилось, войска почти потеряли боеспособность, генерал-полковник шлет одну радиограмму за другой, требуя разрешения выйти из котла. Еще было достаточно автомашин, чтобы погрузить часть пехотных дивизий и увезти с собой раненых, еще было двести танков для прорыва... И снова приказ фюрера: «Каждый солдат шестой армии вступит в новый год с твердой верой в то, что фюрер не оставит на произвол судьбы героических бойцов на Волге...» И генерал-полковник верит! Верит, словно забыты пощечины, словно впервые фюрер обманывает его, армию, народ...

Он созывает своих генералов, и те мрачно слушают командующего.

«Господа генералы! — резким тоном отвечает он еще на один призыв Зейдлитца-Курцбаха следовать велению совести.— Всякий мой самовольный выход из общих рядов или сознательные действия против отданных приказов означали бы принятие с самого начала ответственности за судьбу соседних войск, а в дальнейшем — за судьбу южного участка и тем самым всего Восточного фронта...»

Генералы курят и продолжают мрачно молчать, упершись глазами в пол. Что им до Восточного фронта? Они не хотят подыхать здесь, на этой реке.

Генерал-полковник продолжает:

«Это означало бы, что в глазах всего немецкого народа на меня по меньшей мере внешне ляжет основная часть вины за проигрыш войны. Вооруженные силы и народ не поймут таких действий с моей стороны. По своим последствиям они представляли бы собой исключительно революционный, политический акт против фюрера. Такая мысль не входит в мои личные соображения. Она чужда моей природе. Я солдат и считаю, что именно послушанием служу своему народу... Перед войсками и вами, командирами армии, а также

перед немецким народом я несу ответственность за то, что до конца выполняю приказы, отданные мне верховным командованием об удержании позиций».

Генералы расходятся молча. В их душах — бури, но пойди выйди из повиновения! Кто знает, может, русские не такие уж исчадия ада, чтобы расстреливать всех пленных. Стало быть, есть надежда... Но какая может быть надежда спасти жизнь, если тебя поставят к стенке только за один намек на капитуляцию?

...И вот фюрер вызывает к себе генерала Хубе. Генерал-полковник читает ему перед вылетом длинное наставление. Он просит Хубе рассказать фюреру о бедственном положении солдат, о тысячах раненых, остающихся без присмотра, без врачей и медикаментов, о голоде, психозе страха... Пусть Хубе умоляет фюрера увеличить снабжение армии самолетами...

Хубе кивает. Самолет готов к вылету. Генерал-полковник кричит ему еще что-то. Дверь закрыта, самолет улетает. Проходят дни. Хубе возвращается. Да, он виделся и говорил с фюрером, и вот их разговор:

«Но рейхсмаршал Геринг заверил меня, что снабжение армии идет нормально!»

«Это не совсем так, мой фюрер».

«Пусть он сам скажет вам. Вызвать рейхсмаршала! Здравствуй, Герман. Повтори, можно ли осуществить полное снабжение армии, обороняющей крепость на Волге, по воздуху?»

«Адольф, разве ты сомневаешься в том, что ВВС справятся со снабжением армии?»

«Этого быть не может, господин рейхсмаршал, и вы отлично это знаете!»

«Вы некомпетентны в этих делах, черт побери. Я клянусь, Адольф, понимаешь, клянусь...»

«Господин рейхсмаршал, сколько тонн необходимо перебрасывать каждый день армии?»

«Это что, допрос? — Тучный живот снова заколыхался от ярости.— Он устраивает мне допрос, этот генерал, подчиненный генералу от паники!»

«Нет, господин рейхсмаршал, это лишь вопрос. Учитывая минимальные потребности армии в продовольствии, одежде, горючем и медикаментах, ежедневно к Волге надо перебрасывать тысячу тонн. Но так как теперь летать можно не каждый день, вам удастся, может быть, удастся, доставлять нам пятьсот тонн. Всего пятьсот тонн. Но и их мы не получаем».

«Мы будем перебрасывать каждый день тысячу тонн, Адольф!»

«Это невозможно!»

«Ах так? — Поток ругательств и оскорблений. Хубе стоит молча.— Адольф, я сам поведу первый самолет с грузом для армии генерала, которого давно бы надо расстрелять! Этот кабинетный стратег... Этот пожимающий плечами!..» — Рейхсмаршал задохся от злости.

«И тем не менее позвольте не поверить, что вы сможете перебрасывать такое количество грузов, господин рейхсмаршал!»

«Я и Герман — одно вот уже двадцать лет. Довольно! Возвращайтесь в армию и скажите ее командующему, что я запрещаю разговоры о сдаче крепости на Волге!» — Резкий взмах рукой вверх.

«Хайль Гитлер»! — Хубе уходит.

...— Адам, сколько тонн грузов доставлено сегодня рейхсмаршалом? — очнувшись, обратился генерал-полковник к адъютанту.

— Сегодня была нелетная погода, господин командующий.

— Вчера?

— Ничего.

— Позавчера?

— Ничего.

— Завтра?

— Кто знает.

Молчание.

— Хайн!

— Слушаю вас, господин генерал-полковник.— Хайн пулей вылетел из своей клетушки.

— Хайн, будем обедать. Генерал Шмидт пообедает со мной.

— Я бы предпочел...

— Итак, вы будете обедать со мной, Шмидт. Хайн, убери со стола коньяк. И не разбей бутылку, увалень.

Хайн выскочил в коридор.

Шмидт сказал:

— Я слышал, хм... что вы подарили новогоднего гуся раненым?

— Да. Хайн прекрасно зажарил его. Гусь попался несколько тощий. Вероятно, он был стар, и гусыни давно не имели от него утех. Но под коньяк кусочек гусятины прошел славно.— Генерал-полковник усмехнулся, отчего глаз его дрогнул и веко запрыгало, как сумасшедшее.

— Вы неисправимый идеалист,— сказал Шмидт, пряча досаду. Теперь было ясно, что гуся действительно нет.

— Идеалист?

— Да еще какой! Этим поступком вы лишь восстановили раненых против себя. В госпитале, куда вы отослали гуся, триста раненых, в том числе половина — безнадежных. Гуся — это я точно знаю — можно разделить не более чем на двенадцать частей. Значит, двенадцать раненых будут есть гусятину, а двести восемьдесят восемь проклинать вас.

— Вы очень сведущи в арифметике,— сказал Адам.

— И в человеческой психологии, замечу.

— Вот как?

— До войны я был знаком с многочисленными учеными, главным образом психологами. Моя жена—специалист по этой части. Я вращался в их кругу, и они охотно делились со мной наблюдениями над природой человеческой души. Затем я занялся этим сам, и не без успеха. По крайней мере, жена отмечала мои необычные способности к анализу и самоанализу.

— Скажите! — притворно-восхищенно сказал Адам.

— Кроме всего прочего, я знаток живописи, с вашего разрешения,— добавил Шмидт.

— Вот бы вам изобразить сцену в госпитале, когда господин командующий раздавал ордена. Это была бы жестокая, но правдивая картина. Потомство оценило бы ваш труд,— вставил Адам.

— Смею спросить: это было в том самом госпитале, куда вы, господин командующий, отправили гуся?

— Так точно. Так точно, Шмидт, там.

— Насколько я знаю, вы тоже занимаетесь живописью, господин командующий?

— О, просто балуюсь.

— И вам ли не взяться за изображение такой картины: двенадцать раненых со смаком делят ваше угощение, а двести восемьдесят восемь смотрят, как они обжираются.

— Да, это была бы первоклассная картина,— согласился генерал-полковник.

— Жестокая и правдивая, не так ли?

— Но я плохой знаток человеческой психологии, Шмидт, и у меня получилось бы нечто отвратительное. Натурализм,— кажется, так называется это течение в искусстве? Впрочем, вам ли не знать.

Шмидту нечего было сказать, но и придраться было не к чему. К тому же явился Хайн с подносом.

Генерал-полковник встал с койки, потянулся.

— Что у вас сегодня на обед, Хайн? — спросил Шмидт.

— Первоклассные блюда, господин генерал-лейтенант! — Хайн расстилал на письменном столе скатерть и ставил приборы — походные приборы, которые он таскал по длинным путям войны сначала с неудачником Рейхенау, теперь с этим незадачливым генералом.

— Стало быть, обед будет из тех продуктов, которые нам прислал господин рейхсмаршал, мальчик? — заметил Адам.

Хайн расхохотался. Он не вращался среди психологов, не умел — увы! — скрывать свои чувства, анализ и самоанализ тоже были чужды ему. Он просто мечтал о вечернем пиршестве.

— Что ты смеешься, идиот? — накинулся на него Шмидт.

— Почему бы ему и не посмеяться, Шмидт? Он моложе нас больше, чем наполовину. Вероятно, и вы в его возрасте часто смеялись беспричинно.

— Он смеялся над рейхсмаршалом! — побагровев, выкрикнул Шмидт.— Он издевается над ним!

— Побойтесь бога, Шмидт! — Лицо генерал-полковника хранило полную невозмутимость.— Разве я допустил бы издевательство над великим человеком в моем присутствии? Хайн просто неловкий малый и с придурью. В следующий раз он остережется смеяться не ко времени.

— Так точно! — весело ответил Хайн.— Прошу к столу.

Сели.

Трижды звякнуло горлышко бутылки о края рюмок.

— Хайль Гитлер! — раздался звучный, не по летам молодой голос Шмидта.

— Хайль Гитлер! — торжественно сказал генерал-полковник.

— Хайль Гитлер,— пробормотал Адам.

Выпили.

Хайн сделал губами звук, будто выпил и он. Адам рассмеялся и налил рюмку.

— Выпей, Хайн. За что ты будешь пить?

— За гуся! — ответил Хайн.

— Он уплыл в животы раненых,— шутливо заметил Шмидт.

— Гусей еще много на свете, господин генерал-лейтенант. Есть гусь, который важно похаживает на воле. Но я доберусь и до него. И попорчу ему настроение, будьте уверены.

Генерал-полковник не мог понять двусмысленных слов ординарца, но Шмидт очень хорошо понял их. Однако он предпочел пропустить угрозы мимо ушей, прилежно занялся едой, и это несколько улучшило его настроение.

— Закуска к новогоднему обеду командующего армией могла бы быть несколько более обильной,— процедил Шмидт.

— Что вы, Шмидт! Королевская закуска,— рассеянно проговорил генерал-полковник.

Он не замечал, что ест. Его знобило, и ему хотелось лечь. Он выпил еще рюмку коньяку и отправил в рот кусочек мяса, поданного в качестве закуски перед последующими блюдами.

Шмидт обнюхал мясо.

— Это что, Хайн? — спросил он.

— Конина, господин генерал-лейтенант. Бывшая румынская кавалерия, с вашего разрешения! — Хайн хихикнул.

Генерал-полковник строго взглянул на него.

— Неужели вы едите эту мерзость? — разнервничался Шмидт.

— Эту мерзость ест вся армия, господин генерал-лейтенант. Если я не ошибаюсь, ее тоже осталось очень мало. К сожалению, мы не можем угостить вас парижскими трюфелями, голландской телятиной, швейцарским сыром, устрицами, омарами и анчоусами.

Хайн ухмыльнулся втихомолку на эти слова Адама.

— Однако в свое время вы вдоволь полакомились всем этим. Ваш великолепный марш по Франции доставил вам много удовольствий, не так ли? — Глаза Шмидта заразительно весело блеснули.

Приятные воспоминания о прогулках во Франции

— Да, во Франции было совсем иначе, Шмидт, совсем, совсем иначе! — как бы про себя проговорил генерал-полковник и замолчал, вспомнив ночь на одиннадцатое мая сорокового года, когда взвыли двигатели бомбардировщиков, истребителей, танков и гигантская машина ожила, зашевелилась, ринулась вперед и опрокинулась на города и деревни Франции.

Топча поля, покрытые зеленью всходов, уничтожая виноградники, взрывая дома, заводы и старинные соборы, предавая огню все, встречающееся на пути, подавляя отдельные очаги сопротивления, сея смерть, расстреливая сверху и с земли неисчислимые толпища беженцев, давя танками бегущих солдат, преданных изменниками-генералами, подлыми политиками и продажным стариком маршалом, германская армия лавиной мчалась через департаменты, форсировала реки, без боя занимала крепости, грабила и обжиралась, упоенная победой, доставшейся столь легко.

И он, генерал-полковник, шел со своей армией по дорогам Бельгии и Франции, видел их падение, кресты на обочинах шоссе над могилами мирных людей, слушал плач детей, потерявших родителей, рыдания женщин, вопли помешавшихся с горя мужчин, солдат, подавленных бесчестием, выпавшим на их долю, оборванных, голодных, покинутых командирами и бредущих невесть куда.

Генерал-полковник равнодушно наблюдал страдания людей, ни за что ни про что подвергавшихся разбойничьему нападению под прикрытием ночи. Он так же равнодушно слушал стоны раненых, валявшихся в кюветах, душераздирающие вопли женщин, на глазах которых умирали их дети, убитые шальной пулей или осколком бомбы.

Конечно, эта картина не доставляла ему эстетического наслаждения, но и не мешала безмятежно отдыхать в очередном старинном замке, который он занимал под свой штаб, а после ужина и изрядной выпивки крепко спать под старинным балдахином на старинной постели какого-нибудь барона.

Кровь, слезы и пепелища казались ему такими естественными — ведь это же война, черт побери!

Генерал-полковник не давал себе труда подумать о том, что и он соучастник разбойничьего похода и на него падут кровь и слезы истребляемых людей. Он ведь подчиняется приказу!..

Жестокости? Но бог мой, кто же воюет в белых перчатках? Ведь тогда не склонила бы свои знамена Франция и не лег к стопам победителя Париж...

...Да, там было совсем, совсем иначе! Падали знамена, овеянные славой отгремевших битв, без боя сдался Париж, воды Сены не возмутились, видя еще одно нашествие гуннов, не восстали дети Конвента, не прозвучали призывные звуки «Марсельезы».

Франция — колыбель революций, Франция Дантона и Вольтера, Марата и Гюго, Робеспьера и Бонапарта, Дидро и Жореса — пала так низко, как никогда, и лишь горстка людей, вооруженная мужеством и любовью к родине, к родине великих идей, сражалась явно и тайно с коричневой ордой. Они верили тогда, что рейх будет уничтожен.

— Нет, Шмидт, во Франции было не так, далеко не так! — тоном глубокого сожаления сказал генерал-полковник и вздохнул.

— Не знаю, как вы, а я тогда командовал дивизией, и мы лихо попировали! — ответил Шмидт, сладострастно потирая руки. — Трюфели, устрицы, шампанское! Вот роскошь... Да, это была славная кампания.

— Я никогда не пробовал трюфелей и устриц. Мне говорили, что это похоже на лягушек, — вмешался в разговор Хайн. — Зато и у нас сегодня такой обед — пальчики оближешь! На первое — первоклассный картофельный суп, господин генерал-лейтенант. Правда, картошка подмерзла, но и ее едят там, в окопах и дотах.

Пройдоха Хайн приготовил отличный обильный обед: у него еще было кое-что в запасе для шефа. Однако, зная наперед, что генерал-полковнику неможется и вряд ли он будет есть и что трапезу с ним разделит начальник штаба, Хайн решил подать вместо приготовленного обеда тот, который едят сегодня и будут есть завтра офицеры, охранявшие штаб и особу командующего. Донимать Шмидта, донимать чем попало отныне стало главной заботой Хайна. И это ничем не грозило ему. Ни для кого не было секретом, что штабные не жалуют Шмидта, называют его за глаза Иудой, Генерал-Вралем, а многие уверяют, что Шмидт злой гений командующего и всей армии. Таким образом, Хайн ничем не рисковал, поставив на стол, чтобы поиздеваться над Шмидтом, похлебку из гнилой картошки.

Генерал-полковник, лоб которого покрылся испариной, сказал, что не хочет есть, и прилег на койку. Хайн заботливо укрыл его шинелью, потом принес из клетушки плед, набросил его сверху и подоткнул края с боков.

Шмидт с мрачным видом хлебал отвратительный суп, за которым последовал кусок жареной конины с раскисшим соленым огурцом. Он проклинал себя за то, что согласился обедать с командующим, но, соблюдая этикет, молчал. Запив обед эрзац-кофе, Шмидт сказал:

— Не найдется ли у вас лишней сигары, господин генерал-полковник? У меня все вышли. — Из нагрудного кармана кителя торчала сигара, положенная туда перед тем, как пойти к командующему. Шмидт забыл о ней.

— Адам, передайте генералу сигару. Они в верхнем ящике стола.

Адам вытащил две сигары и, передавая их Шмидту, заметил вполголоса:

— Одну из них вы можете присоединить к той, которая у вас в кармане, господин генерал-лейтенант.

Пришла очередь Шмидту покраснеть до корней волос.

Хайн, подумав про себя: «Получил, сукин сын!», — принялся убирать со стола.

Сигара была настоящая, крепкая и ароматная. Она успокоила Шмидта. Он курил в полном молчании. Командующий дремал.

Продолжение следует.

Юрий Власов поднимает в Днепропетровске 210,5 килограмма.

Фото Ю. Вишневского.

КОСМИЧЕСКИЕ КИЛОГ

Я. КУЦЕНКО,
заслуженный тренер СССР

22 декабря 1961 года в Днепропетровске произошло событие, которое можно считать наиболее знаменательным в истории мировой тяжелой атлетики. Юрий Власов в тот день или, вернее, в тот вечер поднял в сумме троеборья 550 килограммов. Это был новый мировой рекорд, причем одновременно и в толчке (210,5 килограмма) и в рывке (163 килограмма).

Эти достижения потрясли и опытных и неопытных болельщиков. Был потрясен этими результатами и я, хотя глубоко верил в огромные возможности Власова.

В свое время, и не один год подряд, мне приходилось в этой же весовой категории представлять нашу Родину на крупнейших тяжелоатлетических форумах. В 1952 году я оставил помост, но в памяти совсем свежи те ощущения, которые сопутствуют трудным победам тяжелоатлета. Свежи в моей памяти выступления всех лучших тяжелоатлетов того времени, людей, которых тоже называли феноменами, к именам которых прибавляли эпитет «несравненный», а к рекордам — «вечный». Однако время превращало их лишь в почетных персонажей истории гиревого спорта. Так было и со мной. Поэтому я, быть может, лучше многих других понимаю, как трудно Юрию Власову и насколько велик его вклад в историю штанги.

В быстротечном и бурном потоке времени события прошлого стремительно тускнеют. Те, кто некогда восхищал нас своим искусством и силой, в свете сегодняшнего дня уже не кажутся эталонами спортивного совершенства. И все же атлеты тяжелого веса вызывают неизменное уважение. Так было всегда, и наш Юрий Власов стоит в ряду таких замечательных атлетов, как Саид Насаир, Шарль Ригуло, Иозеф Мангер, Джон Дэвис, Норберт Шеманский, Пауль Андерсон, Алексей Медведев, Даг Хэпбурн.

С 1880 по 1920 год тяжелая атлетика развивалась довольно медленно. Однажды в Вене мне показали австрийский журнал, относящийся к 80-м годам прошлого века. В нем был помещен портрет могучего австрийского гиревика Карла Свободы с указанием, что Свободе удалось вытолкнуть штангу весом около 180 килограммов. Он взваливал этот вес себе на грудь в «пять темпов». Утверждают, что Свобода тогда же совершил чудо, толкнув 200 килограммов, но что груз этот был предварительно положен ему на грудь. (Вспомните, что сейчас Власов является обладателем мирового рекорда, равного 210 килограммам.)

Олимпийские игры 1928 года выиграл египтянин Саид Насаир, темпераментный, молниеносный атлет. Вскоре после этого он вытолкнул 167,5 килограмма. В то время рекорды фиксировались уже по строгим официальным правилам, чемпионаты разыгрывались в обстановке, мало чем уступающей современной. Рекорд Насаира произвел огромное впечатление. В честь его, говорят, даже салютовали в Александрии пушки военных кораблей.

Рекорд этот оставался нетронутым до 1938 года, когда мне удалось поднять вес на 700 граммов тяжелее (впоследствии я довел его до 175 килограммов). Это далось нелегко. Чтобы представить себе, что значит «нелегко», надо помножить примерно 15 тонн на тысячу тренировок. Вот каких усилий потребовала от меня заочная дуэль со знаменитым египетским атлетом.

Но вот в 1936 году «на вооружение» атлетов было принято олимпийское троеборье, что еще больше повысило интерес к соревнованиям тяжелоатлетов. И тотчас же начался рост результатов. В том же 1936 году высоко взошла звезда немецкого тяжеловеса Иозефа Мангера. С суммой 410 килограммов он стал абсолютным чемпионом Берлинской олимпиады. В отличие от Насаира он был атлетом силового склада. Тяжеловесный и приземистый, он силой одних лишь рук выжал 144 килограмма (этот результат был превзойден лишь через 14 лет), а спустя год довел сумму троеборья до 430 килограммов.

Это казалось невероятным. Мы, советские тяжеловесы, даже приуныли: ведь в те годы наши лучшие результаты не доходили даже до 400 килограммов! Но постепенно мы все-таки «пришли в себя», и в 1939 году рекорд СССР превышал уже результаты Мангера. Это удалось сделать богатырю из Армении Серго Амбарцумяну. Он поднял в сумме олимпийского троеборья 433 килограмма.

В 1938 году, на чемпионате мира в Вене, короной самого сильного атлета завладел «черный Аполлон» — американец Джон Дэвис. Сильный атлет и хороший техник, Дэвис был самым «долгоцарствующим» тяжеловесом. Семь раз побеждал он на чемпионатах мира. Дважды мне приходилось встречаться с ним в Париже (в 1946 и 1950 годах), и дважды я должен был довольствоваться вторыми местами.

Это был веселый и своеобразный человек. Он неплохо пел и, хорошо зная русскую музыку, частенько в зале для разминок устраивал нам концерты. Дэвис обладал незаурядной волей. Помню, как однажды за полчаса до своего выхода на помост он умудрился крепко заснуть на раскладной кровати.

В 1950 году в парижском зале Палэ дю Шайо, набрав в сумме 462,5 килограмма, он резко ушел вперед от остальных участников мирового чемпионата. Узнав, что в зале среди зрителей находится знаменитый Ригуло, обладатель профессионального рекорда в толчке (182 килограмма), Дэвис решил свергнуть этот самый живучий из рекордов. На штангу было поставлено 182,5 килограмма, но Ригуло словно заколдовал штангу. Невероятные усилия Дэвиса успеха не принесли. Лишь через несколько месяцев он осуществил свое намерение.

Долго быть чемпионом невозможно: трудно много лет подряд находиться в состоянии предельного нервно-физического напряжения. А тут еще молодые, полные сил, одаренные атлеты страстно рвутся к высшему тяжелоатлетическому титулу. И их неукротимое желание и свежая энергия подчас превосходят опыт и упорство уставшего чемпиона. Такова

«КОМИССАР ИСКУССТВ»

В Москве, в квартире великого русского певца Леонида Витальевича Собинова, у его вдовы Нины Ивановны Собиновой хранятся документы, письма, воспоминания современников, вырезки из старых журналов и газет, которые помогают нам восполнить образ замечательного артиста и человека.

1920 год... Гражданская война... Красная Армия теснит белогвардейцев и интервентов.

В Крым, где в то время хозяйничали деникинцы и врангелевцы, превратности войны забросили великого русского певца Леонида Витальевича Собинова. Театры закрыты, на темных улицах стрельба, пьяный разгул офицеров... Чтобы как-то прожить, первому тенору России пришлось выступать в кабаре. «Прошлую зиму провел в Ялте, в довольно плачевных условиях,— писал об этом времени артист в одном из своих писем,— и сумел оценить всю величину человеческого хамства, проявившегося ко мне, когда я сидел без денег и без дела. Я уже не говорю о властях. Единственно, чье внимание я заслужил,— это деникинской и врангелевской контрразведок».

Но не только контрразведка интересовалась Собиновым. Очень часто к нему являлись антрепренеры различных европейских музыкальных театров и предлагали самые заманчивые ангажементы за границу. «Но я решил из России никуда не уезжать»,— писал Леонид Витальевич. «Я могу поехать за границу, но только через Москву, заручившись согласием на эту поездку Советского правительства»,— заявлял он.

В первые дни освобождения Крыма от белых он пришел в штаб командования Красной Армии и заявил о своем желании работать для народа. 23 ноября Собинов был назначен заведующим подотделом искусств Севастопольского наробраза с зарплатой — один килограмм хлеба, один килограмм хамсы и... один миллион рублей дензнаками.

Со всей присущей ему энергией отдается Собинов новому делу — строительству пролетарской культуры. «Кто мог подумать, что этот чарующий певец, весь творческий путь которого был буквально усыпан лаврами, окажется замечательным администратором, талантливым организатором?» — вспоминают те, кому довелось

РАММЫ

жизнь! Вероятно, правы англичане, говоря, что удержать победу тяжелее, чем добиться ее.

С этим грустным афоризмом пришлось столкнуться и Дэвису. Стокгольмский чемпионат 1953 года, казалось, не сулил ему никаких огорчений. Прибывшие накануне состязаний противники не могли составить ему реальной конкуренции. Но на третий день соревнований, немного прихрамывая, в зал вошел крупный, широкоплечий человек. Было жарко. Он нес пиджак в руке. Лицо его было красиво и добродушно, а под белой рубахой незнакомца угадывались огромные мышцы. Присев где-то в задних рядах, этот человек молча наблюдал борьбу Коно, Шеппарда и Дуганова. А через час он зашел в зал для разминки и совершил невероятное: не снимая рубахи, без всякой подготовки поднял 150 килограммов на грудь и в строгом, абсолютно выдержанном стиле выжал этот вес пять раз подряд. Через несколько минут судьям и атлетам стало известно, что незнакомца зовут Даг Хэпбурн и что родом он из Канады.

Восемь лет готовился Даг Хэпбурн к тому, чтобы встретиться с Дэвисом. Наконец жители города Торонто собрали средства и отправили Хэпбурна за океан. И он оправдал их надежды. Стокгольмский чемпионат стал лебединой песней для славно поработавшего Дэвиса. Хэпбурн нанес ему непоправимое поражение. Он показал ошеломляющий для того времени результат в жиме — 168,2 килограмма — и с суммой 467,5 килограмма стал абсолютным чемпионом мира.

Карьера Дага Хэпбурна была непродолжительной. Выступив один раз и победив, он исчез точно так же, как и появился. Недавно я получил от Хэпбурна письмо, в котором он сообщал, что ему удалось довести жим до 190 килограммов (этот вес он брал со стоек), но что он лишен условий, позволяющих ему хотя бы изредка принимать участие в состязаниях.

В том же 1953 году в Стокгольме чемпионом мира в полутяжелом весе стал американец Норберт Шеманский. Он выступил с блеском, показав в сумме 442,5 килограмма, но вид у него был весьма усталый. Это объяснялось тем, что накануне состязаний он согнал 6 килограммов, чтобы избежать совершенно бесперспективной для него встречи с Хэпбурном и Дэвисом. Но у Шеманского были, оказывается, и затаенные планы. И он их осуществил в следующем году.

На чемпионате в Вене 1954 года Шеманского трудно было узнать. Он покрупнел, весил свыше 100 килограммов, и вид у него был цветущий. Джон Дэвис, не принимавший участия в состязаниях, сказал мне о нем коротко: «Шеманский сейчас страшен».

И в самом деле то, что он совершил на сцене «Концертхауз», оставило яркое впечатление. Изумительно владеющий техникой, Шеманский в красивой, непринужденной манере выжал 150, вырвал 150 и толкнул 187,5 килограмма, набрав в сумме 487,5 килограмма.

Когда Шеманский сошел с пьедестала почета, на сцену вышел тренер американской команды Боб Гофман. Призвав зрителей к тишине, он помахал рукой, в которой был телеграфный бланк. В телеграмме, полученной Гофманом, сообщалось, что в городе Токкоа, штат Джорджия, появился ранее никому не известный тяжеловес Пауль Андерсон. «Леди и джентльмены! — обратился к публике Гофман.— В телеграмме говорится, что этот парень показал в сумме троеборья 500 килограммов. Но я не поверю в это, пока не увижу своими глазами».

500 килограммов! Не реклама ли это, на которую так падки американцы? Многие к этой новости отнеслись недоверчиво. Однако в телеграмме об Андерсоне не было обмана. Спустя год, в июне 1955 года, на Внуковском аэродроме из самолета медленно сходил стошестидесятикилограммовый парень из Токкоа, который через несколько дней в Зеленом театре преодолел «звуковой барьер» тяжеловесов, показав в сумме троеборья 517,5 килограмма. В жиме он достиг также феноменального результата — 185,5 килограмма.

Из Мельбурна Андерсон вернулся олимпийским чемпионом, а немного позже, на первенстве США, добился суммы в 533 килограмма — на 20 килограммов выше его же официального мирового рекорда. После этого Андерсон перешел в профессионалы. «Я достаточно поработал на свои мышцы,— заявил он журналистам,— пусть они теперь поработают на меня».

Казалось, что уход Андерсона с любительской арены надолго лишит спор тяжеловесов интереса. В самом деле, кто же может вести этот спор на таком уровне?

Чемпионат в 1957 году в Тегеране принес долгожданный успех советскому атлету тяжелого веса. Впервые наш спортсмен стал чемпионом мира. В отличие от Андерсона путь Алексея Медведева к 500 килограммам был долгим и тяжелым. В 1958 году Медведев дальше двинуться не смог, и американская печать горделиво спрашивала: «Родится ли человек, который превзойдет Андерсона?»

Ответ на этот чванный вопрос был дан очень скоро. Такой человек родился, и сейчас его имя затмило имя Андерсона.

Кто сейчас не слышал об удивительных результатах русского тяжеловеса Юрия Власова? Его триумфальное выступление на XVII Олимпийских играх в Риме завершилось тем, что он завоевал золотую медаль с новым мировым рекордом 537,5 килограмма. И если Шеманский толкнул 200 килограммов «континентальным» способом — не по правилам, то Власов вытолкнул 202 килограмма абсолютно точно, и его результат был зафиксирован как новый мировой рекорд!

Толчок — любимое движение Власова (самое трудное в олимпийском троеборье). И вот в 1961 году Власов поднял 206 килограммов, а на соревнованиях в Австрии — 208 килограммов.

Власов—человек большой творческой широты и щедрости. Выступая, он выкладывает свои силы полностью и без остатка. Другой, возможно, поступил бы на его месте иначе—делил бы рекордные надбавки на «порции» и пополнял бы свои трофеи лишними золотыми медалями. Юрий Власов бьет рекорд сразу на 5, 10 и даже 20 килограммов. А ведь структура рекорда в троеборье сложная и тяжелая: атлет должен подготовить все три движения, которые порой «капризничают», входят между собой в противоречия.

И вот после триумфа в Риме мы стали свидетелями нового взлета Власова в Днепропетровске. Минуты, когда Власов выступал в Днепропетровске, незабываемы. О них еще будет рассказано подробно. Юрий Власов выжал 180 килограммов и был близок к цели снять последний рекорд Андерсона в жиме — 185,5 килограмма. В рывке он зафиксировал 160 килограммов—пал рекорд американца Шеманского! В дополнительном подходе он поднял 163 килограмма. Легко и красиво он толкнул 190, а затем — 200 килограммов. Так образовалась сумма нового мирового рекорда—540 килограммов. Казалось бы, чего же более! Но Власов неудержим. Он заказал вес 210 килограммов, вес нового мирового рекорда в толчке. Подход, невероятное усилие — и штанга над головой.

Что же будет дальше? Сможет ли Власов подняться выше своих рекордов? Я не сомневаюсь в его прогрессе. Но лучше всего сослаться на самого Власова, поделившегося своими соображениями на этот счет в газете «Известия». Он считает, что в тяжелом весе можно достигнуть суммы 600 килограммов (в жиме — 200, рывке — 180, в толчке — 240 килограммов). Как же не назвать эти килограммы космическими!

Конечно, Власов писал о будущем и, возможно, о далеком будущем. Может быть, не Юрий Власов, а кто-нибудь другой осуществит этот дерзкий план. Но пока не кто иной, как советский штангист Власов ближе всего подошел к осуществлению такой трудной задачи. Ведь ему принадлежит мировой рекорд в троеборье — 550 килограммов. А совсем недавно на первенстве страны в Тбилиси Юрий Власов сделал еще один шаг вперед: он установил новый мировой рекорд в жиме — 188,5 килограмма. Кто же может предсказать, чего добьется этот замечательный спортсмен нынешним летом на первенстве мира в Будапеште?

сталкиваться с Леонидом Витальевичем в эти дни в Севастополе.

С утра до поздней ночи Леонид Витальевич в наробразе. Дел у него немало. Вот выписка из памятной книжки Собинова:

«На сегодня:
1. Приказ об учреждении симфонического оркестра.
2. Назначение заведующего.
3. Национализация театров (после учета).
4. Национализация рабочей студии Союза металлистов.
5. Учет парикмахерского театрального имущества.
6. Национализация фортепианных мастерских.
7. Учреждение мастерских для духовых инструментов.
8. Учет граммофонов.
9. Учет музыкальных библиотек.
10. Учет балалаек, гитар, мандолин в магазинах и в учебных заведениях».

Особое значение Л. В. Собинов придавал организации Народной консерватории. «Создание Народной консерватории было одной из первых задач, которая встала в ряду других, касающихся приобщения широких трудящихся масс к эстетическим достижениям прошлого»,— сказал Собинов в своей речи на открытии Народной консерватории.

Но среди этой груды дел Л. В. Собинов ни на минуту не забывал, что он артист-певец. Он выступал с концертами в рабочих клубах, в частях Красной Армии. Принимал горячее участие в городских оперных спектаклях, которые шли под аккомпанемент рояля, так как в городе не было профессионального оркестра. Он был и исполнителем и режиссером.

В то время в Севастополе оказалось много артистов, музыкантов, художников. Леонид Витальевич заражал всех своим неистощимым оптимизмом, и его в шутку называли «комиссаром искусств».

21 апреля 1921 года по приказу А. В. Луначарского Л. В. Собинов был вызван в Москву, в Большой театр.

Л. КАФАНОВА

АКТЕР С ГИТАРОЙ

Нет, он не коллекционер. И тем не менее в его доме вы увидите автографы многих актеров.

Более 50 лет работает Сорокин в театрах Ленинграда. Во многих спектаклях Театра имени Пушкина и Большого драматического театра имени Горького появлялся он на сцене и за сценой со своим неизменным спутником — гитарой.

Много выступал Сорокин в концертах. Его любили слушать М. Горький, А. Блок, А. Куприн, А. Толстой, С. Есенин, Леонид Андреев, Л. Собинов.

«В память о наших концертах для студентов технологического института»,— написал Леонид Витальевич Собинов на своей фотографии много лет назад.

Сорокину памятны эти концерты — весь сбор отдавали на революционную работу.

Вспоминает актер и свои выступления со знаменитым Давыдовым, Монаховым...

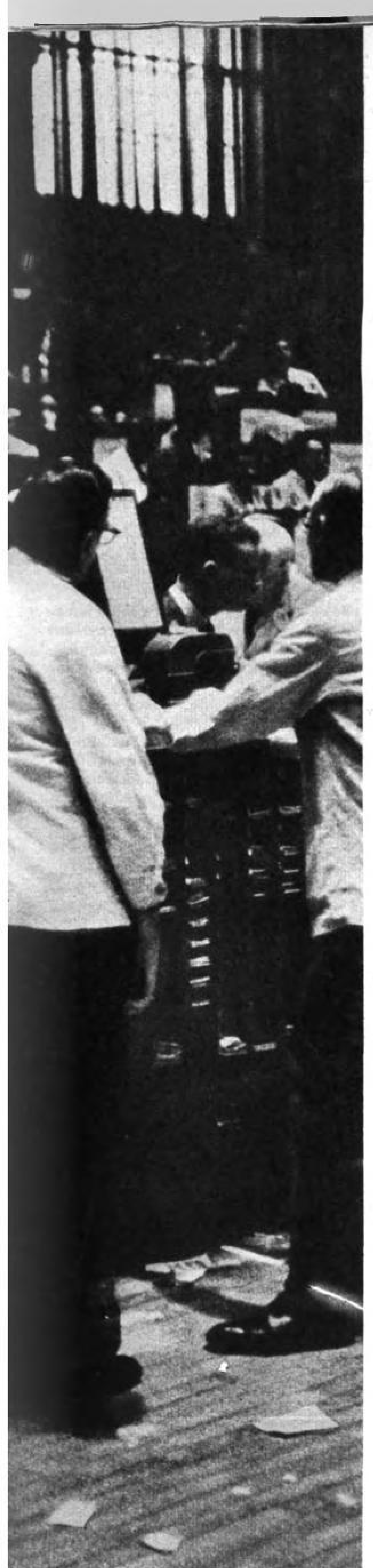
Сейчас Сорокин приглашен в Московский театр имени Вахтангова для консультации цыганских хоров в «Живом трупе». Постановщик спектакля Рубен Николаевич Симонов говорит о Сорокине: «Это подлинный поэт народной и цыганской песни, проникновенный художник. Слушать его — всегда наслаждение».

Гр. МЕРЛИНСКИЙ
Фото А. Бочинина.

«Пустой» — он уже никому не нужен.

УЛИЦЫ, УЛИЦ

Борис **ИВАНОВ**

Фото Марио **ГАРРУБА.**

Почему об улицах? Отвечу сразу: за стены небоскребов нас, советских журналистов, просто не пускают. Слово «свобода» здесь давно потеряло свой прямой смысл. Свобода стала элементом бутафории, которой пропагандисты ловко украшают витрины американского образа жизни. Свободный гражданин США так напуган различными комиссиями, что шарахается от иностранцев как черт от ладана.

Вот почему об улицах Нью-Йорка. Улицы, улицы — их много в этом тысячеликом городе. И каждая как бы являет собою витрину жизни, что прячется под крышами домов, что бьется за окнами квартир. Парк-авеню с ее ухоженным бульваром, швейцарами в синих, черных и зеленых униформах у подъездов особняков никак не похожа на 88-ю стрит с залитым мазутом асфальтом, захламленными бумагой тротуарами, на которых с раннего утра до позднего вечера играют дети. Здесь ютятся пуэрториканцы. Улицы, улицы — они, как лицо человека, то улыбчивые и задорные, то печальные и тихие, то строгие и неприступные в своих каменных одеждах. Надо только внимательно всмотреться в эти улицы-лица, и они вам о многом расскажут.

Понурив голову, идет человек по Уолл-стрит. Стук его каблуков гулко раздается в настороженной тишине. Кто он: банкир, клерк, биржевой маклер? Я не знаю ни фамилии его, ни профессии. Но на следующий день газеты сообщили, что Дан Мэрроу, шестидесяти лет от роду, покончил с собой. Ему просто не повезло. За несколько часов до трагической минуты видели, как он сидел, безнадежно опустив руки, в главном зале нью-йоркской биржи. Клерки повернулись к нему спиной. «Пустой» — он уже никому не был нужен.

Идет человек по Уолл-стрит. Наедине со своими мыслями. Вот так же шел и Дан Мэрроу в свой последний час.

А что ищет эта старая леди в мусорной корзине? Не строку ли надежды, как сказал мне безработный Джеймс Фрэнк на сквере у центральной библиотеки, откладывая в сторону «Нью-Йорк таймс». Он каждое утро приходит сюда на сквер, как когда-то в почтовое отделение, и, подобрав газету, все ищет и ищет заветную строку: «Требуется».

— И давно? — спросил я у него.

Он посмотрел на свои еще крепкие ботинки, поправил бантик на свежей белой сорочке и, улыбнувшись, сказал:

— Не так ставите вопрос. Долго ли еще? Не знаю. Во всяком случае, лучшее уже позади.

У девушки, что дожидается автобуса, все еще впереди. Но по каким дорогам поведет ее жизнь?

— В Америке много отличных дорог, — заметил как-то вечером за чашкой кофе известный публицист Гарри Фримен, — но, к сожалению, нет одной, главной — к человеческому счастью.

Впрочем, может быть, этой девушке повезет, как, например, повезло ее земляку Эдгару Поуку. Он работает в фирме по производству кухонной посуды. Как-то утром Эдгар постучался к своему хозяину и сказал:

— Есть идея, как увеличить прибыль фирмы.

— Это интересно. Садитесь.

— Фирма существует двадцать лет. За это время мы уже должны были завалить ножами для очистки картофеля всю Америку.

Надежные спины, увесистые дубинки.

Ы...

Ведь выпускаем мы их сотни тысяч в год. И все же этот инструмент все еще покупают. Вы не задумывались, сэр, почему это происходит?

— Ну, наверное, ножи изнашиваются, стареют...

— И да и нет. Чаще женщины ножи теряют. Вместе с очистками от картофеля они выбрасывают их в мусоропровод. Так давайте облегчим им эту задачу.

Хозяин задвигался в своем кресле.

— Каким образом? Выкладывайте!

— Ну, нет. Не сразу. Сначала

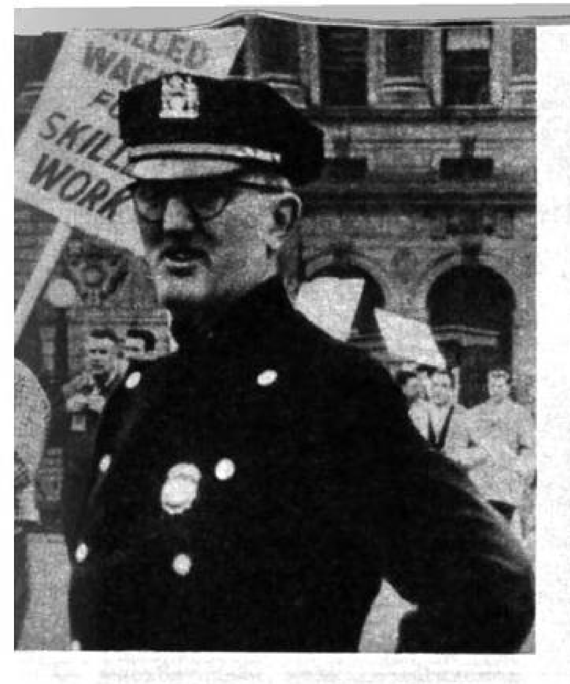

← В поисках «строки надежды»

условие: пять процентов с прибыли.

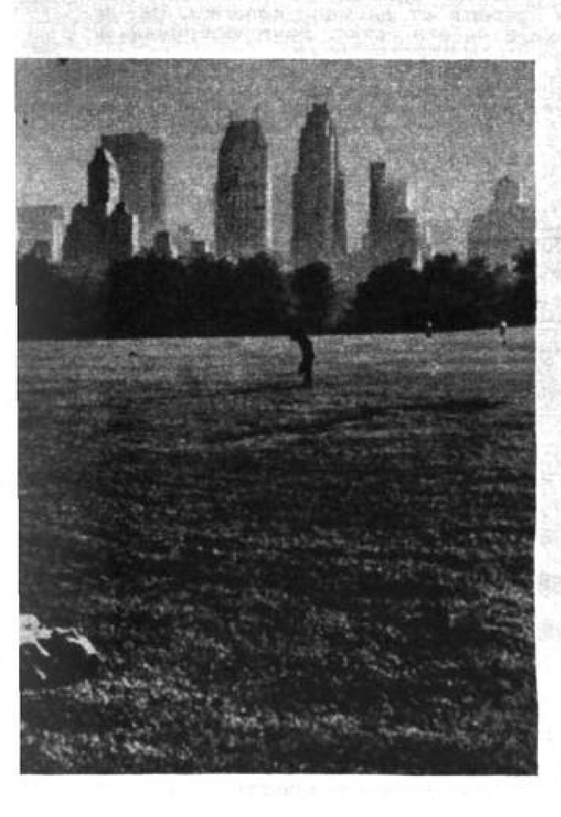
И Эдгар Поук изложил свое рационализаторское предложение. Оно было просто, как детские пеленки.

— Ручки у ножей нашей фирмы красят в яркие цвета. Давайте с завтрашнего дня их красить в цвет картофельных очисток.

Предложение было принято. Спрос на ножи с тех пор резко возрос. Эдгар Поук из Даун-тауна переехал на Парк-авеню. Теперь у него швейцар и солидный «крайслер» для загородных прогулок. Он уже больше не отдыхает так, как эти двое на чахлой траве в центральном парке Нью-Йорка.

Эдгар Поук и его фирма не преступили порога законности. Американский образ жизни охраняют крепкие парни с широкими спинами и увесистыми дубинками. Таких парней много на улицах Нью-Йорка, но особенно их много на тех, где ютится беднота.

По каким дорогам поведет ее жизнь?

Улицы, улицы... Жители Гринвич-виллиджа, района художников и писателей, музыкантов и актеров, района маленьких театров и кафе битников, часто видят на Вашингтон-сквер поэта Кени Барка. Он приходит сюда читать свои стихи — стихи о скорби и радости, о борьбе и покорности. Здесь его единственная трибуна. Но и она ненадежна. Свисток полицейского, как правило, заканчивает его творческий вечер, не успевший начаться.

Неужели лирические стихи Кени Барка страшнее молодчиков, марширующих по улицам Нью-Йорка со свастикой на рукавах? Нет, конечно, скажут вам нью-йоркцы. Так почему же свастика пользуется большим уважением у блюстителей порядка, чем строка о песне соловья?! На Авеню оф Америкас, в небольшом кафетерии неподалеку от Радио-сити, я слышал взволнованный разговор двух пожилых джентльменов о корпорации убийц, которая вновь заявила о своем существовании после того, как в 1957 году было объявлено о ее ликвидации. Преступления этой корпорации пугают жителей Нью-Йорка. Но у фашизма больше опыта по этой части!

Улица — витрина города. Если внимательно всмотреться в нее, многое станет ясным из того, что спрятано за стенами домов.

Нью-Йорк

Обитаемый остров

В. ПРИВАЛЬСКИЙ, Е. РОСЛЯКОВ

Фельетон

Рисунки Вл. ГАЛЬБЫ.

Скажите, пожалуйста, что такое штиблеты? Обувь, разумеется. А что такое шкаф? Мебель, конечно! А корова? Млекопитающее. Любит хорошо поесть. Зато и сама представляет собой целое меню: молоко, масло, сметана, бифштексы и т. п. Все это, разумеется, так. С точки зрения людей обыкновенных.

Ну, а задайте те же вопросы человеку с сильно развитыми хватательными способностями, он ответит: собственность! Штиблеты, штаны, отрезы, брошки, меха, ковры, серванты — боже, сколько на свете вещей! «Мой, моя, мое!.. Ты не имеешь, он, она, они не имеют. А я имею!» Таковы стяжательные местоимения.

Собственник не прочь заглянуть и в будущее. При одной мысли о той части формулы, где обещается каждому по потребностям, у него текут слюни и сами собой начинают загибаться пальцы: «Пальто габардиновое — раз, шуба нейлоновая — два... Нет, две шубы, три, десять шуб! А дачи! Подмосковная — раз, вилла в Крыму — два!.. А машина! Нет, не машина, собственная автобаза: мне — «Чайка», жене — «Волга», детям — по «Москвичу». Сказано же: «Каждому по потребностям». А может, у меня именно такие потребности!»

В последнее время собственник все жаднее стал хвататься за имущество недвижимое, как-то: индивидуальные жилые дома, сады, огороды и прочее. Стоит, например, терем-теремок. Кто в том тереме живет? Мышка-норушка? Да вроде того. Сам хозяин готов жить хоть в норе, хоть в собачьей будке, а терем сдает внаем. И будут жить в нем курочки не простые, а те, что несут золотые яички.

И каждый год весной происходят примерно такие сцены.

— Дети есть? — спрашивает хозяин двухэтажного терема у папаш и мамаш, привлеченных объявлением «сдается внаем».

— Есть,— робко признаются папаша с мамашей.

— Сколько?

— Двое.

— Не пойдет. Вот если бы штук тридцать — сорок, тогда другой разговор. Короче, сдаю только под детский сад.

Собственные дети дачевладельца воспитываются в государственном детском саду. Да и сам он в невинном возрасте ходил в государственный детский садик, пел «ладушки-ладушки» и хлопал в ладошки. Увы, с тех пор крохотные ладошки превратились в лапы загребущие, а из ребеночка вырос хозяйчик, кулак, собственник. Между прочим, он говорит не только «моя дача», но и «мой завод», «мой город», «моя страна». Только не так, как это произносим мы с вами. «Мой завод» — здесь он получает зарплату. «Мой город» — здесь он покупает или продает. «Моя страна»...

Да полноте! Его ли это страна? Это наша с вами страна! А он? Он живет на острове, на крохотном клочке суши.

Давайте, читатель, познакомимся с племенем собственников. Оно встревожено. Боится фининспекторов? Ничуть! Племя хоть кого обведет вокруг пальца. Опасается прокуроров? Нисколько! Войну с законом племя ведет давно и не безуспешно. Пожалуй, больше всего племя собственников страшится суда общественности: как бы не вытащили за ушко да на солнышко. Но именно так и надо поступать с подобными индивидуумами.

Разрешите представить вам Ивана Сумбатовича Казарова. Иван Сумбатович, конечно, стесняется и не хочет показать свое истинное лицо, когда дело идет о знакомстве с общественностью. А что это за папочка в руках у Казарова? «Дело»! Иск к Белецкому горисполкому. За что же так обиделся Иван Сумбатович на город Бельцы?

В 1957 году И. С. Казаров вступил в должность начальника Белецкого горкомхоза Молдавской ССР. Не знаем, как там насчет трудов праведных на ниве городского хозяйства, только очень скоро на улице Пушкина выросли палаты каменные. 265 квадратных метров полезной площади, почти 100 квадратных метров жилой! Обошелся этот дом в копеечку: по самым скромным подсчетам он стоит около 10 тысяч рублей. Кое-кто покачивал головой, кое-кто указывал «отцу» города на его, мягко выражаясь, неэтичное поведение. Ему бы извлечь урок из этого. Но собственник предпочитает извлекать нечто совсем иное — доход. В палаты каменные домовладелец пустил жильцов. А сам? Неужто остался на улице? Или поселился с женой в каком-нибудь жалком рай-шалаше? Ничего подобного! У Ивана Сумбатовича была превосходная квартира, предоставленная ему в свое время государством.

А потом Казаров с супругой переезжают в Кишинев, где их также ждет отдельная квартира.

— А как же дом? — спросили у Казарова, когда он прощался с родными пенатами.— Надо бы сдать.

— А я давно уже его сдал! — ответил собственник.— Внаем.

Горисполком принял вполне справедливое решение: дом у собственника изъять и устроить в нем детсад. И тут началось нечто странное. За Казарова горою встали защитники: сперва в горисполком позвонил заведующий юридическим отделом Совета Министров республики Н. И. Борисов и предупредил. Потом позвонили из приемной заместителя председателя и указали. Наконец раздался третий звонок — заведующий общим отделом пригрозил... отменить решение горсовета.

После третьего звонка произошло совсем не то, на что рассчитывали домовладелец и его защитники: горсовет передал дело в суд. Казаров живо приехал в Бельцы и немедленно дал отвод сперва одному составу суда, потом другому и, наконец, третьему.

— Что же теперь делать? — недоумевает старший судья тов. Голоколенов и обращается в Верховный суд республики, «ввиду особого значения дела, так как это первый случай, когда в г. Бельцы решили изъять хоромы, и, естественно, горисполком заинтересован в поддержке своей инициативы, да и справедливость этого требует».

Золотые слова! Вот только интересно, что ответят на них защитники собственника Казарова?..

Иван Васильевич Крылов — пенсионер. Уважением у товарищей не пользуется. Зато пользуется недвижимой собственностью. Да еще как! У него участок в полгектара в центре Сестрорецка, двухэтажный дом, выходящий на две улицы, во дворе сараи, клетушки. Впрочем, сам Иван Васильевич — человек скромный.

— Много ли нам с женой вдвоем надо? Мы и в клетушке проживем, вот хоть в этой. А остальной площадью пусть добрые люди пользуются... Что? Бесплатно? Нашли дурака! Даром, что ли, я в клетушке буду прозябать? Дом-то ведь мой!..

Крылов тщательно скрывает от финансовых органов суммы доходов. Но как бы ни изворачивался домовладелец, всем ясно: доходы эти нетрудовые.

Еще один житель «обитаемого острова» — К. К. Мосоянц. В самом начале нэпа он приобрел в центре Киева двухэтажный дом в 250 квадратных метров полезной площади. И долгие годы сдавал его внаем. Затем Мосоянц уехал из Киева, а дом перешел во владение райсовета. Жили в нем жильцы, платили обычную квартплату и думать позабыли о домовладельце. Но в один прекрасный день является Мосоянц и заявляет: гоните денежки.

— За что? Дом-то ведь государственный!

— Был государственный, а теперь опять мой. Нарсуд возвратил.

Хорошо, что у Мосоянца был только дом, а то, глядишь, добрые судьи вернули бы ему заводик, или шахту, или железную дорогу.

Недавно дом у собственника все-таки отобрали. Правильно. Тунеядцев надо лишать источника нетрудовых доходов. Но собственник возмущен, он протестует, он жалуется.

— Социалистической собственности я не расхищал, магазинов не грабил, валютой не спекулировал! Я просто владел домом. А как говорится, мой дом — моя крепость. Крепости, как известно, время от времени сдаются. Вот я и сдавал свою... двум фабрикам и трем квартирантам.

Только-то и всего!

Собственник живуч и хитер. Он идет на все, когда источнику его доходов угрожает опасность. Домовладелец Трофим Ткаченко, о котором в прошлом году писал «Огонек», владеет четырьмя домами в Днепропетровске. После выступления журнала секретарь Днепропетровского горкома КП Украины тов. Чебриков ответил, что исполком районного Совета принял решение изъять эти домовладения в фонд местного Совета депутатов трудящихся.

«6 марта,— сообщают жильцы, проживающие в домах Ткаченко,— был назначен суд. Но когда мы пришли, районный судья Стрельцова, домовладелец Ткаченко и защитник закрылись. Жильцы потребовали пропустить их на это

Дурной пример

Леонид ЛЕНЧ

Рисунок Ю. Черепанова.

Весной в Москве бывают удивительные дни. С утра на небе ни облачка, а солнца в городе так много и оно такое радостное, что все беспричинно улыбаются.

Улыбаются девушки на улице, улыбаются, жмурясь от ласковых, нежарких солнечных лучей, старики-пенсионеры, сидящие на скамейках в скверах, улыбаются дюжие парни в брезентовых спецовках, копающиеся в вечно развороченной то тут, то там уличной утробе.

Кажется, что улыбаются даже неприлично облезлые кошки. Они сидят в подворотнях и пристально смотрят на жирных, самодовольных голубей, беспечно разгуливающих среди снующих взад-вперед автомашин. При этом кошки нахально облизываются.

В такой вот замечательный весенний день в маленьком кафе на одной из улиц сидели за столиком два друга, вчерашние десятиклассники и сегодняшние студенты высшего учебного заведения, в котором готовят будущих дипломатов — Юра и Алеша.

Будущие дипломаты внешне не очень-то, мягко выражаясь, соответствовали стандарту мужской дипломатической элегантности. Они были в заношенных, старых свитерах и в мятых штанах, испещренных пятнами всех цветов радуги. На головах у будущих дипломатов лихо сидели кепчонки, густо припудренные известкой, а ноги были засунуты в разбитые туфли, в которых друзья ходили по грибы еще в позапрошлое лето. Впрочем, если бы вы увидели Юру и Алешу вечером, когда они в своих строгих выходных костюмах, в белых сорочках с хорошо подобранными галстуками спешат

совещание, но их не пустили. Судья отложила суд на неопределенный срок, чтобы домовладелец Ткаченко предоставил суду справки. Ну, Ткаченко и добыл ложные справки, ведь три квартиры занимают его родственники: одну квартиру — дочь, вторую — сестра жены, третью — тетка. Судья Стрельцова заявила, что нет основания лишать Ткаченко четырех домов, так как дома отремонтированы. А на самом деле домовладелец Ткаченко за свой хозяйский счет не сделал ни одного ремонта. Мы все, жильцы дома № 11 по проспекту Калинина, ждали освобождения от домовладельческого господства Ткаченко, а получилось наоборот: он еще более укрепился в своих владениях. Вот уже дважды ходили к старшему судье Цибенко, так он и говорить не хочет, ответил грубо тов. Латыповой, депутату райсовета: «Что вы пристали к Ткаченко?»

Подписи: Квятковская, Никанович, Латыпова, депутат райсовета, Валько, Солонин, Мухортова и другие».

Как видно из письма, домовладельцы еще находят защитников. Мы надеемся, что победит общественность.

Напомним товарищам из Днепропетровска: три года назад «Огонек» опубликовал фельетон о подмосковном дачном дельце Нагиеве. Дачевладелец жаловался, обивал пороги учреждений. Суд лишил его источников нетрудового дохода: отобрал дачи и земельный участок. Верховный суд РСФСР постановил не возмещать Нагиеву стоимость изъятых домовладений.

...В одном из московских дворов 13-го микрорайона в Хорошово-Мневниках можно было наблюдать такую картину: на большом участке следы вырубленного сада, уничтоженного цветника. Какое варварство! АПУ, где ты?

— Ну, вот оно, я. В чем дело? — говорит солидный мужчина.

— Простите, кто вы?

— АПУ и есть. Я инженер Куренков из архитектурно-планировочного управления Москвы.

— Безобразие! Великолепный сад, обширный цветник, которые могли бы украсить целый квартал, все под корень снесено!

— Подумаешь, был сад — нет сада. Так сказать, диалектика.

— И это говорите вы, человек, призванный украшать города, украшать жизнь людей?!

— А я и украшал.

— То есть?

— Участок-то был мой. И сад мой. И цветник мой. Я их по ночам сторожил. На урожае своих детей вырастил. А тут, понимаете, строят рядом многоэтажные дома, чужие дети моими цветочками любуются, жильцы в моем саду под моими деревьями гуляют. А общественность еще хуже: потребовала отдать участок коллективу. Вот я и вырубил, а часть деревьев перевез на другой участок.

Общественность потерпела поражение. «Мы пробовали,— пишут товарищи из домового комитета,— повернуть с частного предпринимательства на общественный путь Н. А. Куренкова. Но Куренков остался при своем мнении».

Да, никому не удалось «повернуть» предпринимателя: ни общественности, ни народному суду, ни прокуратуре. Общественность только констатировала: «Куренков терроризировал всех соседей».

Партийная организация управления чересчур мягко оценила хулиганские действия «любителя природы»: Куренкова всего лишь предупредили. Бюро Московского городского комитета партии объявило ему строгий выговор. Управлению рекомендовали отобрать у собственника участок. Однако Куренков по-прежнему владеет участком и даже является председателем правления садоводов.

Но довольно! Прочь с «обитаемого острова»! И все-таки глаз с него спускать не следует, он всегда должен оставаться в поле зрения. Помните, читатель: ничего так не боится чуждое нам племя собственников, как суда общественности.

БЕРЕГИТЕСЬ, ЛИДЕРЫ!

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

Теоретически считается, что шахматист, играющий белыми, имеет небольшое преимущество. Тринадцатый тур в Кюрасао никак не подтвердил этого правила. Как далека иногда теория от практики!

Да, не зря тринадцатое число на Западе считается несчастливым. Тринадцатый тур оказался «черным» для белых! Белые проиграли все четыре партии. От рук Т. Петросяна, П. Кереса, В. Корчного пострадали Р. Фишер, П. Бенко и М. Филип. В каждом туре обязательно встречается минимально одна советская пара. Поскольку М. Таль в этом турнире начал проигрывать с первого же тура, то не так уж странно, что он проиграл еще и в тринадцатом — Е. Геллеру.

Исключительно важное значение имеет победа Т. Петросяна. Во-первых, он значительно улучшил свое турнирное положение. Во-вторых, Петросян послал Фишера в нокдаун как раз в тот момент, когда юный чемпион США стоял в турнире так хорошо, как никогда, отставая от советской тройки всего лишь на пол-очка. Теперь дистанция между ними снова солидная.

«Начнем снова с центра»,— как бы говорит Фишер. «Пожалуйста, на здоровье»,— отвечают ему наши ребята.

Пока у Фишера всего лишь 50 процентов очков. Да простит мне читатель футбольную терминологию, но сейчас больше чем шахматная — футбольная пора. Поэтому, продолжая в том же духе, можно сказать, что это был уже пятый гол в ворота Роберта Фишера...

Накануне четырнадцатого тура в Кюрасао заметно было оживление. Американское агентство сообщило, что к пяти советским гроссмейстерам на остров Кюрасао прилетает «мощное подкрепление» — жены.

Кто-кто, а жена лучше других может расшифровать любую «загадку»! Жена знает все точно. Поэтому я попросил очаровательную супругу Михаила Таля, Салли, рассказать, в чем загадка неудач ее мужа.

— Никакой загадки нет,— ответила она.— Миша не любит оправдываться, он никак не хочет умалять достижений своих партнеров, но ясно, что Таль болен.

— Может быть, тогда ему лучше было отказаться от участия в турнире?

— Может быть. Его уговаривали в Риге. Но Миша и слышать не хотел.

— Все понятно. Вопросов больше нет, кроме одного: вы с Мишей беседуете по телефону, что он говорит?

— Миша говорит: «Ничего не соображаю, особенно на пятом часу игры».

К моменту посадки самолета с женами на аэродроме в Кюрасао наша пятерка гроссмейстеров постаралась подготовить для прибывающих приятные сувениры. Т. Петросян преподнес жене очередное очко — в партии с М. Филипом. Постарался и М. Таль. Я так и слышу следующий диалог: «Миша, ты выиграл у Виктора Корчного? Не может быть!» «Почему не может быть? Ты что думаешь, я уже совсем разучился играть в шахматы?» «Да нет, я так не думаю, но все привыкли, что ты Корчному всегда проигрываешь...»

Это верно. Сколько лет В. Корчной выигрывал у Таля, сколько раз рушились попытки Таля переломить эту «традицию»! И вот в тропической жаре Таль впервые победил Корчного.

Эта победа может поднять боевой дух экс-чемпиона мира. А Корчного сенсационный проигрыш отбросил сразу на четвертое место. Как различны результаты Корчного в первом и втором круге! В первом круге он начисто сокрушил тройку — Р. Фишер, М. Филип, М. Таль. Во втором круге эта тройка дала Корчному всего лишь одно очко.

Зато вышеназванную тройку во втором круге со счетом 3 : 0 победили Е. Геллер и Т. Петросян. Сейчас эти два молодых гроссмейстера шагают по Кюрасао как лидеры. Никому не удалось пока выиграть у них.

Угадать имя противника М. Ботвинника в матче 1963 года теперь легче: Е. Геллер, Т. Петросян, П. Керес, В. Корчной. Один из них победит в итоге этого турнира или в дополнительное время, в случае дележа первого и второго места.

Этот квартет во встречах между собой пока проявлял некоторую осторожность, и, если посмотреть на турнирную таблицу, можно увидеть, что все сыгранные между ними партии закончились вничью. Следовательно, пока что решающим для лидеров был результат во встречах с неудачниками этого турнира. Видимо, решающим фактором будет игра неудачников — М. Таля и М. Филипа. Во второй половине еще упорнее, еще свирепее будет играть и Р. Фишер. Неудачники турнира могут во второй половине взбунтоваться. Берегитесь, лидеры!

Антракт окончен. Начинается третий акт шахматного конфликта в четырех действиях.

на свидание или на концерт, вы, несомненно, сказали бы, что эти юноши могут стать дипломатами. Во всяком случае, по части умения одеваться.

Однако нужно все-таки объяснить читателям, почему будущие дипломаты выглядели столь непрезентабельно в этот нарядный весенний день. Причина была простая: комсомольская организация послала их поработать на стройке школы в порядке общественной помощи.

Ребята трудились на стройке разнорабочими. Поработав в охотку, как следует, они в обеденный перерыв забежали в кафе немножко подзаправиться. Быстро покончив с сосисками, будущие дипломаты занялись кефиром и булочками с кремом.

И в этот момент в кафе появилась новая посетительница — дама с недовольным, расстроенным лицом, одетая с большими претензиями и с малым вкусом.

В одной руке она держала зажатую под мышкой огромную белую лакированную сумку, а другой тащила за собой толстого мальчика лет шести, крепко сжимая его пухлую ручонку в своем внушительном кулаке.

Мама подтащила толстого сына к свободному столику и заставила его сесть на низкий красивый стул. Потом она подозвала официантку и заказала два стакана какао и две булочки с кремом. Официантка принесла заказ, получила деньги и скромно удалилась.

— Пей какао! — приказала толстая мама толстому сыну.

— Пей сама! — ответил толстый сын толстой маме.

— Вот противный бутуз! Пей, тебе говорят.

— Пей сама, тебе говорят!

— Хорошо! — сказала мама зловеще-сладким голосом.— Я выпью твое какао, раз уже за него заплачено.

— Пей,— ответил сын.

— Ну, обожди, приедем домой...— сказала мама и выпила оба стакана. Потом она взяла булку.

— Сейчас же ешь булку, тебе говорят!

Но противный бутуз отвел материнскую руку.

Будущие дипломаты, наблюдавшие с улыбкой за этим поединком, громко фыркнули. Мама покосилась на них и переменила тактику. Теперь она взывала к гражданским чувствам непокорного сына. Она сказала ему укоряющим шепотом так, чтобы ее услышали эти насмешливые мальчишки, сидевшие за столиком в углу:

— Будешь плохо кушать — будешь плохо учиться, когда поступишь в школу. А будешь плохо учиться — станешь таким, как эти... никуда не приспособленным! Видишь, какие они грязные?

На этот выпад ребята должны были как-то ответить. И они ответили.

— Говорим только по-английски! — сказал Алеша чуть слышно.

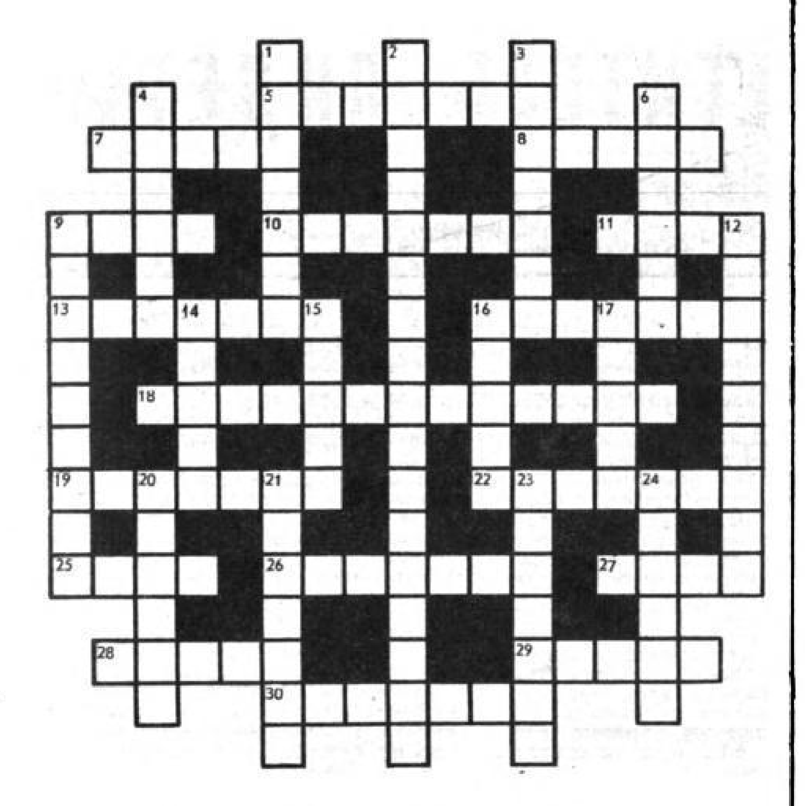
Они поднялись и пошли к выходу, разговаривая по-английски. Произношение у друзей было отличное!

В дверях Алеша обернулся и увидел, что толстая мама подавилась булкой. Наконец, справившись с булкой, она накинулась на сына:

— Ешь булку, тебе говорят!

— Давись сама, тебе говорят! — сердито сверкнул глазами сын и ловко швырнул булку прямо под нос заглянувшей в кафе желтой собачонке. Та благодарно улыбнулась мальчику, схватила булку в зубы и — не будь дура! — помчалась в ближайшую подворотню.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Приток Конго. 7. Хищное животное. 8. Остров в Балтийском море. 9. Автор панорамы «Оборона Севастополя». 10. Музыкальная пьеса. 11. Зодиакальное созвездие. 13. Столица Венесуэлы. 16. Оконная занавеска. 18. Русский мореплаватель. 19. Обработка земли плугом. 22. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 25. Роман М. Ауэзова. 26. Декоративное растение. 27. Место в зрительном зале. 28. Знатный шахтер. 29. Государство в Азии. 30. Горючая жидкость.

По вертикали:

1. Рыболовная лодка. 2. Прибор для преобразования напряжения. 3. Спутник планеты Уран. 4. Площадка пассажирского вагона. 6. Венгерский поэт XIX века. 9. Шахматный ход. 12. Сплав металла с ртутью. 14. Героиня повести А. И. Герцена «Сорока-воровка». 15. Плодовое дерево. 16. Раздел книги, статьи. 17. Угол между направлением движения корабля и его осью. 20. Произведение изобразительного искусства. 21. Монета. 23. Химический элемент. 24. Гриб.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

7. Чуковский. 8. Плантация. 9. Шапка. 11. Чугун. 12. Рубильник. 15. Пробирка. 17. Тарасова. 18. Адвокат. 19. Экскаваторщик. 22. Пианино. 24. Селекция. 25. Яблочков. 27. «Холстомер». 29. Вигль. 30. Октет. 31. «Локомотив». 32. Клинопись.

По вертикали:

1. Бутафория. 2. Носка. 3. Шкатулка. 4. Фабрикат. 5. Валун. 6. Тимуровец. 10. Благодарность. 13. Дидактика. 14. Бадминтон. 16. Аджария. 17. Таможня. 20. Свешников. 21. Егорьевск. 22. Пирометр. 23. Объектив. 26. Клеон. 28. Скопа.

На первой странице обложки: Маленький крепыш.
Фото Дм. Бальтерманца.

На четвертой странице обложки: Модели летнего сезона 1962 года, которые были представлены Общесоюзным Домом моделей на советской выставке в Рио-де-Жанейро.
Фото М. Ганкина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00097. Подписано к печати 30/V 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 887. Заказ № 1568.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Марки Мали

Альбомы филателистов пополнились новыми марками независимого африканского государства — Республики Мали, провозглашенной 22 сентября 1960 года.

Перед вами три марки. На одной из них крупным планом дан портрет главы государства и председателя правительства Республики Мали Модибо Кейта.

На другой — трехцветный флаг Республики Мали. В центре эмблема Организации Объединенных Наций. Памятные даты на этой марке и мечеть говорят о дне провозглашения независимости Мали и принятии молодого африканского государства в члены ООН.

На третьей марке изображены скотовод на верблюде и мечеть Санкоре в городе Тимбукту. Это древний памятник архитектуры, сооруженный в XIV—XV веках. По длине и ширине мечеть равнялась знаменитой Каабе в Мекке.

М. МИЛЬКИН

ЛЕСНАЯ МОЗАИКА

Не мольберт — стол перед художником. В руках его вместо кисти острый нож, молоточек, металлическая лопаточка. Вместо холста и красок маленькие кусочки различных пород дерева. Художник создает свою картину с помощью лесной палитры.

Более семидесяти древесных пород в его коллекции. Тут и голубизна серого клена, и серебристая бархатистость карельской березы, и коричневый орех, и розовато-желтая груша.

Валентин Матвеевич Абрамов раньше служил в армии. Дальние дороги забрасывали его в тайгу. Именно там он по-настоящему полюбил природу, почувствовал всю красоту леса. И когда ушел в запас, впервые взялся за карандаш, а потом с помощью кусочков древесины сделал свою первую картину.

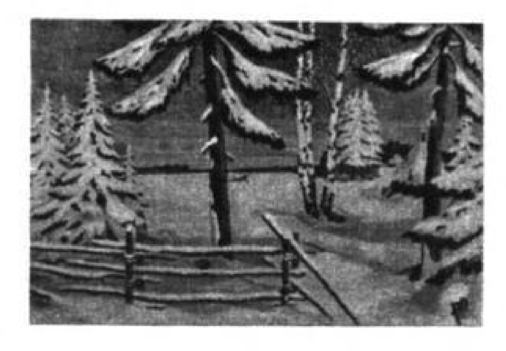
Свежие, яркие розы — какое богатство оттенков, изящество линий! Каждый цветок составлен из семидесяти трех отдельных кусочков. Естественные цвета дерева удачно заменили краски.

Искусство инкрустации требует большой наблюдательности. Ведь иногда природа сама делает подарки. Нужно только уметь увидеть их зорким глазом художника. Перед нами горный пейзаж. Он сделан из двух кусочков орехового дерева. На одном природные прожилки нарисовали задумчивые темные скалы, а на другой соки дерева плеснули краски пламенеющего заката. Соединить два эти среза, а потом добавить к ним несколько совсем миниатюрных кусочков дерева, напоминающих розовато-белые далекие снежные вершины, — и картина готова.

Среди работ инкрустатора-любителя Абрамова и портрет космонавта Юрия Алексеевича Гагарина.

Маленькая комната, где живет москвич Абрамов, напоминает одновременно мастерскую и картинную галерею. На стенах — картины, а на столе — лесная мозаика.

Т. КОНЮШКОВА

АВТОГРАФ СОБИНОВА

Уникальна коллекция ленинградского архитектора Ю. В. Перепелкина. Она насчитывает свыше 14 тысяч граммофонных записей и биографических материалов известных русских актеров и певцов. Среди них грамзаписи голосов Черкасской, Неждановой, Обуховой, Шаляпина, Собинова и многих других.

Недавно Ю. В. Перепелкин приобрел фоторепродукцию цветной картины русского художника-жанриста Н. Богданова-Бельского «За сочинением». Подлинник этого произведения хранится в Государственном Русском музее в Ленинграде. На полях фотографии рукою великого певца Л. В. Собинова сделана надпись: «Таков был может быть мой дед, может быть мой отец, а может быть и я. Леонид Собинов 1903».

С. ШПИЦЕР

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЫША

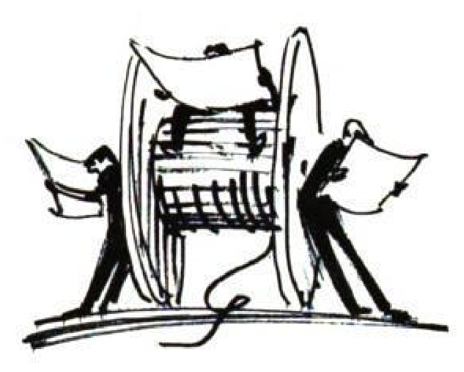
Рисунки Ю. Черепанова.

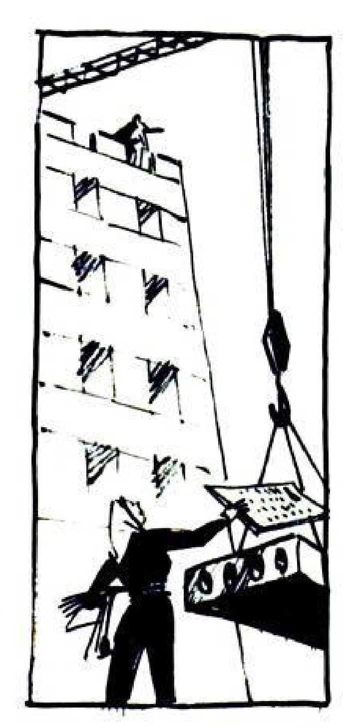
СВЕЖАЯ ГАЗЕТА

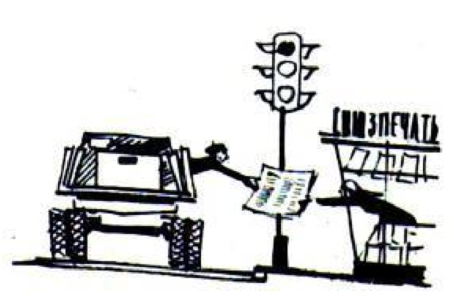
Зарисовки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Варна

Мне хорошо
На зеленой болгарской земле,
Где ромашки цветут на скале,
Где горят
Радуги.
Сосны шумят,
Задушевно, по-русски, шумят
И напевно со мной говорят,
Как у нас
В Ладоге.
Мне поет Болгария
Песню свою,
И вдвоем с Болгарией
Сам я пою.

Припев: Варна,
Ты мне нравишься, Варна,
Здесь цветы, как улыбки
земли,
Всюду цветут.
В Варне
Ходят смуглые парни
И, как песни, плывут
корабли.
Тают, плывут...

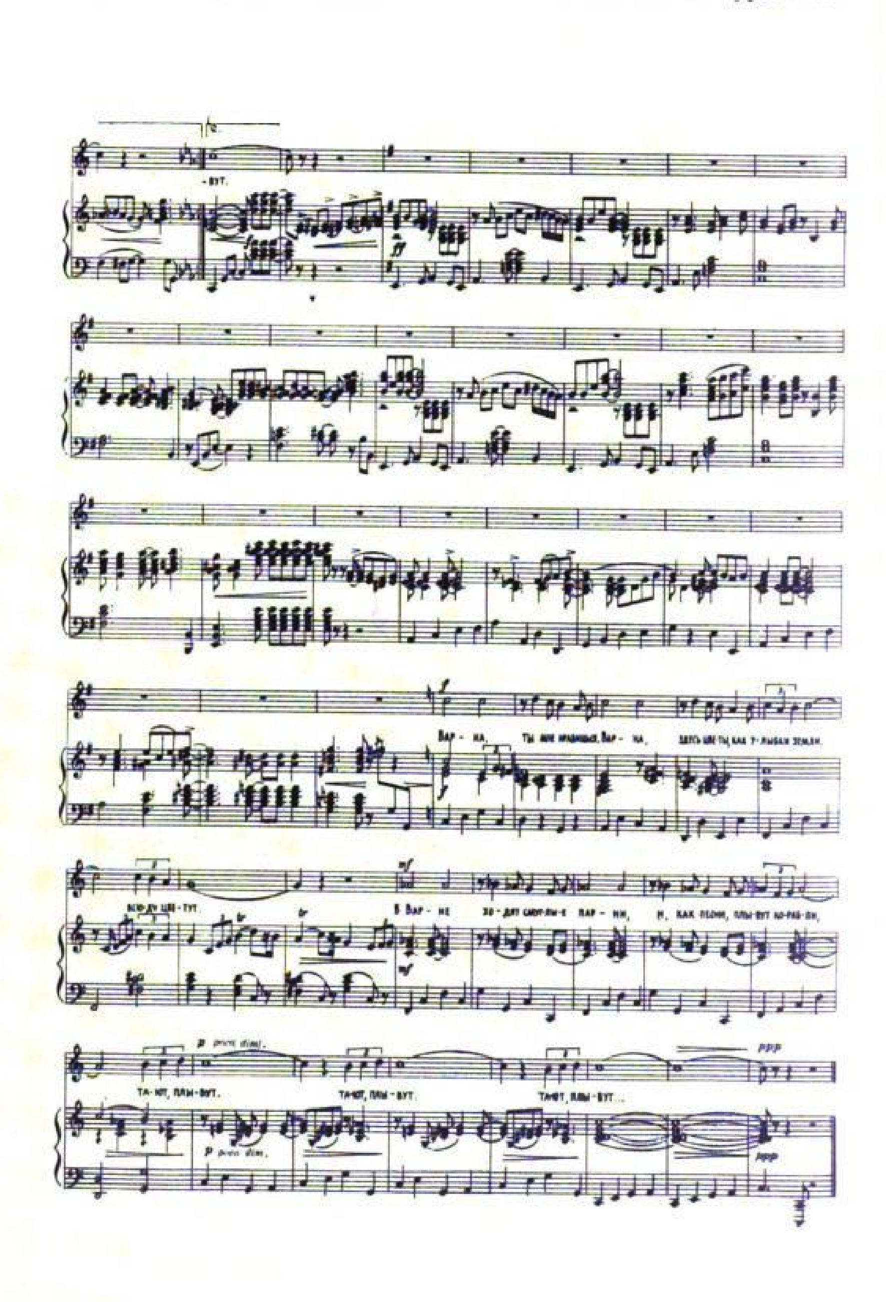
Молча сижу
У родной черноморской волны,
Что пришла из моей стороны,
С берегов
Родины.
Я б загрустил,
Но мне Варна грустить не дает,
Уж такой здесь хороший народ
И сады
Стройные.
И такое солнышко
Вышло светить,
Что могу от солнышка
Я прикурить.

Припев: Варна,
Ты мне нравишься, Варна,
Здесь цветы, как улыбки
земли,
Всюду цветут.
В Варне
Ходят смуглые парни
И, как песни, плывут
корабли,
Тают, плывут...

Музыка Андрея БАБАЕВА

Стихи Николая ДОРИЗО

Цена номера 30 коп.

